

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК III

СЕРИЯ А. АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ



ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»



К 255-ЛЕТИЮ МОСКОВСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

МОСКОВСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ М.В. ЛОМОНОСОВА
ФИЛИАЛ МГУ В ГОРОДЕ СЕВАСТОПОЛЕ

ПРИЧЕРНОМОРЬЕ

ИСТОРИЯ, ПОЛИТИКА, КУЛЬТУРА

ВЫПУСК III

СЕРИЯ А. АНТИЧНОСТЬ И СРЕДНЕВЕКОВЬЕ

ИЗБРАННЫЕ МАТЕРИАЛЫ
МЕЖДУНАРОДНЫХ НАУЧНЫХ КОНФЕРЕНЦИЙ
«ЛАЗАРЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ»

Севастополь
2010

Причерноморье. История, политика, культура. Выпуск III. Серия А. Античность и средневековье. Избранные материалы Международных научных конференций «Лазаревские чтения» / Под общей редакцией В.И. Кузицина. - Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2010. – 165 с.

Сборник содержит статьи, подготовленные по материалам отобранных оргкомитетом для публикации докладов профессоров, преподавателей и студентов Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова и Филиала МГУ в г. Севастополе, сотрудников научных и музейных учреждений России, Украины, Крыма и Севастополя, прочитанных на заседаниях Международных научных конференций «Лазаревские чтения» в 2007-2009 гг.

Представленные статьи будут интересны широкому кругу специалистов в области истории и археологии Причерноморья.

Редакционная коллегия:

Трифонов В.А.,	кандидат химических наук, доцент, директор Филиала МГУ в г. Севастополе.
Иванов В.А.,	доктор физико-математических наук, профессор, академик НАН Украины, зам. директора Филиала МГУ в г. Севастополе по научной работе.
Кузицин В.И.,	доктор исторических наук, профессор, советник декана исторического факультета МГУ, зав. кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (главный редактор).
Усов С.А.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Филимонов С.Б.,	доктор исторических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, зав. кафедрой истории России ТНУ им. В.И. Вернадского (зам. главного редактора).
Юрченко С.В.,	доктор политических наук, профессор кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, профессор кафедры новой и новейшей истории ТНУ им. В.И. Вернадского, зам. директора по научной работе КРУ «Ливадийский дворец» (зам. главного редактора).
Бойцова Е.Е.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета.
Ставицкий А.В.,	кандидат философских наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Мартынкин А.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе.
Ушаков С.В.,	кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник КФ ИА НАНУ, ведущий научный сотрудник НЗХТ.
Хапаев В.В.	зам. заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе (ответственный секретарь).

Публикуется по решению Оргкомитета Международной научной конференции «Лазаревские чтения»

ISSN 2308-3646

© Филиал МГУ в г. Севастополе

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	6
Научное наследие	
† <i>Золотарев М.И.</i> Формирование в Херсонесском государстве структуры «полис-хора» как основы его экономики	10
Античная история и археология	
<i>Болгов Н.Н., Ляховская О.В., Репина Е.В.</i> Боспорский город Китей в позднеантичный период: микрорайон, городище, некрополь	18
<i>Гаврилов А.В.</i> Первые результаты археологической разведки в окрестностях мыса Чауда и озера Качик на Керченском полуострове	24
<i>Добрецов М.М.</i> Виды кладок оборонительных стен Херсонеса Таврического	39
<i>Дорошко В.В.</i> Плато Сапун-горы во II – первой половине III вв. н.э.	41
<i>Прокопенко С.Н., Репина Е.В.</i> Хора городов в хлебной торговле Боспора эпохи Спартокидов	50
<i>Ушаков С.В., Струкова Е.В.</i> Античный винодельческий комплекс в Северо-восточном районе Херсонеса	55
<i>Ушаков С.В.</i> Этнические процессы в Юго-Западном Крыму эпохи Великого переселения народов (о проблемах методологии, сопоставительном анализе источников и некоторых итогах исследований)	66
Средневековая история и археология	
<i>Бойцова Е.Е.</i> Исламизация Крымского полуострова в золотоордынский период	84
<i>Викторов Ю.Г.</i> Проблема достоверности источников о Переяславской раде 1654 года	91
<i>Гайдуков Н.Е.</i> На городской окраине. Христианская топография окраины городища Эски-Кермен в Юго-Западном Крыму	104
<i>Козлов М.М.</i> Місце та роль скоморохів та поводитирів ведмедів в релігійному житті стародавніх слов'ян	107
<i>Чореф М.М.</i> Новый тип монетного литья Херсона	116
<i>Чореф М.М.</i> К вопросу об атрибуции монограмм на гемифолисах Херсона первой половины IX в.	121
Переводы и публикации	
<i>Хапаев В.В.</i> Стаття італійського сейсмоісторика Джиусто Трайни «Із Крима в Сирію. Переопределение предполагаемого исторического землетрясения 63 г. до н.э.»: перевод и комментарий	126
Научное творчество студентов	
<i>Карнаушенко Э.Н., Карнаушенко А.Д.</i> Реконструкция литургической планировки «Базилики Крузе» в программе 3DS Max 2009 Design	140
<i>Кузнецов В.Н., Кучеренко М.И.</i> О месте и роли Северного Причерноморья в процессе культурно-исторического континуитета IV-VI вв.	148
<i>Тюрин М.И.</i> Херсонес и Боспор во второй половине I в. до н.э.: от зависимости к союзу?	153
Сведения об авторах	164

ПРЕДИСЛОВИЕ

С 2002 г. в Филиале МГУ им. М.В. Ломоносова в г. Севастополе проводится международная научная конференция «Лазаревские чтения». В рамках конференции традиционно работает секция «История и археология Причерноморья в древности и средневековье». В сборнике представлены избранные статьи, подготовленные участниками конференций 2007-2009 гг. по трем основным разделам: античная история и археология; средневековая история и археология; научное творчество студентов.

Кроме того, редакция сборника посчитала своим долгом поместить в специальном разделе «*Научное наследие*» статью известного археолога, специалиста по античной археологии и истории Херсонеса Таврического и Причерноморья М.И. Золотарева, бывшего для многих участников конференции учителем и старшим коллегой. Его статья, написанная по материалам доклада, прочитанного на конференции, посвященной 2500-летию Керкинитиды-Евпатории, отражает взгляды автора на процесс становления и ранней истории херсонесского полиса как системы «полис-хора». В ней приводятся дополнительные факты и аргументы к истории развития аграрного сектора экономики Херсонеса, который стал основой его благосостояния и важнейшим фактором превращения Херсонесского государства в процветающую и крупнейшую аграрно-промышленную державу Северного Причерноморья в античную эпоху.

«*Античный блок*» работ. В статье Н.Н. Болгова, О.В. Ляховской и Е.В. Репиной охарактеризован боспорский город Китей в позднеантичный период по материалам раскопок последних лет; затронута историческая топография памятника и итоги работ на городище и некрополе. А.В. Гаврилов представил первые (и очень важные) результаты археологических разведок на малоизученном участке южного побережья Керченского полуострова – в окрестностях мыса Чауда и озера Качик. Здесь открыты и зафиксированы следы античных поселений и древней размежевки. В.В. Дорошко публикует новые данные о римских оборонительных сооружениях II-III вв. на Сапун-горе в окрестностях современного Севастополя. Заметка М.М. Добрецова посвящена характеристике кладок оборонительных стен Херсонеса Таврического, при этом, автор предлагает основанную на аналогиях схему датировок ранних кладок этого античного города. С.Н. Прокопенко и Е.В. Репиной рассмотрена роль хоры городов Боспора в международной торговле эпохи Спартокидов. Авторы реконструируют численность населения региона, минимальную площадь хоры. Сделан вывод, что излишек зерна, который мог поступать в продажу на внешний рынок с хоры городов Боспора, был ограниченным, а зерно для торговли с Афинами поступало к Боспорским правителям преимущественно не с городской, а с царской хоры и общинно-варварских территорий, входивших в состав Боспорского царства. Е.В. Струкова и С.В. Ушаков вводят в научный оборот новые материалы раскопок городского античного винодельческого комплекса в ХСVII квартале Херсонеса. В ходе раскопок там открыты три цистерны, известняковые детали винодельни и пифоссарий. По найденным материалам, начало функционирования комплекса можно отнести к середине IV в. до н.э., его перестройку и ремонт – ко II – началу III вв. н.э. и прекращение существования – к V в. В отдельной статье С.В. Ушакова рассматриваются проблемы методов исследования, анализа основных источников по изучению этнических процессов в Юго-Западном Крыму эпохи Великих миграций. Автор представил свою схему и итоги исследования.

Разнообразен раздел, посвященный *средневековой истории и археологии*. Статья М.М. Козлова посвящена месту и роли скоромохов и поводырей медведей в религиозной жизни древних славян, которые играли важную роль в языческом культе. Скоромохи стали родоначальниками народного песенного искусства, хореографии и мифологической поэзии. Е.Е. Бойцова рассматривает процесс исламизации Крымского полуострова в Золотоордынский период. Обращаясь к разнообразным источникам, автор приходит к выводу, что распространение ислама на территории Крыма в XIII - XIV вв. происходило в форме

суннизма ханифитского и шафиитского мазхабов. Главными проводниками ислама стали городские духовные центры и суфийские миссионеры, представители таких братств, как ясавийя, кубравийя, накшбандийя, мевлевийя. Утверждается тюрко-монгольская традиция государственно-правовых институтов ислама с приматом светской власти. Ю.Г. Викторов, дополнительно проанализировав источники (в том числе и вновь введенные в оборот), научную и публицистическую литературу о Переяславской Раде 1654 г., пришел к выводу, что у историков нет оснований оказывать недоверие свидетельствам статейного списка В. Бутурлина и сопутствующих ему документов лишь на том основании, что они противостоят сомнительным сведениям некоторых источников, связанных с деятельностью польско-литовского правительства.

Остальные публикуемые работы построены, преимущественно, на анализе археологических материалов. Так, Н.Е. Гайдуковым рассмотрена топография и хронология (на основе литургического подхода) христианских памятников окраины Эски-Керменского городища: «Судилище», «Большой пещерный храм», «Пещерный храм у городских ворот», храм «Трех всадников». Автор обращает внимание на триконхальность трех этих комплексов. М.М. Чореф, на основе анализа находки М.Я. Чорефом медно-свинцовой монеты на окраине городища Эски-Кермен, выделяет новый тип монетного литья Херсона, атрибутированный им как бронза Романа III Аргира (1028-1034 гг.), а также предлагает новый вариант прочтения, атрибуции и датировки херсонских монет IX в. с монограммами «М», «МВ» и «Р».

В.В. Хапаев публикует (с комментариями) перевод с английского языка статьи итальянского сейсмоисторика Джулио Трайны «Из Крыма в Сирию. Переопределение предполагаемого исторического землетрясения 63 г. до н.э.». По мнению итальянского исследователя, историографическая традиция, «породившая» это землетрясение, связана с неверным прочтением и интерпретацией письменных источников, а боспорского землетрясения не было вовсе: оно произошло в Сирии в 65 г. до н.э. Значение этой публикации усиливается тем, что сведения о землетрясении на Боспоре в отечественной литературе считаются надежными и проверенными, как по данным письменных источников, так и археологии.

Работы студентов представлены тремя статьями. Э.Н. и А.Д. Карнаушенко представили вариант реконструкции литургической планировки «Базилики Крузе» в Херсонесе, выполненный в программе 3DS MAX 2009 DESIGN. В.Н. Кузнецов и М.И. Кучеренко затронули место и роль Северного Причерноморья в процессе культурно-исторического континуитета IV – VI вв. На основе краткого рассмотрения основных групп источников сделан вывод, что в эпоху Великого переселения народов регион уцелел как оазис позднеантичной (а затем и ранневизантийской) цивилизации, и смог без катастрофы перейти в новое историческое измерение, новую эпоху. В статье М.И. Тюрина, на основе анализа историографической традиции и нового прочтения источников, рассмотрена система взаимоотношений Херсонеса и Боспора во второй половине I в. до н.э. (при Фарнаке II, Асandre и Полемоне I). Автор доказательно утверждает, что на протяжении 63-8 гг. до н.э. политическое положение Херсонеса Таврического неоднократно менялось. Однако, как в начале, так и в конце этого хронологического отрезка, город был в той или иной степени интегрирован в состав Понтийского царства. В первом случае он напрямую входил в его состав, во втором, по-видимому, был подконтрольным, хотя и формально независимым от понтийского царя городом.

I НАУЧНОЕ НАСЛЕДИЕ

ФОРМИРОВАНИЕ В ХЕРСОНЕССКОМ ГОСУДАРСТВЕ СТРУКТУРЫ «ПОЛИС-ХОРА» КАК ОСНОВЫ ЕГО ЭКОНОМИКИ

†Золотарев М.И.¹

Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Филиал МГУ в г. Севастополе

Изучение классических древностей Таврики насчитывает более чем двухвековую историю. Начавшийся как поиск античных сокровищ в двух противоположных частях Крыма (восточной и западной), этот процесс со временем трансформировался в стройную систему научных археологических знаний об античных памятниках этого региона. Сопоставление богатейших археологических источников с письменными свидетельствами дали возможность для моделирования процесса исторического развития народов, населявших Крымский полуостров в античный период. В процессе территориального оформления границ древнейших античных государственных структур происходило формирование экономико-географических районов Крыма, входящих в рамки общей системы экономико-географического районирования всего античного Причерноморья [25, с. 219-225; 2, с. 129-137].

Рассматривая весь понтийский регион античного периода как единую структуру, органично входящую в единую греческую ойкумену, нетрудно заметить, что события политического и экономического обустройства античных государств Таврики были тесно связаны между собой и во многом контролировались и определялись двумя крупнейшими античными государственными образованиями – Боспорским царством на востоке и Херсонесским государством на западе полуострова.

Остановимся на анализе исторического развития Херсонесского государства от времени основания полиса до времени его наивысшего расцвета в античную эпоху. Из-за ограниченности места основные положения придется излагать тезисно.

Херсонес Таврический (рис. 1) расположен в юго-западной части Крыма на Гераклеюмском полуострове, на мысу, образованном двумя бухтами, носящими современное название Карантинная и Песочная. Западный пологий берег Карантинной бухты, надежно защищенный от ветров, течений и штормов, был выбран гераклеотами для устройства здесь порта, вокруг которого стал развиваться основанный ими в последней четверти VI в. до н.э. город. Одна из причин выбора места для новой апокрии была обусловлена расположением его в северной части кратчайшего морского пути через Понт Евксинский.

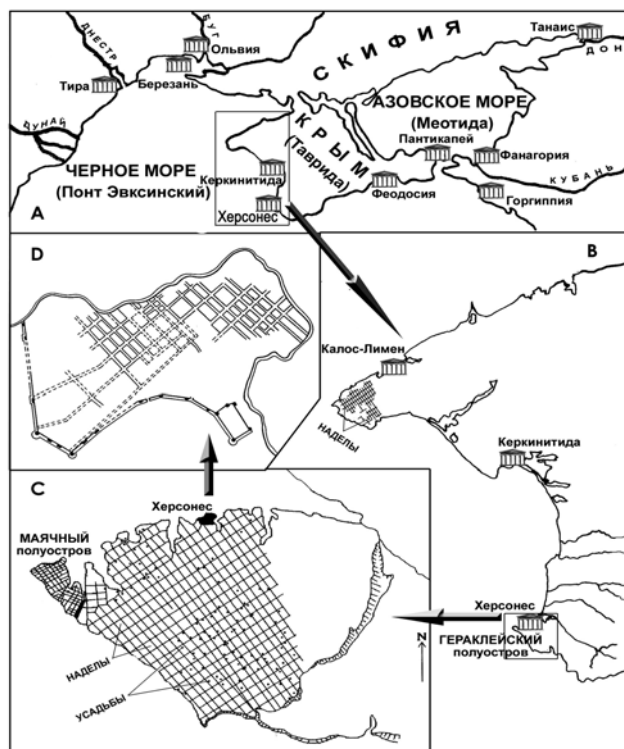


Рис. 1. Территория Херсонесского государства во второй половине IV – первой половине III вв. до н.э.

А. Юго-Западный Крым.

В. Города и хоры Херсонесского государства.

С. Близкая хора Херсонеса.

Д. Кварталы античного Херсонеса (по данным археологии)

¹ М.И. Золотарев (1945-2004) был одним из основателей кафедры истории (ныне «истории и международных отношений») Филиала МГУ в г. Севастополе, исполнял обязанности заместителя заведующего кафедрой в 2000-2004 гг. Представленная статья сохранилась в личном архиве М.И. Золотарева и публикуется впервые.

Этот путь пролегает от мыса Карамбис на южнопонтійском побережье к мысу Крию Метопон в Таврике и совпадает по направлениям с единой системой черноморских течений. Другая причина – исключительно благоприятные эколого-метеорологические особенности Гераклеийского полуострова, позволяющие успешно обустроить, развивать и эксплуатировать его обширные земельные пространства [7, с. 94-100].

В изучении истории любого эллинского полиса проблемами первостепенной важности оказываются вопросы выяснения даты и обстоятельств его основания, определявших пути его дальнейшего развития на протяжении столетий. Это положение целиком и полностью касается Херсонеса Таврического. Как известно, единственный хронологический репер для установления даты основания Херсонеса историческая традиция сохранила нам в перипле Псевдо-Скимна, условно именуемом «Царю Никомену» (ad Nicomedem regem). Этот перипл составленный, скорее всего, в конце II в. до н.э., подобрал в себя бесценную и во многом уникальную информацию более ранних хронографов об основании целого ряда апоек на Понте [См.: 30, s. 27-30; 16, с. 49-52; 29]. По сообщению Пс.-Скимна (v. 826-831) Херсонес основали по оракулу гераклеоты совместно с делосцами. Более столетия тому назад, в 1882 г., проф. Герман Шнайдервирт первым предпринял попытку синхронизировать свидетельство Пс.-Скимна с определенным моментом в истории Делоса: в 422 г. до н.э. жители острова, будучи ровно на год выселены афинянами с острова, могли принять участие в колонизационном предприятии гераклеотов [32, s. 15f]. Несмотря на то, что работа Г. Шнайдервирта представляла собой скорее облегченное от ссылок на источники и современную ему литературу вольное изложение истории Гераклеи, его идея, особенно после появления подробной работы акад. А.И. Тюменева, подхватившего (с глухой ссылкой) и развившего ее в своих «Херсонесских этюдах» [23, с. 245-275], прочно укоренилась в отечественной и западной историографии как раз и навсегда доказанная аксиома и, перешагнув целое столетие, благополучно дожила до наших дней.

Однако исследователи все чаще и чаще задавали себе вопрос: как объяснить происхождение археологических материалов из херсонесских раскопок, которые значительно старше (иногда чуть ли ни на столетие) традиционной даты основания этого дорийского полиса. Попытки объяснить появление в херсонесских слоях древних материалов в рамках теории «двусторонности» греческой колонизации [12] и предшествующему началу колонизационного процесса этапу доколониционных торговых плаваний [1, с. 10 сл.] не нашли своего подтверждения, тем более, что современные теории греческой колонизации отвергают обязательное существование этих этапов колонизационной практики [см. напр.: 3, с. 38-40]. Наиболее остро этот вопрос встал в последние десятилетия, когда в процессе расширения объемов археологических раскопок в Херсонесе, количество архаических материалов стало очень быстро увеличиваться и достигло сотни единиц [9]. Самым ошеломляющим археологическим материалом, добытым в последние годы, стала внушительная серия из 45 покрытых надписями остраконов [35, s. 111-120], которые подразделяются по: I) материалу, II) технике исполнения, III) различным употребляемым формулам. По фактуре глины и, главным образом, палеографии и ранним диалектальным признакам, все они прекрасно укладываются в рамки V в. до н.э. В итоге сопоставительного анализа херсонесских и афинских остраконов мы приходим к выводу о справедливости предложенной интерпретации херсонесских черепков с граффити как остраконов. Можно с уверенностью утверждать, что в таврической апоеке по крайней мере с самого начала V в. до н.э. и как минимум до конца этого столетия, если не до конца следующего, в политической жизни безо всякого перерыва регулярно применялась одна из самых радикальных мер греческой демократии – остракизм [4, с. 41]. Итак, анализ новейших археологических материалов из херсонесских раскопок, новое прочтение письменных памятников и их современная интерпретация на базе вновь добытых археологических источников, позволили определить совершенно новую, отвечающую современному уровню понимания источников дату основания Херсонеса в Таврике – 528/7 год до н.э.

Первые погребения на херсонесском некрополе появляются уже в начале V века до н.э. Известно около десятка погребений (в основном – детских), которые были совершены

на херсонесском некрополе (судя по погребальному инвентарю) еще в конце VI – начале V в. до н.э. [17, с. 140-141].

Если об архаическом Херсонесе мы знаем пока еще не много, то о классическом периоде жизни этого полиса информации несколько больше. Последние раскопки в юго-восточном районе Херсонеса позволили открыть сохранившийся участок древнейшей оборонительной стены, возведенной, вероятно, еще в последней трети V века до н.э.

В северо-восточном районе города были изучены древнейшие жилые сооружения неизвестного доселе в Херсонесе типа. Интенсивное археологическое изучение древнейших слоев античных городов и поселений Северного Причерноморья сопровождается обнаружением почти на всех памятниках в древнейших их горизонтах земляночных или полуземляночных жилых структур. Исходя из характера несущих конструкций, их пространственного положения и общего принципа решения объемов, терминологически определены и выделены четкие критерии различия между наземными слегка заглубленными постройками – полуземлянками, землянками, подвалами и полуподвалами. Таким образом, вопрос о характере самого раннего жилища античных северопричерноморских городов можно считать решенным – это были земляночные и полуземляночные структуры [13, с. 11-14]. Сказанное положение касается и Херсонеса Таврического.

Главной вехой в политической жизни укрепляющегося на крымских берегах молодого дорийского полиса в конце V – начале IV вв. до н.э. стали события, развернувшиеся вокруг расположенного в восточной части полуострова одного из самых известных и процветавших в то время полисов Феодосии. Херсонес выступил вместе со своей метрополией Гераклеей Понтийской на стороне Феодосии, поддержав ее сепаратистские настроения по отношению к Боспорскому царству [24, с. 168-174; 22, с. 70-79; 8, с. 89-92]. События вокруг Феодосии, на наш взгляд, следует рассматривать как глобальную военную катастрофу, охватившую все Северное Причерноморье и прямо или косвенно повлиявшую на судьбы народов, населявших эту часть античного мира [10, с. 101-102].

После завершения феодосийских батальи херсонеситы приступают к созданию мощного экономического фундамента своего государства, концентрируя усилия на организации в западной части Таврики хорошо организованной собственной хоры. Необходимо подчеркнуть, что, говоря об организации херсонесской хоры, мы исходим из того, что в каком бы регионе Крыма эти действия не разворачивались, они всегда носили общегосударственный характер. В истории херсонесского полиса наступает время, когда херсонеситам в какой-то момент удастся одновременно сконцентрировать воедино и решить все три составляющих – экономическую, политическую и демографическую и приступить к активным действиям по организации собственной хоры, выбрав первоначально для этих мероприятий Маячный полуостров, расположенный в северо-восточной части Гераклеянского полуострова.

В первые десятилетия IV века до н.э. в метрополии Херсонеса Гераклея Понтийской резко обостряются противоречия между военно-земледельческой аристократической верхушкой и стремительно богатеющими представителями торгово-ремесленного капитала. Одновременно еще с начала IV века до н.э. свободе греческих малоазийских городов начинают угрожать персидские сатрапы. Попытка пригасить политические коллизии в гераклеяском обществе и ликвидировать внешнюю опасность была предпринята в Гераклея путем установления в 364/3 г. до н.э. тирании Клеарха [22, с. 103 = 31, р. 133]. Можно предположить, что бежавшие от притеснений тирана гераклеоты нашли приют в дочернем полисе Херсонесе. Они-то и обусловили стремительный рост городского населения Херсонеса, последовавший после установления в Гераклея тирании Клеарха [28, р. 60.]. Не исключено, что быстрый рост населения и необходимость обустроить жизнь новых граждан херсонесского полиса (своеобразный «демографический взрыв») послужили важными причинами, ускорившими активные действия херсонесской общины по организации хоры на Маячном полуострове. Был осуществлен комплекс аграрных мероприятий, включающих межевание всей территории полуострова на 30 земельных площадей на которых разместилось около 100 индивидуальных участков [26, с. 29-33]. Так была создана первая аграрная система херсонесского полиса, находившаяся под защитой небольшого укреплен-

ного городка (т.н. «Страбонов Херсонес»), расположенного на узком перешейке в южной части полуострова [27, с. 8-42].

Около середины IV века до н.э. активные действия херсонеситов по укреплению экономической базы родного полиса и превращению его в процветающее государство перемещаются в западные районы Таврики. В изучении процесса внедрения херсонеситов в западные области Крыма пока много неясного. Вероятно, для установления херсонесского господства в этом регионе Крыма применялся весь комплекс существующих методов – от дипломатических акций до открытых военных действий. Нет сомнения в том, что ольвийский форт Панское I¹ после военного разгрома и пожара становится херсонесским поселением. Но с какими событиями следует связывать этот слой пожара? А.Н. Щеглов и Ю.Г. Виноградов видят в пожаре результат военного столкновения Ольвии и Херсонеса за господство в Северо-западной Таврике [34, с. 484-492]. Мы предлагаем несколько иную реконструкцию событий, развернувшихся около середины IV века до н.э. вокруг поселения Панское I, в результате которых Херсонес сменяет Ольвию на этом памятнике.

По мнению некоторых исследователей, основанном на резком увеличении в этот период погребений в степной части Крыма, скифское население этого региона в первой половине IV века до н.э. увеличилось в пять-шесть раз [19, с. 51]. Здесь, вероятно, располагался один из т.н. «царских курганов» (Чаяновский) [33, р. 97-122]. Активизировав свою политику в степном Крыму, скифы сталкиваются с противодействием их экспансионистским устремлениям со стороны эллинов. На этой почве разгорается вооруженный конфликт между стремящимися укрепиться в крымской степи скифами и противостоящим им греческим земледельческим населением. В результате греко-варварского военного конфликта в степном Крыму, четырехбашенный ольвийский форт был сожжен скифами и, после разгрома, оставлен ольвиополитами. Воспользовались ситуацией, херсонеситы захватили бывшие ольвийские владения и закрепились здесь. Если наша реконструкция событий, происходивших в середине IV века до н.э. на поселении Панское I верна, то для признания херсонесско-ольвийской войны реальным событием не остается решительно никаких аргументов.

По-иному происходило подчинение Херсонесом Керкинитиды. Около середины IV века до н.э. в Керкинитиде проводится капитальная реконструкция системы оборонительных сооружений, отвечающая всем новейшим принципам античной полиархеттики [14, с. 82-83]. Вполне вероятно, что именно для обеспечения безопасности от скифов и была введена новая система обороны Керкинитиды. Не исключено, что на этом этапе помощь Керкинитиде оказывал Херсонес. Предполагаемый херсонесско-керкинитский военный союз (около середины IV в. до н.э.) наносит окончательный удар скифскому диктату над Керкинитидой [20, с. 138-139]. Эта значимая совместная военная победа над варварами была отмечена в Херсонесе и Керкинитиде специальным парадным монетным выпуском с единым сюжетом оборотной стороны – сценой терзания львом быка, весьма популярной в скифском искусстве. Заимствование сцены «благого» терзания одновременно монетариями двух соседних полисов – явление исключительное. Этот уникальный сюжет, по мнению А.Н. Зографа, находит аналогии в золотых бляшках из Чертомлыка [5, с. 396]. Он единственный раз появляется в нумизматике городов Северного Причерноморья и никогда более не используется античными монетариями. Заимствованный для совместного монетного чекана в скифском зверином стиле весьма популярный в скифском искусстве сюжет должен был точно указывать – над кем одержана победа херсонесско-керкинитским союзом.

Равноправный союз двух соседних полисов оказался недолгим. Мы не знаем, как действовал механизм покорения Керкинитиды, когда херсонеситы вынудили граждан Керкинитиды заключить с ними неравноправный политический союз (симполитию), лишив независимости городскую общину и полностью включив ее в состав херсонесского полиса. Впоследствии особая роль Керкинитиды в составе Херсонесского государства вы-

¹ Справедливости ради отметим, что В.А.Кутайсов предлагает связывать появление поселения Панское I в его первоначально «ионийском» облике с деятельностью Керкинитиды, не приводя, правда, для этого сколько-нибудь веских аргументов [15, с. 77-80]

ражалась в предоставлении ей в особых случаях кратковременного права чеканки собственной монеты. С подчинением Керкинитиды Херсонес полностью завоевывает земли Северо-западного Крыма. Завершение процесса создания мощного Херсонесского государства было ознаменовано массовой чеканкой на херсонесском монетном дворе нового специального парадного выпуска монет типа квадрига-воин [6, Т. XXXV; №10].

В начале последней трети IV века до н.э. завершаются землеустроительные мероприятия по организации всей территории Гераклеяского полуострова [11, с. 73-74]. По всей вероятности, была предпринята хорошо отработанная еще при освоении Маячного полуострова тактика изгнания с насиженных земель аборигенного таврского населения [21, с. 88-89]. Вытеснив его на кромку современной Сапунгорской гряды, херсонеситы в кратчайшие сроки проводят комплекс крупномасштабных аграрных мероприятий и создают на Гераклеяском полуострове мощнейшую сельскохозяйственную зону, состоящую из около 400 земельных наделов, объединенных в единую структуру [18, с. 78]. По завершении аграрного обустройства этой части хоры, Херсонес превращается в крупнейший в Северном Причерноморье центр виноградарства и товарного виноделия.

С подчинением земель Северо-западного Крыма Херсонес завершает формирование границ государства [10, с. 104]. С этого времени четко определены не только государственные границы Херсонеса, но и его территориальные владения. Стабилизируется на какое-то непродолжительное время общая военно-политическая обстановка и греко-варварские отношения в северопонтийском регионе. Сложившаяся благоприятная ситуация дала возможность для стремительного развития экономики Херсонесского государства. Основой бурного экономического роста становится успешная эксплуатация собственной хоры, создававшейся усилиями херсонесского полиса на протяжении почти всего IV века до н.э. Сформированная и прекрасно структурно организованная сельскохозяйственная территория Херсонесского государства к концу столетия состоит из двух частей. Первая (на Гераклеяском полуострове), так называемая ближняя хора, специализируется на виноградарстве и товарном виноделии. Вторая (в северо-западном Крыму) – дальняя хора – становится базой по производству товарного хлеба. Интенсивное развитие аграрного сектора экономики Херсонеса было основой его благосостояния и превращения Херсонесского государства в процветающую и крупнейшую аграрно-промышленную державу в Северном Причерноморье.

Таким Херсонесское государство вступает в период своего наивысшего расцвета, продлившегося около половины столетия, вплоть до конца первой трети III века до н.э.

Источники и литература:

1. Блаватский В.Д. Архаический Боспор // МИА. Вып. 33.
2. Брашинский И.Б. Опыт экономико-географического районирования античного Причерноморья // ВДИ. 1970. №2.
3. Брашинский И.Б., Щеглов А.Н. Некоторые проблемы греческой колонизации // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья – Цхалтубо-77. Тбилиси, 1979.
4. Виноградов Ю.Г., Золотарев М.И. Год рождения Херсонеса Таврического // ХСб. – Вып. IX. 1998.
5. Зограф А.Н. Две группы Херсонесских монет с заимствованными типами // ИРАИМК. Вып. V.
6. Зограф А.Н. Античные монеты // МИА. 1951. Вып. 16.
7. Золотарев М.И. Новые данные о древних морских путях в Понте Эвксинском // Проблемы греческой колонизации Северного и Восточного Причерноморья. Материалы I Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья – Цхалтубо-77. Тбилиси, 1979.
8. Золотарев М.И. Два типа редких монет Феодосии IV в. до н.э. ВДИ. 1984. №1.
9. Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993.
10. Золотарев М.И. О государственных границах Херсонеса Таврического в IV веке до н.э. // ANAXAPΣIΣ. Памяти Юрия Германовича Виноградова. ХСб. Вып. XI. 2001.
11. Золотарев М.И., Туровский Е.Я. К истории античных сельских усадеб Херсонеса на Гераклеяском полуострове // Древнее Причерноморье. Одесса, 1990.
12. Иессен А.А. Греческая колонизация Северного Причерноморья. Л. 1947.
13. Жилые дома античных городов Северного Причерноморья (VI в. до н.э. – IV в. н.э.). Киев, 1982.
14. Кутайсов В.А. Керкинитиды. Симферополь, 1992.

15. Кутайсов В.А. Ольвия и Северо-западный Крым // Ольвия та античний світ. Матеріали наукових читань, присвячених 75-річчю утворення історико-археологічного заповідника «Ольвія» НАН України. Київ, 2001.
16. Максимова М.И. Античные города Юго-Восточного Причерноморья. М.-Л., 1956.
17. Монахов С.Ю., Абросимов Э.Н. Новое о старых материалах из херсонесского некрополя // Античный мир и археология. Вып. 9. Саратов, 1993.
18. Николаенко Г.М. Хора Херсонеса Таврического. Земельный кадастр IV-III вв. до н.э. Часть I. Севастополь, Севастополь, 1999.
19. Ольховский В.С., Храпунов И.Н. Крымская Скифия. Симферополь, 1990.
20. Рогов Е.Я. Некоторые проблемы становления и развития Херсонесского государства // Stratum plus, СПб, Кишинев, Одесса, 1999. №3.
21. Савеля О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990-1995 гг. ХСб. Вып. VIII. 1997.
22. Сапрыкин С.Ю. Гераклея Понтийская и Херсонес Таврический. Взаимоотношение метрополии и колонии в VI-I вв. до н.э. М., 1986.
23. Тюменев А.И. Херсонесские этюды, 1-2 // ВДИ. 1938, №2.
24. Шелов Д.Б. Феодосия, Гераклея и Спартокиды. ВДИ. 1950. №3.
25. Шелов Д.Б. Западное и Северное Причерноморье в античную эпоху // Античное общество. М., 1967.
26. Щеглов А.Н. Основные структурные элементы античной межевой системы на Маячном полуострове (юго-западный Крым) // История и археология юго-западного Крыма. Симферополь, 1993.
27. Щеглов А.Н. «Старый» Херсонес Страбона. Укрепление на перешейке Маячного полуострова: топография и фортификация // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
28. Burstein S. Outpost of Hellenism: the Emergence of Heraclea of the Black Sea. Berkeley, 1976.
29. Diller A. The Tradition of the Minor Greek Geographers. Oxford, 1952.
30. Rostowzew M. Skythien und der Bosphorus. Bd.I. Berlin, 1931.
31. Saprykin S.Yu. Heracleia Pontica and Tauric Chersonesus before Roman Domination (VI-I centuries B.C.). Amsterdam, 1997.
32. Schneiderwirth H. Das pontische Heraklea. Bericht über das Schuljahr 1881-1882 des Kather. Gymnasiums zu Heiligenstadt, 1882.
33. Shcheglov A.N., Katz V.I. A Fourth-Century b.c. Royal Kurgan in the Crimea // Metropolitan Museum Journal, 1991. №26.
34. Vinogradov Yu. G. Die olbiopoliten in der nordwest-Tauris // Pontische Studien. Mainz am Rhein, 1997.
35. Vinogradov Yu, Zolotarev M. L'ostacismo e la storia della fondazione di Chersonesos Taurica analisi comparata con gli ostraka dal kerameikos di Atene // Minima epigraphica et papyrologica. 1999. №2.

II

АНТИЧНАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

**БОСПОРСКИЙ ГОРОД КИТЕЙ В ПОЗДНЕАНТИЧНЫЙ ПЕРИОД:
МИКРОЗОНА, ГОРОДИЩЕ, НЕКРОПОЛЬ**

Болгов Н.Н., Ляховская О.В., Репина Е.В.

Белгородский государственный университет

Один из средних (малых) городов Боспора – Китей, расположенный на юго-востоке Керченского полуострова, почти у входа в Керченский пролив, будучи основанным в V в. до н.э., просуществовал более 1000 лет. Его основная территория сформировалась уже в первое столетие существования и в дальнейшем не претерпевала радикальных изменений. Общая площадь города составила приблизительно 10 га, из которых более 40% обрушилось в море в результате подъема уровня моря.

За время систематических раскопок городища (с 1970 г.) было заложено 5 раскопов, исследование которых позволило установить общие принципы топографии города.

Город и его округа представляли собой естественную ландшафтную и социальную микрозону, занимавшую в наиболее общих чертах всю юго-восточную оконечность Керченского полуострова. С юга и востока она была ограничена морем и протянулась цепь холмов в меридиональном направлении, образующих на центральном и южном участке возвышенное плато. На севере эта цепь заканчивается довольно значительным холмом высотой в 71 м, примыкающим к южному устью залива Тобечик.

В южной части микрозоны в широтном направлении тянется еще две цепи холмов. Одна из них проходит близ южных окраин совр. села Заветное и делит всю микрозону на две не вполне равные половины – северную, более возвышенную (пик - г. Харучу-Оба, 104 м) и составляющую две трети территории, и южную, полого спускающуюся к морю. Поперек этой южной половины проходит южная цепь холмов с вершиной Джург-Оба, которая непосредственно ограничивает ближайшие предместья Китея, представляющие собой вытянутую в широтном направлении полосу шириной около 1,5 км. Естественных границ зоны на западе нет, она плавно переходит в соседнюю микрозону, примыкавшую к заливу на месте совр. озера Узунлар с городом Киммерик. К северу от цепи с вершиной Харучу-Оба расположена микрозона соседнего малого города Акра.

В целом для берега характерен рельеф в виде холмистой равнины. По сравнению с позднеантичным временем, в районе Боспора значительно изменился уровень моря и, соответственно, линия берега. Нынешний берег представляет собой высокий обрыв, отдельные участки которого образуют более-менее прочные балки, а в ряде мест, особенно на городище – почти отвесный обрыв высотой в среднем более 30 м. Постепенно происходило обезвоживание района, вследствие нарушения подземных водоносных слоев [8, с. 40-67].

На территории микрозоны в позднеантичное время, кроме города Китея, существовало несколько поселений античного типа, расположенных на всей территории микрозоны [6, с. 89]. По сравнению с соседним Киммериком, район был достаточно густо заселен.

Во всех имеющихся письменных источниках Китей именуется городом или крепостью. Материал позднеантичного времени встречается здесь, начиная с первого года раскопок [13, с. 63]. Еще Ю.Ю. Марти отмечал, что керамический материал Китея охватывает время вплоть до V в. [7, с. 8]. После недавних передатировок керамики (А.В. Сазанов) эта дата может быть омоложена.

В конце III в. происходят последние значительные перестройки на всех участках. На северной линии обороны возводится протейхизма, а башни у ворот усиливаются противотаранными поясами. Стены башни в западной части городища были усилены дополнительным панцирем. Это отражает возросшее давление с севера [16, с. 304]. Жилые и хозяйственные помещения, в основном, перестраиваются на старых фундаментах. Характер-

ными становятся складские помещения для зерна в виде врытых в землю пифосов и больших амфор. К началу IV в. перестает существовать святилище Богу Гремящему [15, с. 44].

В 1957 г. на раскопе I в юго-западной приморской части города с жилыми и хозяйственными постройками и на раскопе II (зольник) были зафиксированы четко выраженные слои конца IV - 2-й четверти VI вв. [13, с. 63] На раскопе I (западная часть городища) архитектурные сооружения существовали до VI в. [12, с. 5].

На раскопе II (зольник площадью 3750 кв. м, вскрыто 327 кв. м площади) [19, с. 70] был открыт позднеантичный слой. Здесь в III – нач. IV вв. существовал храмовый комплекс Бога Гремящего [14, с. 20]. Этот слой, быть может, доходит до VI в. [10, с. 2]. Под кладкой 11 найдены поздние монеты и фрагменты керамики IV в. Перестройка помещения здесь произошла не ранее начала IV в. Есть обломки стекла с синими каплями [12, с. 6]. На основании этого, можно передатировать комплекс V веком. В 1992 г. здесь были открыты амфоры, в т.ч. V в., христианская лампада V-VI вв. [13, с. 64], а также слой пожара, датируемый 2-й четвертью VI в. [13, с. 64]. Позднеантичный слой на зольнике имеет мощность от 0,5 до 1,6 м. Он насыщен бутовым камнем, костями животных, раковинами и концентрируется только в центральной части святилища. Находок, выходящих за пределы VI в., на зольнике нет. Максимальные наслоения находятся в центральной части холма. Центральная часть прежнего святилища со временем оказалась заброшенной [20, с. 125; 22, с. 17, 19-22, 76, 95-96; 21, с. 188].

Зольный холм является топографической доминантой городища, не имеющего четко выраженного акрополя.

На III раскопе (северная стена города с воротами) в верхнем слое обнаружена керамика III-IV вв. [9, с. 3].

На восточном участке крепостной стены (раскоп IV) в 1986 г. был открыт второй позднеантичный комплекс, где исследовалось помещение с тарапаном, под которым в подвале обнаружен склад амфор (всего их 7). Большинство из них датируется концом V - 3-й четвертью VI вв. (есть дипинти) [9, с. 5, рис. 48-53]. Дата подтверждается находкой в слое золотого солида Юстиниана I [11, с. 114-115]. В значительных количествах есть керамика с христианской символикой (краснолаковые блюда с крестами), фрагменты рюмок для причащения, а в 1990 г. открыты фрагменты 12-ти лампад зеленоватого стекла. Помещение «Г» (кладки 40, 42, 43) было перестроено в IV-V вв. (двухпанцирная постелистая иррегулярная кладка) и функционировало до сер. VI в. как домашняя винодельня (тарапан лежал поверх склада амфор), единый комплекс жилого и хозяйственного назначения [9, с. 6]. В сезоне 1993 г. на раскопе IV было вскрыто помещение «З», полностью сгоревшее в результате локального пожара (мощный слой золы, куски обгоревших бревен-перекрытий, мощный слой черепицы - рухнувшая крыша). Находки: бронзовый перстень с инкрустацией, большая остродонная позднебоспорская амфора, пифос, девятирожковый светильник, миска со штампованным крестом, позднебоспорская монета. Эта (предположительно) «мастерская каменотеса» (в помещении найден ряд хорошо обработанных плит и заготовок с пропилами) датируется V - началом VI вв. Это был значительный строительный комплекс IV-VI вв. площадью ок. 30 кв. м. Время гибели – не позднее середины VI в. [18, с. 265]. Здесь также неоднократно происходили землетрясения [10, с. 9].

В VI в. жизнь продолжалась в восточной, центральной и западной приморских частях городища. Не исключено, что в это время в городе был размещен византийский гарнизон. Следов насильственной гибели города и целенаправленного разрушения стен на исследованных участках нет. Нет и больших производственных сооружений [15, с. 44].

Прошло более 15 лет после первой публикации позднеантичных материалов из Китея [13, с. 63-73]. В те годы только началось заполнение хронологической лакуны IV-VI вв. в материальной культуре и истории Северного Причерноморья. После возобновления работ на городище экспедицией Нижегородского университета под руководством Е.А. Молева за 4 полевых сезона (2005-2008) получены новые важные материалы, проливаю-

щие свет на финальную фазу истории города.¹ Ныне они могут быть встроены в более обширную модель позднеантичного периода истории Боспора.

Основные работы последних лет велись на раскопе II (зольник) в центральной части городища, где находится один из трех известных комплексов позднеантичного времени.

Одним из главных был вопрос о предполагаемой китейской базилике. Еще в 1990 г. открыта полукруглая стена апсидального типа, что позволило предположить наличие базилики [1, с. 222-223] в сакральном центре города, в 20 м восточнее зольного холма - топографической доминанты городища. Ориентация «апсиды» на запад не отрицала возможности отождествления здания как храма, так как в IV-V вв. многие храмы имели ориентацию как раз обратную канонической. По классическим представлениям, ориентация храма должна была соответствовать направлению запад-восток (Витрувий. IV. V, 1-2). Если же «мешает природа местности», то направления «надо изменить так, чтобы из святилищ была видна как можно большая часть города». К сожалению, предположение о базилике не подтвердилось. В 2006 г. комплекс был полностью отработан. В его центре оказалось круглое здание «Б» диаметром более 3 м [17, с. 219-225].

Таким образом, вопрос о базилике в Китее пока снимается с повестки дня. Крупный храм в Китее должен был существовать, но его открытие – дело будущего. Место расположения круглого здания хорошо подходит для поисков не только и не столько базилики, сколько храма Бога Высочайшего. По крайней мере, именно здесь, под обрывом зольника, был найден в 1918 г. знаменитый китейский культовый стол I пол. III в. с надписью фиаса почитателей этого божества. Однако, по поводу предполагаемого устройства и архитектуры храмов Бога Высочайшего на Боспоре мы пока можем лишь строить догадки.

Открытие круглого здания поставило не менее сложную проблему его интерпретации. Материал (фрагменты амфор, стекла, монеты последних боспорских царей) из верхнего слоя помещения укладывается в рамки позднеантичного периода (более осторожно – IV-V вв.). Е.А. и Н.В. Молевы предполагают сакральный характер помещения (святилище синкретических позднеантичных культов II-V вв.). Это предположение подтверждается находками в 2008 г. целого ряда терракот женских божеств (материал готовится к публикации).

Все, что мы знаем об истории Китея в это время, позволяет говорить о его непрерывном существовании как античного города без катастроф. Перепланировка круглого здания и его перестройка также не сопровождались пожарами и разрушениями. Нахождение помещения в самом центре городища, в старой сакральной зоне, полностью отвергает его интерпретацию как каменного основания гуннской юрты. Недавно вышедшие публикации В.М. Зубаря [5, с. 65-87; 4, с. 145-152] о круглых зданиях на хоре Херсонеса в данном случае не дает аналогий, так как в них речь идет о сельской загородной территории, а не о центре города.

Таким образом, новые находки подтверждают представление о продолжении существования Китея как позднеантичного города на протяжении IV-VI вв. Также еще раз нашло подтверждение существующее представление о принципиальном единстве и недифференцированности культурного слоя позднеантичного времени. Более дробные слои с узкими датировками выделить пока невозможно. Кроме того, наличие круглых зданий (а их открыто два) в центре города, на традиционном сакральном участке, заставляет дать им интерпретацию с учетом этого обстоятельства (святилища).

В полевом сезоне 2008 г. был заложен 15-метровый шурф к северу от крепостной стены (в 10 м восточнее Северных ворот города). Была установлена стратиграфия участка и, возможно, найдены следы древнего рва. Среди материала встречались и позднеантичные вещи. Дальнейшие исследования на этом участке позволят сделать более обоснованные заключения о его бытовании в позднеантичный период.

Как можно на сегодняшний день установить, город Китей позднеантичного времени по-прежнему существовал в границах своих оборонительных стен первых веков н.э. По крайней мере, на исследованных участках нет катастрофических разрушений, заброшен-

¹ Выражаем искреннюю признательность проф. Е.А. Молеву и доц. Н.В. Молевой за возможность сделать данное указание на некоторые результаты их работ последних лет.

ных мест и перепланировок улиц. Вывод Е.А. Молева о мирном прекращении его существования полностью подтверждается, но когда это произошло – определенно сказать пока нельзя. Судя по уже известному материалу, город был оставлен жителями не позднее конца VI в. Как это было связано с тюркютским нашествием, сказать сложно, но, скорее всего, тюркюты город не тронули. Китей был заброшен, скорее всего, уже во второй период византийской власти (не ранее 590-х гг.), но конкретные обстоятельства этого неизвестны. Таким образом, Китей все более предстает перед нами как один из наиболее важных городов Боспора IV-VI вв. – времени, когда далеко не все из прежних городских центров выжили и продолжили свое прежнее существование. Город доминировал в позднеантичное время на всем юго-востоке Европейского Боспора.

О продолжении существования города в прежних формах в позднеантичный период говорят и находки последних двух десятилетий на некрополе. Это участок Джург-Оба (северо-западная часть некрополя; работы А.Л. Ермолина, КФ ИА НАН Украины), где был открыт ряд новых земляных склепов с позднеантичным инвентарем (фрагменты краснолаковой импортной посуды со штампованными крестами), а также масштабные работы последнего 15-летия на центральном участке китейского некрополя, выявившие земляные склепы V в. (работы В.А. Хршановского, ГМИР, Санкт-Петербург). Судя по исследованным участкам некрополя, территория с новыми захоронениями, совершавшимися на протяжении IV-VI вв., была достаточно обширной и соответствует существующим представлениям о характере и размерах города этого времени.

Склепы Китея, расположенные к северу от городища, впервые были открыты Ю.Ю. Марти в 20-е гг. В 1959 г. их описал В.Ф. Гайдукевич [3, с. 223-238], с 90-х гг. раскапывает В.А. Хршановский, с 2000-х – также А.Л. Ермолин. По целым погребальным комплексам некрополь существовал до конца V в., а по отдельным погребениям – до конца VI в. [26, с. 104].

На некрополе Китея выделяется склеп № 145, камера 2. Суммарно комплекс может быть надежно датирован 1-й пол. V в. Аналогия – погребение с некрополя Илурата [24, с. 73; 27, с. 80-81]. Склеп № 206 на раскопе 23 в II-VI вв. использовался как сакральное место для жертвоприношений и тризн и был окружен овальной в плане оградой из необработанных глыб известняка, поставленных на ребро. Ритуальный характер комплекса не вызывает сомнений. Время его функционирования как погребально-поминального комплекса – III-IV вв. [23, с. 78-82]. Склеп № 265 (вырубной, но надстроенный известняковыми блоками) относится к III-IV вв. Самая ранняя монета в инвентаре – 267 г., самая поздняя – 329 г. Комплекс должен датироваться IV в., точнее, его 2-й половиной. Прочий материал (пряжки, пронизи, бусины) подтверждают датировку. Краснолаковая керамика – более ранняя (на полвека); она соответствует формам III в. [29, с. 138-141]. Склеп № 263 на северо-западном участке некрополя сложен из блоков и плит известняка. Большая камера использовалась в последний раз в середине IV в. Находки: золотые пронизи, бляшки, ряд бронзовых украшений, железных изделий, позднебоспорские монеты, фрагменты стекла. В малой камере – золотой перстень с сердоликовой вставкой, три бляшки, фрагменты погребального венка из золотой фольги. Есть фрагменты бронзового зеркала. Склеп № 269 – рубной в плите известняка и материковой глине. Среди инвентаря – индикация желтого металла с оттиском головы римского императора (Максимиана?). Монеты дают I треть IV в. [31, с. 313-323]. Открытый в 2001 г. монументальный рубной склеп № 314 с полуциркульным сводом последний раз заполнялся во 2-й пол. III в., а заполнение его дромоса – 2 пол. III – нач. V вв. [30, с. 144-145].

По склону кряжа, ограничивающего район китейского некрополя с севера, расположен ряд склепов. В 1929 г. был открыт склеп № 2 с росписью – изображением кораблика с парусом и человеческой фигурой в шляпе и одежде с широкими рукавами. У лежанки № 4 – плохо сохранившееся изображение всадника [7, с. 9-11]. Есть и надпись «Саваг, сын Тасия» [2, с. 229, рис. 99]. В 2001 г. склеп был доследован. Новый материал указывает на IV в. и христианскую принадлежность погребенных.

Склеп № 1 использовался до IV в. Склеп № 3 дал блюдо со штампованным крестом с расширяющимся перекрестьем. Еще одно дно со штампом – многолинейный круг, внутри

которого перекрещиваются полосы, образующие четырехлопастную розетку. Дата – не ранее 2-й пол. V в. (у В.Ф. Гайдукевича – IV в.) [2, с. 230]. В засыпи склепа – многочисленные обломки мрамора с буквами. Склеп № 4 датируется стеклом с синими каплями. Это V в., а не IV (остальной инвентарь и сооружение В.Ф. Гайдукевич отнес к III в.) [2, с. 232]. Склеп № 5 дал среди прочего большое разбитое краснолаковое блюдо с многолинейным гребенчатым орнаментом. Профиль – такой же, как и у блюда со штампованным крестом. Дата – 2-я пол. V в. (у В.Ф. Гайдукевича – IV в.) [2, с. 235]. Земляной склеп № 6 – несколько южнее прочих, у основания кургана Джург-Оба. Среди инвентаря – две золотые бусины, стакан, целый стеклянный шарообразный кувшин с вертикальной реберчатой ручкой. Датирующий материал – краснолаковая тарелка с энглическим изображением креста на дне. Есть и фрагменты еще одной со штампом в виде сосуда или корзины. Дата – 2-я пол. V в.

Сам В.Ф. Гайдукевич указывал, что все склепы использовались многократно, быть может, до V в. [2, с. 236]. Это указание, в свете новых датировок, приобретает особое значение, так как нынешняя хронология доводит бытование склепов до 2-й пол. V – VI вв. Это подтверждается и находкой обломка сероглиняного блюда с изображением креста (подъемный материал на городище) [2, с. 237, рис. 108].

Китейские склепы – веское доказательство наличия в позднеантичном городе богатых жителей, строивших монументальные семейные усыпальницы с росписью. Погребальные камеры – просторные, с капитальными дромосами.

На некрополях Илурата и Китея известна практика жертвоприношений животных в поминальной обрядности (склепы III-IV вв.) [28, с. 248]. Выявить этническую специфику обряда при этом невозможно. Следы тризны III-IV вв. есть в склепе 141. В это же время совершались захоронения в катакомбе 145 [25, с. 264-265].

В сезонах 2007 и 2008 гг. на некрополе были сделаны ценные находки деталей одежды, украшений и оружия из частично ограбленных погребений. Они еще ждут своего опубликования.

Таким образом, малый боспорский город, существовавший в течение 1000 лет, может стать одним из эталонных памятников Боспора для позднеантичного периода IV-VI вв.

Источники и литература:

1. Болгов Н.Н. Базилики Боспора // Боспорский феномен: Погребальные памятники и святилища. СПб., 2002. Ч. I.
2. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг. // МИА. 69. 1959.
3. Гайдукевич В.Ф. Некрополи некоторых боспорских городов (по материалам раскопок 1930-х гг.) // МИА. 69. 1959.
4. Зубарь В.М. Круглые постройки на Гераклейском полуострове. По поводу датировки и интерпретации // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. II. Киев-Судак, 2006.
5. Зубарь В.М. Об интерпретации остатков круглых построек на Гераклейском полуострове // Проблемы истории, филологии, культуры. XVI/1. М.-Магнитогорск, 2006.
6. Кругликова И.Т. Боспор в позднеантичное время. М., 1966.
7. Марти Ю. Раскопки городища Китэ в 1928 г. Симферополь, 1929.
8. Молев Е.А. Археологические исследования Китея в 1970-1983 гг. // Археологические памятники Юго-Восточной Европы. Курск, 1985. С. 40-67.
9. Молев Е.А. Раскопки Китейской экспедиции в 1986 г. / Архив ИА НАНУ. № 22043.
10. Молев Е.А. Раскопки Китейской экспедиции в 1990 г. / Архив ИА НАНУ. № 24077.
11. Молев Е.А. Монеты из раскопок городища и некрополя Китея (раскопки 1970-1987 гг.) // Античный мир и археология. № 7. Саратов, 1990.
12. Молев Е.А. Раскопки Китейской экспедиции в 1991 г. / Архив ИА НАНУ. № 24632.
13. Молев Е.А., Сазанов А.В. Позднеантичные материалы из раскопок Китея // Вопросы истории и археологии. Воронеж-Белгород, 1991.
14. Молев Е.А. Раскопки Китея // Археологические исследования в Крыму. 1994. Симферополь, 1997. С. 201.
15. Молев Е.А. Основные этапы истории Китея // Таманская старина. Вып. 3. СПб., 2000.
16. Молев Е.А. Система обороны Китея // Боспорские исследования. II. Симферополь, 2002.
17. Молев Е.А., Молева Н.В. Комплекс культовых зданий на юго-восточной границе Китейского городского святилища (раскопки 2005-2006 гг.) // Боспорские чтения. VIII. Керчь, 2007. С. 219-225.

18. Молев Е.А., Молева Н.В. Раскопки Китея // Археологические исследования в Крыму. 1993. Симферополь, 1994.
19. Молева Н.В. О культовой принадлежности Китейского зольника // Скифия и Боспор. Новочеркасск, 1989.
20. Молева Н.В. Некоторые итоги археологических исследований Китейского святилища // Боспорский феномен: греческая культура на периферии античного мира. СПб., 1999.
21. Молева Н.В. Обряд жертвоприношений в Китейском святилище // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Керчь, 2002.
22. Молева Н.В. Очерки сакральной жизни Боспора. Н. Новгород, 2002.
23. Тульпе И.А., Хршановский В.А. Позднеримский погребально-поминальный комплекс в прибрежной зоне некрополя Китея // Боспорский город Нимфей. СПб., 1999. С. 78-82.
24. Хршановский В.А. Погребения гуннского времени на некрополях Илурата и Китея // Проблемы археологии и истории Боспора. Керчь, 1996.
25. Хршановский В.А. Раскопки некрополя Китея и Верхнего некрополя Илурата // Археологические исследования в Крыму. 1994. Симферополь, 1997. С. 264-265.
26. Хршановский В.А. Некрополи Илурата и Китея. Археологическая экспедиция ГМИР 1968-1998 (предварительные итоги) // Боспорское царство как историко-культурный феномен. СПб., 1998.
27. Хршановский В.А. Новый памятник гуннской эпохи из некрополя Китея // Ювелирное искусство и материальная культура. СПб., 1998.
28. Хршановский В.А. Жертвоприношение в погребально-поминальной обрядности Европейского Боспора II в. до н.э. – IV в. н.э. (по материалам археологических раскопок некрополей Илурата и Китея) // Жертвоприношение. СПб., 2000.
29. Хршановский В.А. Вырубной склеп позднеримского времени на некрополе Китея // Ольвія та античний світ. К., 2001. С. 138-141.
30. Хршановский В.А. Вырубной склеп с полуциркульным сводом на некрополе Китея // Боспорский феномен: погребальные памятники и святилища. Ч. 1. СПб., 2002.
31. Хршановский В.А. Погребальные комплексы IV в. н.э. на некрополе Китея // Боспорские исследования. II. Симферополь, 2002. – С. 313-323.

ПЕРВЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКОЙ РАЗВЕДКИ В ОКРЕСТНОСТЯХ МЫСА ЧАУДА И ОЗЕРА КАЧИК НА КЕРЧЕНСКОМ ПОЛУОСТРОВЕ

ГАВРИЛОВ А.В.

Крымский филиал Института археологии НАН Украины

В силу объективных обстоятельств юго-западная часть Керченского полуострова (территория от мыса Чауда до горы Опук и восточная часть побережья Феодосийского залива) до настоящего времени остается наименее исследованным районом Боспорского царства [См.: 7, с. 254, рис. 101]. По своим природно-географическим условиям этот регион полуострова до сих пор считали наименее благоприятным для жизни [11, с. 38-40]. Однако, по данным аэрофотосъемки, здесь отмечены следы размежевки, которые еще предстоит изучить и определить их отношение и место в полисном землевладении античных центров Европейского Боспора [8, с. 290; 9, с. 83; 14, р. 216]. В 2005 году сотрудниками Крымского филиала Института археологии НАН Украины на мысе Чауда было раскопано несколько погребений I-IV в. н. э., принадлежащих некрополю находящегося здесь же поселения [5, с. 144]. В декабре 2006 года автором проводились археологические разведки в окрестностях мыса Чауда и озера Качик. Их результаты предоставлены в настоящей работе.

Мыс Чауда является крайней восточной точкой Феодосийского залива и замыкает его с востока (координаты мыса и памятника, снятые при помощи навигационного прибора «Garmin» GPS 45: N 45°,00137 # E 35°,49535). Он расположен по прямой в 35 км восточнее мыса Ильи, который является крайней западной точкой залива (рис. 1). Высота мыса Чауда составляет 25 - 30 м. Известняково-ракушечные отложения чаудинской морской террасы, являющейся одним из ключевых реперов в геоморфологии Крыма, покрывают небольшой полуостров, который заканчивается мысом. Отложения вытянуты с запада на восток на 3 км, а с севера на юг на 1 км. Поверхность мыса ровная, берега к западу от него сложены из алевроитов и глин и подвержены абразии, скорость которой в отдельные годы составляет до 0,5 – 1,0 м в год. Этот участок побережья (западнее мыса) расчленен несколькими крупными балками глубиной до 10-12 м. Берега к востоку от мыса абрадируют с меньшей скоростью, поскольку их мягкие породы подстилают известняки-ракушечники и серые водоупорные глины. Относительно активно абрадирует и сам мыс Чауда, в строении которого участвуют слои нижнечетвертичных желтовато-серых известняков - ракушечников с глубиной залегания 1,0-5,0 м. Берег у мыса Чауда не защищен от абразии и на всем протяжении срезан активными блоковыми оползнями длиной 100 – 150 м и мощностью до 10 м. К востоку от мыса, вдоль линии обрыва на расстоянии до 10 м от его края, повсеместно видны глубокие трещины и проседания в почве, вызванные грунтовыми водами, протекающими по скальному щиту и размывающими нижние слои глины. Причем, судя по сооружениям пятидесятилетней давности, которые уже находятся в осыпях или на самой кромке береговых обрывов, разрушение берега особенно усилилось во второй половине XX века. Последний раз значительный участок мыса (и, соответственно, памятника) откололся и обрушился в море зимой 2004 года.

Оползни и абразия уничтожили основную часть античного памятника, средняя минимальная скорость абразии клифа составила здесь 0,03-0,04 м в год или 0,2-0,3 куб. м на погонный метр в год. Оползни срезали не менее 100 м плато у самого мыса Чауда. Поскольку на стенке срыва одного из них (в 60 м юго-восточнее самого мыса) сохранились несмещенные, а в море – перемещенные со скальным блоком следы углублений от деревянных балок, скорее всего от навесов или иных конструкций средневековых построек (рис. 2). Это позволяет предположить, что часть оползней образовалась в последние 1500-1000 лет, то есть в заключительный этап нимфейской трансгрессии. Кроме того, с начала античной эпохи абразия разрушила у мыса не менее 50 – 100 м оползневого берега, о чем

свидетельствуют гряды из глыб размытых оползневых отложений на дне моря в прибрежной части мыса. Сам мыс до сих пор еще не уничтожен оползнями и абразией только потому, что оползни смещают к урезу воды большие блоки известняка-ракушечника, образовавшие своеобразный барьер, о который разбивается волновой накат и тем самым сдерживается размыв берега. Тем не менее, значительная часть территории памятника и его некрополя уничтожена морем.

Таким образом, можно заключить, что в античное время линия побережья и мыс Чауда имели несколько иную конфигурацию. Образование современных мыса Чауда и бухты Маячной (западнее мыса) произошло вследствие быстрой абразии берега, сложенного из менее прочных пород. Скорее всего, это началось в период нимфейской трансгрессии, когда уровень моря приблизился к горизонту податливых пород, что повлекло их активное разрушение. Эта трансгрессия продолжается и в настоящее время, хотя она несколько замедлилась в период Корсунской регрессии, приходящейся на раннесредневековое время.

На всей площади простираения отложений чаудинской морской террасы с ними связаны грунтовые воды, накапливающиеся в водопроницаемых песках и алевроитах, залегающих на водоупорных майкопских глинах. Этот водоносный горизонт питается в основном талыми и дождевыми водами, просачивающимися через пористые известняки-ракушечники чаудинской террасы, и, отчасти, конденсационными водами. На плато мыса Чауда в его северной части на небольшой площади находится четыре древних колодца глубиной 5-7 м, прорубленные в чаудинских известняках-ракушечниках до водоносного горизонта в песках и алевроитах. Первый колодец расположен в 130 м от берега бухты Маячной в искусственной воронке, на днище древней каменоломни (рис. 3) в западной части плато. Он имеет видимую глубину 2 м, а его устье, расположено на высоте 22 м над уровнем моря. Второй колодец расположен близ хозяйственного блока маяка в 150 м от берега бухты Маячной на высоте 24 м над уровнем моря (рис. 2) и действует в настоящее время (N 45°,00217 # E 35°,50074). Третий колодец сооружен под стенкой срыва оползня в 100 м от моря на восточном склоне бухты. Вода ушла из него вследствие вышеупомянутого оползня, произошедшего в 2004 году. Четвертый колодец находится в 200 м от берега моря на вершине плато между бухтой и маячным хозяйством (на высоте 24,5 м над уровнем моря). Он также перестроен в позднее время, засорен и используется для водопоя скота (N 45°,00206 # E 35°,50066). Все колодцы имеют грушевидную форму, характерную для колодцев-накопителей; три из них имеют округлое, один – прямоугольное устья. Шахты колодцев вырублены непосредственно в скале.

Подобные благоприятные гидрогеологические условия на Юго-Западной равнине Керченского полуострова между Феодосией и Киммериком имеются только на мысе Чауда и на мысе Карангат (рис. 1). Именно с этим обстоятельством и удобным географическим положением, а также наличием пахотных земель связано основание здесь поселений и освоение этого региона в античную эпоху.

Сохранившиеся культурные напластования поселения на мысе Чауда находятся на высоте 20 - 30 м над уровнем моря и вытянуты от мыса вдоль берега в северо-восточном и юго-восточном направлениях. Мощность археологического культурного слоя здесь невелика и, в среднем, составляет 0,50 - 0,70 м. Это обусловлено тем, что подстилающие скальные породы находятся близко к современной дневной поверхности. Большую часть площади самого мыса занимает выход материковой скалы, поэтому культурный слой сохранился здесь фрагментарно, главным образом, в микродепрессиях. Значительная часть культурного слоя оказалась смытой по склону: так под обрывами, в береговых западинах аккумуляровались линзы слоя мощностью до 1,50 м. На дневной поверхности плато в 50 м к юго-западу от маяка сохранились следы строительных остатков античного и раннесредневекового времени, среди которых найдены фрагменты амфор IV в. до н. э. Частично развалы кладок перекрыты строительными остатками второй половины XIX века. В целом, сохранившаяся площадь распространения подъемного материала вдоль берега Маячной бухты простирается на северо-запад от самого мыса не более чем на 350 м. К востоку

граница распространения подъемного материала расположена в 400 м от мыса. На западной стороне мыса прослеживаются обширные следы древней каменоломни (рис. 4).

Собранный на мысе подъемный материал распадается на три хронологические группы: находки эллинистического периода, первых веков н. э. и раннесредневекового времени. В числе находок первой группы встречены фрагменты амфор Гераклеи, Синопы, Хиоса, Книда, т. н. «пантикапейских» амфор, фрагменты лутериев и рыбных блюд, попадаются редкие фрагменты чернолаковой посуды. Основная масса этих находок происходит из мощных осыпей смытого культурного слоя на самом мысу, а отдельные экземпляры – с западного обрыва плато (берег бухты Маячной).

Вторая группа находок представлена фрагментами амфорной тары рубежа I в. до н. э. – I в. н. э. и первых веков н. э.: светлоглиняных псевдородосских и светлоглиняных островодонных с профилированными ручками амфор типов С - II, С - III по С. Ю. Внукову [4, с. 96, 102] и типов А и С по Д. Б. Шелову [10] (середины I в. до н. э. – первой трети I в. н. э.). В частности, это ручки светлоглиняных узкогорлых амфор I в. н. э. Выделяются также фрагменты амфор: с клювообразными венчиками, розовоглиняных широкогорлых (конца II – первой половины III в. н. э.); типа Делакеу и светлоглиняных амфор типа F по Д. Б. Шелову (вторая половина III – IV в. н. э.). Из фрагментов столовой посуды отмечены фрагменты краснолаковых тарелок и кувшинов этого же времени. Эта группа находок происходит в основном с плато мыса и его западного берегового обрыва.

Третья группа находок, собранная, главным образом, южнее маячного хозяйства, на самом мысу и на участке в 200 м юго-западнее маяка на берегу залива. Она представлена относительно многочисленными фрагментами причерноморских бороздчатых амфор VIII – середины X в. н. э.; стенками амфор с мелким зональным рифлением на тулове VIII – XI в.; стенками гончарных сероглиняных горшков салтово-маяцкой культуры VIII – X в. Также попадают фрагменты средневековой красноглиняной поливной зеленого цвета сграффито керамики XIV – XV в.

В. Ф. Гайдукевич полагал, что находящееся поблизости (в 5,5 км восточнее – северо-восточнее мыса Чауда) соленое озеро Качик, в античную эпоху было заливом, и на его берегу располагалась Казека [13, с. 203]. Во второй половине I тысячелетия до н. э., на который приходится т. н. «фанагорийская регрессия» Черного моря, на месте озера, очевидно, располагалась обширная низина и балка. Если допустить сходную морфологию Кояшского, Узунларского и Качикского озер, то образование мелководного залива на месте озера Качик пришлось на первую половину – середину I тыс. н. э. В настоящее время озеро представляет собой мелкий водоем, отделенный от моря узкой пересыпью, пополняющийся атмосферными осадками и морскими водами штормовых нагонов.

Согласно сообщениям Арриана в Перипле Понта Евксинского (II в. н. э.) и Перипла Анонимного автора (IV – V в. н. э.), приписываемого Псевдо-Арриану (*Arr.*, 30; *Ps. Arr.*, 76) у восточной оконечности Феодосийского залива на мысе Чауда во II в. н. э. мог находиться населенный пункт (κωμὴ) Казека [6, с. 241]. Так, Арриан сообщает, что «местечко» Казека, «лежащая при море», расположена в 420 стадиях от Пантикапея в сторону Феодосии (*Arr.*, *Peripl.*, 30), а Анонимный автор Перипла Понта определяет расстояние между «деревней Казекой» и древним Киммериком в 180 стадиев или 24 мили (*Anon.*, *PPE*, 76), отмечая, что от Казеки до опустевшего города Феодосии 280 стадиев или 37 и 1/3 мили. Согласно исследованиям М. В. Агбунова, в трудах обоих авторов использован стадий Эратосфена, составляющий 157,7 м, а в Перипле Анонима он дополнен поздним пересчетом этого стадия в римские мили (1481 м), правда, при неверном соотношении стадия к миле [1, с. 29-30]. Таким образом, расстояние между Пантикапеем и Казекой, Киммериком и Казекой, Феодосией и Казекой должно составлять соответственно около 66, 28 и 44 км. Наиболее точно совпадают расстояния между м. Чауда, Киммериком и Феодосией, которые по линии берега соответственно равны 27,5 и 42 км. Отсчет же расстояния от Пантикапея указывает на местность около озера Качик. Поскольку побережье между Казекой и Киммериком, Казекой и Феодосией более выпрямлено и не осложнено значительными курсовыми изгибами (как, например, у мысов Такиль и Камыш-Бурун), то расстояния между указанными пунктами совпадает достаточно точно. Однако расхождение в реальном

расстоянии между мысом Чауда и горой Митридат, составляющее чуть более 4 км, не кажется столь существенным.

Разведками 2003 года на небольшом мысе Карангат, на месте бывшей пограничной заставы был выявлен античный пункт (рис. 1). Морской берег в этом районе высокий и активно разрушается абразией, что явилось причиной перенесения заставы вглубь территории. В осыпях на морском берегу были найдены фрагменты т. н. двустольных ручек от светлоглиняных амфор, время бытования которых относится к I в. до н. э. – I в. н. э. [4, с. 52, 202]. Здесь также находилось позднесредневековое поселение, о чем свидетельствует находящийся в балке колодец, устье которого перекрыто известняковой плитой с отверстием. Данный колодец наполнялся, очевидно, подпочвенными водами, как и подобные сооружения на мысе Чауда. Несомненно, абразия уничтожила большую часть позднесредневекового и, соответственно, античного поселения.

При обследовании южного подножия горы Дюрмен на развалинах бывшей, одноименной татарской деревни Дюрмен (тат. «Мельница», населенный пункт существовал до 1944 года), что располагалась к северу от мыса Карангат, часто попадались фрагменты гераклейских и синопских амфор IV в. до н. э., что, несомненно, указывает на заселенность этой территории в античную эпоху (рис. 1, 6). Здесь же сохранились остатки нескольких старых колодцев, свидетельствующие об относительно хорошем водоснабжении этой местности. При этом нужно отметить, что на многих сохранившихся остатках подворий второй четверти XX в. были обнаружены известняковые рубчатые катки для обмолота зерна. Это свидетельствует о занятии местного населения хлебопашеством вплоть до первой половины XX века и пригодности местных почв для возделывания зерновых культур.

Само селение Дюрмен занимало значительную территорию и появилось, судя по подъемному материалу, довольно поздно: в 17 - 18 веке. Сохранились остатки каменных цоколей домов и кладбища этого селения, на котором выделяются известняковые надгробия с навершием в виде чалмы (рис. 10). Обращают на себя внимание цоколи домов: они прямоугольные, вытянутые по длинной оси с В на З, шириной чуть более 3 м, имеют трехчастное деление, вход в жилище и двор с южной стороны. Стены были из сырцового кирпича, крыши глиняные или соломенные, т. к. черепица среди подъемного материала отсутствует. Эти приемы домостроительства очень древние и в некоторой мере имеют местные корни.

К западу от бывшего селения, ближе к озеру Качик, на значительной площади прослеживаются следы древней размежевки в виде слабовыраженных земляных валиков (рис. 7). Они протянулись с севера на юг или от морского побережья к южному подножию горы Дюрмен. Межи сохранились благодаря тому, что последние 60 лет на этой территории не проводились интенсивные сельскохозяйственные и мелиоративные работы. На восточном берегу озера Качик также выявлена стоянка эпохи бронзы (рис. 1), на которой попадают фрагменты лепной керамики и кремневые отщепы, здесь же найден сломанный кремневый наконечник. Нужно отметить, что в настоящее время почвы вокруг озера Качик сильно засолены и пригодны, преимущественно, для выпаса скота. В античную эпоху ситуация могла быть иной...

Аналогичная ситуация наблюдалась и на месте бывшего татарского селения Кашик, находящегося недалеко от западного берега озера Качик (рис. 1). Здесь среди материалов нового времени, также довольно часто попадались фрагменты гераклейских и синопских амфор IV в. до н. э. Не исключено, что и в местонахождениях других татарских селений этого региона (а их, согласно карт XIX века, в этом регионе довольно много и они поддаются локализации) будут обнаружены античные материалы. В этом нет ничего удивительного, поскольку однажды обжитые места в силу удобного расположения, наличия пресной воды и почв, путей сообщения - неоднократно заселялись вновь прибывшим населением. Такая ситуация прослеживается на многих памятниках Крымского пролуострова.

Поблизости от современного озера Качик, в местах впадения в него небольших балок, были выявлены два античных селища (или усадьбы). Одно из них, которое условно названо «**Качик 1**», располагалось на левом, ровном берегу балки (рис. 1). В ней путем

создания запруды устроен пруд, возможно, эти гидротехнические сооружения начали создавать еще в античную эпоху. В микрорельефе селище выделяется небольшой возвышенностью и скоплением бутового известнякового камня, на которой попадаются фрагменты красноглиняной и чернолаковой посуды, лепной керамики, гераклейских, синопских, мендских амфор IV в. до н. э. Здесь же найден тетрахалк пантикапейской чеканки типа «бородатый сатир – грифон, осетр, ПАН» последней четверти IV в. до н. э. [Ср.: 3, с. 140; табл. 3, III]. Поверхность селища задернована, его размеры приблизительно 80 x 50 м, рядом с ним на поверхности степи также прослеживаются земляные валики, являющиеся следами размежевки. Их направление с В – С-В на З – С-З (рис. 1, Г).

Второе селище я условно назвал «**Качик 2**», оно также располагалось на левом, берегу балки, впадающей в озеро, в которой тоже устроен пруд (рис. 1, 2). Ранее этот пруд назывался Дорт Коль. Рядом с античным селищем находится разрушенный тракторный стан. В микрорельефе оно ничем выделяется и лишь еле заметные золистые пятна, отличающиеся своей растительностью свидетельствуют о том, что здесь существовали постройки. Его размеры приблизительно составляют 150 x 100 м. Бутового известнякового камня мало, на поверхности попадаются фрагменты лепной керамики, гераклейских и синопских амфор IV в. до н. э. Здесь же найдены тетрахалки пантикапейской чеканки типа «бородатый сатир – грифон, осетр, ПАН» последней четверти IV и начала III в. до н. э. и «молодой сатир – лев, осетр, ПАН» [3, с. 140 - 141; табл. 3, III; 4, I25].

Местность в окрестностях мыса Чауда имеет равнинный рельеф, в некоторых местах слегка холмистый, со слабо развитой балочной сетью и временными озерами-колями континентального происхождения. Самая высокие точки поблизости от мыса Чауда – это возвышенности Акбулат Оба (51.8 м) и Охчи Оба (43.4 м), самая низкая – озеро Кара Коль (урочище Белобродское). Здесь преобладают солонцеватые черноземы, сформировавшиеся на сарматских и майкопских глинах. Участок слабо подвержен антропогенному воздействию и в настоящее время занят степной разнотравной, преимущественно, ковыльно - полынно - типчаковой, растительностью. Травостой обильный, густой, устойчивый, в высохших колях он достигает высоты человеческого роста.

Балочная сеть имеет сток в Феодосийский залив и озеро Качик, водоток представлен преимущественно дождевыми и тальми водами. Население издавна использовало их путем сооружения запруд в балках, что позволяло создавать запас воды на летний период. Такие плотины - запруды сохранились в большинстве балок до настоящего времени и, как правило, поблизости от них находится позднесредневековые поселения. Такая система водосохранения при бедности местных водных ресурсов оправдывала себя в засушливый период года. Грунтовые воды солоноватые, залегают на глубине 30 – 40 м и доступны для использования в основном в тальвегах балок и низинах путем копки колодцев.

Поблизости от возвышенности Акбулат Оба (51.8 м) выявлены слабонасыщенные золистые пятна диаметром 15 – 20 м, на поверхности которых есть мелкий бутовый камень и найдены фрагменты амфорной керамики. Возможно, это остатки легких построек античного времени. Их координаты: пятно № 1: 45°,02589 – северной широты; 35°,84808 – восточной долготы. Пятно № 2: 45°,02535 – северной широты; 35°,84931 – восточной долготы; пятно № 3: 45°,02932 – северной широты; 35°,85235 – восточной долготы; пятно № 4: 45°,02571 – северной широты; 35°,84479 – восточной долготы; пятно № 5: 45°,02571 – северной широты; 35° 84629 – восточной долготы.

При обследовании восточной части побережья Феодосийского залива в местах впадения некоторых балок в море были выявлены следы античных поселений. Активная абразия морского побережья уничтожила большую часть их площади, но обнаруженные остатки дают основание говорить о существовании здесь определенной поселенческой структуры. Здесь отмечены следующие археологические памятники:

Устье Балки 1. На правой стороне небольшой балки, в месте впадения её в море выявлены скопления амфорной керамики IV в. до н. э. и мелкого бутового известнякового камня на площади приблизительно 100 x 70 м (рис. 1). Очевидно, здесь находилась селище или усадьба античного времени.

Устье Балки 2. На левой стороне небольшой балки, в месте впадения её в море выявлены скопления амфорной керамики IV в. до н. э. и мелкого бутового известнякового камня на площади около 70 x 70 м (рис. 1). Густой травяной покров скрывал особенности микрорельефа и верхней части культурного слоя, поэтому детали памятника остались неясными. Очевидно, здесь находилась усадьба античного времени. На этой же стороне балки отмечены остатки приусадебной размежевki в виде земляных валиков, имеющих направление В – Ю-В – 3 – С-3 и С – С-В – Ю – Ю-3. Их высота 0,3 – 0,4 м, ширина 1,3 – 1,5 м (рис. 1, Ж). Среди окружающего травостоя они выделяются иным видом степной растительности, произрастающей на их поверхности. В балке устроен пруд с земляной плотиной, который наполняется дождевыми водами. В месте впадения этой балки в море у подножия береговых обрывов (под вышеописанной усадьбой) военнoслужашим была найдена монета. Согласно, полученным описаниям, это мог быть херсонесский статер второй четверти I в. н. э. [ср.: 2, с. 149; табл. XIV, 215].

На южном берегу озера Кара Коль (урочище Белобродское) выявлено два античных селища с материалами IV в. до н. э. (рис. 1) Озеро высохло и поросло высокой, густой, труднопроходимой травой. Селище **«Кара-Коль 1»** вытянуто вдоль берега озера по направлению с С - В на Ю - 3. Его приблизительные размеры согласно площади распространения подъемного материала составляют 80 м с В на 3 и 50 м с С на Ю. Здесь найдены фрагменты амфорной и лепной керамики, рычажных зернотерок из зеленоватого карадагского трасса и мелкий бутовый известняковый камень, очевидно, от древних построек, поверхность задернована. Координаты: 45°,06937 – северной широты; 35°,83265 – восточной долготы.

На западном берегу озера Кара-Коль (урочище Белобродское) также выявлено античное селище с материалами IV в. до н. э., которое условно названо **«Кара-Коль 2»**. Здесь найдены скопления амфорной и лепной керамики и мелкий бутовый известняковый камень, очевидно, от древних построек, поверхность задернована. Селище вытянуто по оси С-В на Ю-3 или от берега озера к вершине водораздела. Его приблизительные размеры согласно площади распространения подъемного материала составляют 150 м с С-В на Ю-3 и 100 м с Ю-В на С-3. Координаты: 45°,07502 – северной широты; 35°,82411 – восточной долготы. Это селище еще интересно тем, что непосредственно по его поверхности пролегают т. н. межевые земляные валики, обнаруженные в окрестностях вышеназванного озера. Они имеют направление с В на 3 или от берега озера к вершине водораздела. Их ширина 2 – 2,5 м, высота 0,2 – 0,35 м. Такое их местонахождение позволяет предположить, что следы размежевki в виде земляных валиков, обнаруженные в окрестностях мыса Чауда, горы Дюрмен, озера Качик и Кара Коль – относятся к концу 18 – 19 векам. Относительно хорошая сохранность, отсутствие системности в интервалах между ними, и расположение на поверхности античного селища указывают на их позднее происхождение.

В этом же месте, на северных склонах водораздела, направленных от его вершины к берегу озера Кара-Коль, выявлены следы древней размежевki в виде земляных валиков, имеющих направление с В – Ю-В на 3 – С-3 (рис. 1, Е). Их высота 0,3 – 0,4 м, ширина 3,5 – 4,0 м, расстояние между ними 60 – 75 м, у некоторых валиков по бокам прослеживаются слабовыраженные, заплывшие канавки, образовавшиеся при копке грунта. Валики относительно хорошо выделяются на поверхности степи и местами поросли другой растительностью, что дополнительно выделяет их среди однообразной степной травы. Координаты: крайний северо-восточный валик - 45°,06595 северной широты, 35°,84897 восточной долготы. Крайний юго-западный валик - 45°,06889 северной широты, 35°,83480 восточной долготы.

На северо-западном берегу озера Кара-Коль находятся остатки бывшего большого татарского селения Сарылар (заброшено после 1944 г.), где вполне могут быть обнаружены материалы античного времени (рис. 1, 11). Обильный травяной покров не позволил детально обследовать поверхность памятника. Его координаты: 45°,08370 – северной широты; 35°,83 593 – восточной долготы.

Бывшее средневековое селение Джапар Берды располагалось неподалеку от шоссе в месте слияния двух балок. Обильный травяной покров не позволил детально обследовать поверхность памятника, но его остатки хорошо выделяются в микрорельефе местности.

На правом, пологом берегу балки находится курганный могильник из трех насыпей. Их координаты: насыпь № 1: 45°,07192 – северной широты; 35°,87962 – восточной долготы. Насыпь № 2: 45°,07343 – северной широты; 35°,88037 – восточной долготы; Насыпь № 3: 45° 07489 – северной широты; 35°,88078 – восточной долготы.

Рядом с насыпью № 2 находится средневековый некрополь, его остатки из известняковых надгробий в виде чалмы прослеживаются с западной стороны насыпи. Здесь же, у западного подножия насыпи сохранилась квадратная в плане ограда погребения из крупных бутовых известняковых камней (рис. 9).

Скопления амфорной и лепной керамики IV в. до н. э, мелких бутовых известняковых камней отмечены в 0,3 – 0,6 км к Ю-В от возвышенности Охчи Оба (рис. 1, 13). Координаты: 45°,03816 – северной широты; 35°,82203 – восточной долготы. Детальное обследование поверхности объекта затруднено вследствие густой травяной растительности. Очевидно, в античное время здесь находились легкие полевые постройки, тем более, что в низине расположенной в 1,0 км к С-В от этого места выявлены следы виноградной размежевки на довольно большой площади (рис. 1, литера З). Эта низина относительно закрыта почти со всех сторон от холодных ветров, имеет особый температурный режим и, очевидно, наиболее подходила для выращивания этой культуры. Балочная сеть этой низины имеет сток в озеро Качик, водоток временный и появляется во время снеготаяния и дождей. Размежевка имеет вид земляных валиков шириной 1,0 - 1,5 м, высотой 0,2 - 0,3 м, расстояние между ними 1,8 – 2,3 м, направление - С – С-З – Ю – Ю-В. Координаты: 45°,03873 – северной широты; 35°,83812 – восточной долготы; 45°,03820 – северной широты; 35°,83884 – восточной долготы; 45°,03727 – северной широты; 35°,83898 – восточной долготы; 45°,03635 – северной широты; 35°,84026 – восточной долготы; 45°,03317 – северной широты; 35°,84209 – восточной долготы; 45°,02993 – северной широты; 35°,84304 – восточной долготы. Здесь относительно часто попадаются фрагменты античных амфор. Эта размежевка может относиться и к средневековому времени, поскольку среди материалов селища салтово-маяцкой культуры на мысе Чауда зачастую встречаются фрагменты пифосов. Их назначение и использование было связано с виноградарством и виноделием. Это косвенно может указывать на время создания выявленной виноградной размежевки.

Небольшие скопления амфорной IV в. до н. э, мелких бутовых известняковых камней также отмечены на вершине водораздела между высотами 37.9 и 43.4 (Охчи Оба). Возможно, в античное время здесь также были какие-то легкие постройки. Впрочем, на всей территории к северу от мыса Чауда попадают фрагменты амфорной керамики, в числе которых было найдено синопское клеймо на ручке амфоры магистрата Каллисфена, относящееся к 70-м г. III в. до н. э. [14]. Это обусловлено наличием на мысе Чауда большого античного пункта (Казека), жители которого использовали прилегающие территории в сельскохозяйственном отношении.

С восточной, северо-восточной стороны мыса Чауда (в 290 м к Ю-З от здания Чаудинского маяка, азимут 15° от линии разреза), сразу за территорией древнего поселения на задернованной поверхности степи наблюдается слабовыраженный, расплывшийся земляной валик высотой 0,4 м шириной около 5,2 м. Он протянулся в восточном – северо-восточном направлении и одним флангом упирается в береговой обрыв (22 м от разреза до берегового обрыва), другим в асфальтовое шоссе, ведущее от маяка к воинской части. В этом месте был выполнен разрез валика по оси С - Ю, показавший, что он был насыпан из чернозема на древней дневной поверхности в один прием. Насыпной слой темно-коричневого (каштанового) цвета. Слой погребенного чернозема – светло-коричневого цвета с мелкими белыми включениями, его структура плотная, комковатая. Попадавшиеся в насыпи мелкие фрагменты лепной и гончарной керамики были невыразительны и ничего не дали в плане хронологии этого сооружения.

Аналогичные земляные валики были выявлены в прибрежной полосе между мысом Чауда и озером Качик (рис. 1, Б). Здесь они сохранились лучше, но только в прибрежной

полосе, ближе к берегу они выше, располагаются чаще и ориентированы перпендикулярно берегу, с юга на север. Чуть далее в степь от побережья эти валики теряются и не просматриваются на поверхности. Их отсутствие в удаленной от моря степи, по-видимому, связано с обработкой этих земель жителями селения Качик в позднесредневековое время.

В этом же месте на некотором удалении от берега обнаружены каменные выкладки на поверхности степи. Некоторые из них довольно длинные и ориентированы по оси восток – запад и север – юг, другие – образуют в плане овал (рис. 8). Назначение и время их сооружения остается неясным, необходимы дополнительные исследования.

Была также обследована территория бывшего позднесредневекового селения Сеиджеут, культурный слой которого частично сохранился на восточной окраине села Южное Ленинского района АР Крым (рис. 1). Селение и его зольник располагаются на правом берегу глубокой балки, в которой устроен пруд. На левом берегу балки, к востоку от её устья, сохранились следы размежевки в виде земляных валиков, имеющих направление с Ю на С. Их высота 0,3 – 0,4 м, ширина 2,5 – 3,0 м, расстояние между ними 10 – 30 м. Они хорошо сохранились и прослеживаются от приморских береговых обрывов до балок, задернованы (рис. 12). Координаты южных окончаний валиков, которые обрываются в море: 45°,11635 – северной широты; 35°,66270 – восточной долготы; 45°,11541 – северной широты; 35°,66678 – восточной долготы; 45°,11631 – северной широты; 35°,66269 – восточной долготы.

Второй участок с межевыми валиками, имеющими направление с В на З, прослеживается здесь же на левой стороне балки, напротив плотины пруда. Их высота 0,3 – 0,4 м, ширина 2,5 – 3,0 м, расстояние между ними 26 – 40 м. Они также относительно неплохо сохранились и прослеживаются от балки до поля, которое ранее распахивалось, задернованы. Координаты восточных окончаний валиков: 45°,12121 – северной широты; 35°,67432 – восточной долготы; 45°,12021 – северной широты; 35°,67410 – восточной долготы; 45°,11998 – северной широты; 35°,67395 – восточной долготы; 45°,11896 – северной широты; 35°,67385 – восточной долготы; 45°,11864 – северной широты; 35°,67371 – восточной долготы; 45°,11801 – северной широты; 35°,67352 – восточной долготы; 45°,11702 – северной широты; 35°,67318 – восточной долготы; 45°,11638 – северной широты; 35°,67293 – восточной долготы; 45°,11538 – северной широты; 35°,67286 – восточной долготы; 45°,11638 – северной широты; 35°,67293 – восточной долготы.

Время их сооружения неизвестно, но, учитывая, что у села Южное ранее находилось позднесредневековое селение Сеиджеут, можно предположить – это наделы обитателей этого селения, т. е. межевые валики сооружены в конце 18 – 19 века.

Если же мы имеем дело с остатками античной размежевки, то это ставит перед нами ряд вопросов. Ведь создание земельного кадастра на столь обширном пространстве было связано со многими причинами: - это и неравнозначность клеров в отношении плодородия, и создание определенной системы севооборота, и удобство подсчета посеянного и выращенного урожая с целью правильной выплаты налога, и ряд других. Кто и когда создал этот кадастр, сколько времени он просуществовал, какому античному центру принадлежал, сколько всего было размежевано участков, между кем распределялись и кем обрабатывались клеры, как хозяева поддерживали их границы и какие культуры возделывали? Ответы пока могут быть только гипотетичны. Относительно точные данные могут быть получены только путем полевых исследований и раскопок.

Имеют ли остатки обследованной размежевки (или какой-то их части) отношение к античной Феодосии? Сомнительно. Если она создана в античную эпоху, - то имеет отношение скорее, к Боспору. Ранние материалы периода независимости Феодосии (V в. до н. э.) здесь не обнаружены, не были они известны и ранее, а в IV в. до н. э., после боспоро-феодосийской войны, – эта территория уже входила в состав Боспорского царства. Провести столь масштабные и дорогостоящие работы с определенной целью, по какому-то конкретному плану могло лишь мощное, централизованное государство, каковым на то время и являлся Боспор. Заманчиво видеть в этом земельном кадастре деятельность Евмела по обустройству для изгнанных каллатийцев некой области Псои [11, с. 152], да и те немногие, первые материалы указывают на конец IV – начало III в. до н. э., но от реше-

тельных выводов пока придется воздержаться, необходимы детальные исследования. На мой взгляд, название этой исторической области более тяготеет к азиатской части Боспора, где похожие названия встречаются гораздо чаще, как в наименовании проживавших там народов, так и географических пунктов.

Таким образом, визуальное обследование прибрежной полосы Керченского полуострова от мыса Карангат до мыса Чауда и прибрежной полосы восточной части Феодосийского залива, участков целинной степи, удаленных от побережья, показало, что здесь имеются остатки поселенческой структуры античного времени и следы размежевки, время создания которой пока неясно. Этот земельный кадастр нуждается в более детальном исследовании. Его исследование актуально также в плане изучения систем древнего землепользования, палеопочвоведения и палеоклимата.

Источники и литература:

1. Агбунов М. В. Античная география Северного Причерноморья. М. 1992.
2. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н. э. – XII в. н. э.). К. 1977.
3. Анохин В. А. Монетное дело Боспора в VI-II вв. до н. э. К., 1986.
4. Внуков С. Ю. Причерноморские амфоры I в. до н. э. – II в. н. э. М. 2003.
5. Гаврилов А. В., Голенко В. К., Ермолин А. Л., Столяренко П. Г. Разведки на мысе Чауда и его окрестностях // ДБ. Т. 10.
6. Зубарев В. Г. Историческая география Северного Причерноморья по данным античной письменной традиции. М. 2005.
7. Кругликова И. Т. Сельское хозяйство Боспора. М. 1975.
8. Масленников А.А., Смекалова Т.Н. Следы древнего землевладения и землепользования на хоре Европейского Боспора (Введение в тему) // ДБ. Т. 8. 2005.
9. Смекалова Т. Н., Масленников А. А., Смекалов С. Л. Ортогональные системы размежевания земель европейского Боспора и природно-демографические факторы // Боспорский феномен: проблема соотношения письменных и археологических источников. Материалы международной научной конференции. СПб., 2005.
10. Шелов Д.Б. Узкогорлые светлоглиняные амфоры первых веков нашей эры. Классификация и хронология // КСИА. Вып. 156. 1978.
11. Шелов-Коведяев Ф. В. История Боспора в VI – IV вв. до н. э. // Древнейшие государства на территории СССР. Материалы и исследования, 1984 год. М. 1985.
12. Федосеев Н. Ф. Керамические клейма из раскопок поселения «Бакланья скала» // ДБ. Т. 1.
13. Gajdukevic V. F. Das Bosporanische Reich. Berlin. 1971.
14. Smekalova T.N., Smekalov S.L. Ancient Roads and Land Division in the Chorai of the European Bosphoros and Chersonesos on the Evidence of Air Photographs, Mapping and Surface Surveys // Surveying the Greek chora Black sea region in a comparative perspective. Aarhus university press. 2006.

Сокращения:

ДБ - Древности Боспора. М.
КСИА - Краткие сообщения Института археологии АН СССР. М.
МИА - Материалы и исследования по археологии СССР. М.-Л.
САИ - Свод археологических источников. М.
ФКМ - Феодосийский краеведческий музей.

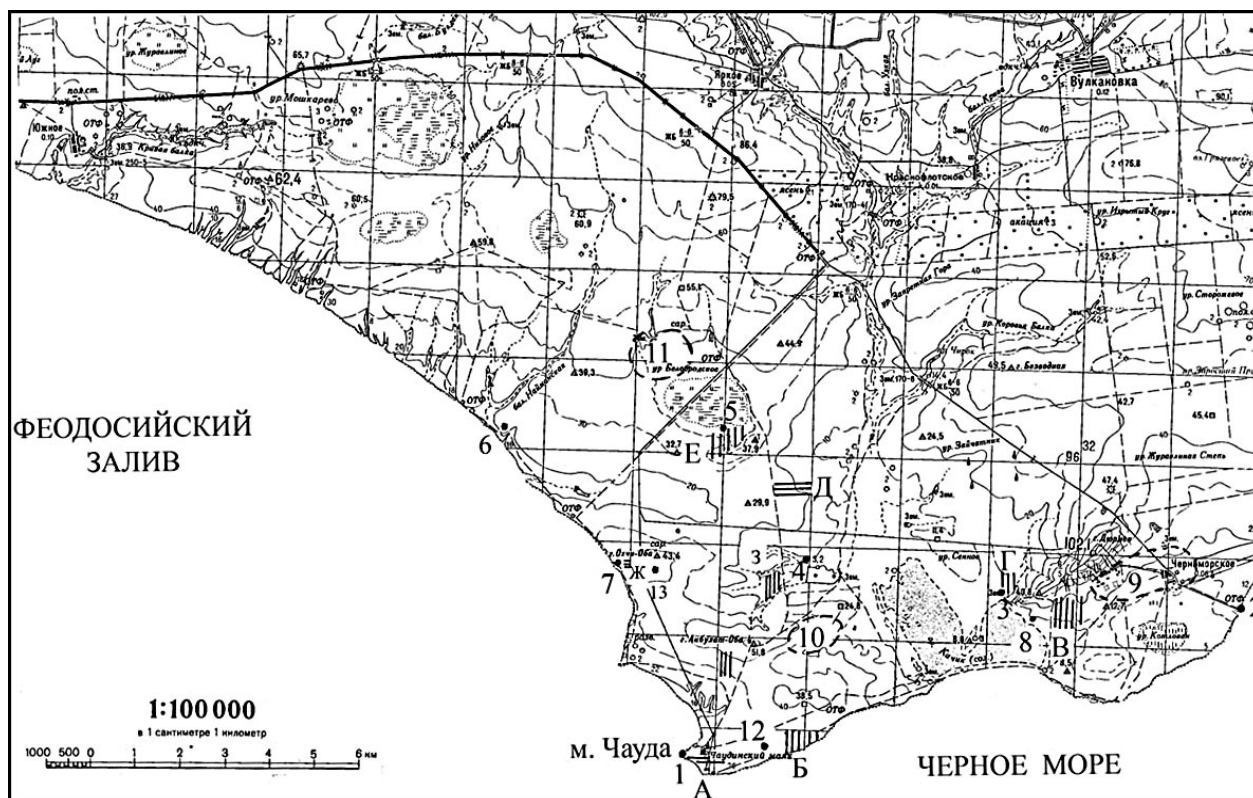


Рис. 1. Археологические памятники в окрестностях мыса Чауда и озера Качик. Античные поселения: 1 – Казека; 2 – Карангат; 3 – Качик 1; 4 – Качик 2; 5 – Кара Коль; 6 – Устье Балки 1; 7 – Устье Балки 2; 13 – Охчи Оба. 8 – стоянка эпохи бронзы. Бывшие татарские селения: 9 – Дюрмен; 10 – Кашик; 11 – Сарылар. А, Б, В, Г, Д, Е, Ж, 3 – участки с остатками межевых валиков. М 1:1 км.



Рис. 2. Вид с запада на абразию берега на мысе Чауда. На скалистой части обрыва видны ниши для балок прискальных жилищ



Рис. 3. Вид с севера на колодец № 2 на мысе Чауда



**Рис. 4. Вид с северо-запада на каменоломню
на северо-западной окраине мыса Чауда**



**Рис. 5. Вид с юго-запада на остатки кладки близ Чаудинского маяка.
Кладка построена в новое время, возможно, из древних квадров**



Рис. 6. Вид с северо-запада на земляные (виноградные) валики на участке 3



Рис. 7. Вид с юга на межевой земляной валик на участке Е (южная сторона озера Караколь). Отличается своей растительностью



Рис. 8. Вид с севера на каменную эллипсовидную выкладку (1,5 км к востоку от мыса Чауда)



**Рис. 9. Вид с северо-востока на обкладку могилы
на некрополе бывшего селения Джепар Берды**



**Рис. 10. Вид с северо-запада на надгробие с навершием в виде чалмы
на некрополе бывшего селения Джепар Берды**



Рис. 11. Вид с юга на колодец на территории бывшего татарского селения Дюрмен. Сверху перекрыт каменным корытом



Рис. 12. Вид с востока на прибрежную часть межевых земляных валиков близ бывшего селения Сеиджеут (с. Южное Ленинского района АР Крым)

ВИДЫ КЛАДОК ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СТЕН ХЕРСОНЕСА ТАВРИЧЕСКОГО

ДОБРЕЦОВ М.М.

Исследователь

Изучая датированные древнегреческие сооружения, известный французский историк искусства М. Коллиньон пришел к выводу, что каждая эпоха употребляла пироны различной формы: архаические (VI в.) сооружения имеют свинцовые или железные пироны. Афинский Парфенон эпохи Перикла имеет пироны в форме широкого Н, а постройки IV-III вв. до н.э. имеют пироны в форме хвоста ласточки, точнее, двух хвостов, сложенных друг с другом суженными концами. Очевидно, античная строительная техника к этому времени выработала практическую форму, наилучшим образом способную скреплять камни.

В камнях херсонесских стен мы видим углубления именно для пиროнов последнего типа. Все сказанное о пиронах позволяет в их формах видеть основание для датировки херсонесских стен эпохой не ранее IV в. до н.э.

В древнегреческих крепостных стенах Херсонеса мы констатируем три системы кладки, довольно резко отличающиеся друг от друга. Самой ранней по времени, самой прочной и характерной следует признать кладку плашмя, которая применена на 17-й куртине. Второй — кладку «кордонами на ребро, плитами на образок», названную так известным исследователем Ольвии профессором В. В. Фармаковским при описании подобной, но более древней кладки крепостной стены Ольвии у Заячьей балки [1, с. 35-39].

Эту кладку в Херсонесе мы должны признать ранней, так как она применена при постройке древнейшей стены, остатки которой открыты К.Э. Гриневичем в 1927 г. с внутренней стороны 17 и 19 куртин. Такую же кладку мы видим в стене IV в. до н.э. — на куртинах 17 и 18 юго-восточного участка и на западе городища; аналогична кладка башни XVI и ядра башни XVII. Эта кладка отличается особой системой чередования плит облицовки: сначала идет ряд камней, положенных плашмя, по лицу стены они выступают своей узкой частью. Затем идет ряд камней, поставленных на ребро и образующих широкую часть кладки, в которой камни чередуются так: одни обращены к фасаду своим «зеркалом», а другие выставлены вперед узкой частью, торцом. Над этим, более высоким рядом, снова идет ряд плит, положенных плашмя, и т.д. Зеркала всех камней, выходящие наружу, не обработаны, что дает игру света. В целом, получается неотразимое впечатление монументальности и красоты, свидетельство мощи древнего города.

Размеры камней — не очень большие, вполне достаточные для того, чтобы двое рабочих свободно могли их передвигать; высота ряда плоско положенных («на образок») плит в среднем 0,34 м, высота ряда камней, поставленных стоя («кордонами на ребро»), — в среднем 0,66 м, длина по линии стены камней на образок (т. е. камней узкого ряда) — 2,23 м, а длина кордонов на ребро — 2,07 м. Узкая сторона плит, положенных в широком ряду в глубь стены, равна в среднем 0,23 м. Эта кладка была положена не прямо на скале, а на бугре, смешанном с глиной, которая представляла собой хорошо промытую и отмученную желтовато-серую массу. На бугре клался стилобат из камней, неровных внизу, но тщательно выровненных в верхней части для приема первых камней стены [2, с. 45-49].

Но не всегда под кладкой стены мы видим фундамент из бугра. Там, где это было возможно, древние строители высекали в скале соответствующее ложе, и прямо в нем клали камни стилобата. Такая кладка, современная только что описанной, встречается на тех же участках стены, но с внешней стороны.

Возможно, что первая кладка строителям показалась не достаточно прочной. На куртине 16 мы видим кладку только «кордонами на ребро». Она выделяется только отсутствием ряда плашмя положенных плит, но в остальном ничем не отличается от разобранный выше системы «кордонами на ребро, плитами на образок».

Третья система кладки названа А. Л. Бертъе-Делагардом [3, с. 91-94] «логом и тычком»; тщательно обтесанные, без рустов, каменные бруссы, длиной 1,85 м, шириной и высотой 0,38 м, того же известняка сарматского яруса, положены различными своими частями по отношению к линии стены. Так, одни камни лежат вдоль линии стены своими длинными сторонами, другие - короткими, правильно чередуясь друг с другом (как кирпичи). Все камни положены насухо и имеют пироны в форме хвостов ласточек.

Всюду, кроме кладки «логом и тычком» на куртине 19, мы видим средние лицевые части камней необработанными, только с трех сторон стесаны кромки. По объяснению специалистов-архитекторов П.И. Голландского и Б.Н. Засыпкина перед нами определен технический прием: края зеркала стесывают для наилучшей пригонки плиты. Верхняя часть края не так нужна, не нужны и средние части зеркала. По-настоящему, конечно, они должны быть стесаны (как на ядре башни Зенона), но в силу ряда причин, прежде всего, стоимости этой дополнительной работы, последняя так и осталась невыполненной. Предположение, что эти русты могли сделать поверхность стены более устойчивой к ударам таранов, ни на чем не основано. Против этого предположения говорят знаки каменотесов, имеющие большое значение для датировки стен. Эти знаки представляют собою буквы греческого алфавита. По авторитетному мнению В.В. Латышева, эти метки, встреченные на 39 камнях, могут быть по палеографическим особенностям датированы IV или концом V в. до н.э. По-видимому, они были нужны для производства расчета с рабочими, работавшими сдельно. Наличие этих знаков на рустах показывает, что русты были предназначены к стеске, но работа выполнена не была.

Третья система кладки, которую можно назвать мелкой брусковой кладкой «логом и тычком» со стесанными рустами, применена на куртинах 19 и 20 древнегреческих стен Херсонеса. Длинные концы бруссов сходятся внутри стены, чем достигается большая прочность. Незаметно, чтобы камни притесывались на месте. По-видимому, они заранее вырезывались по определенному размеру и клались, как кирпичи. Пироны были в форме хвостов ласточки. Эту кладку следует датировать несколько позже двух первых, а именно, первой половиной III в. до н.э. Ей современно ядро башни Зенона.

Археологические раскопки Ольвии и многих полисов Греции и Малой Азии дают возможность найти аналогии всем херсонесским кладкам.

Первые две кладки должны быть отнесены еще к классическому строительству IV в. до н.э., а третья—на 150 лет позже.

Схема датировки ранних кладок стен Херсонеса представляется в следующем виде:

- Кладка «плашмя квадры» (у ворот “Е” на куртине 17) - 350-е гг. до н.э.
- Кладка «кордонами на ребро, плитами на образок» (древнейшая стена на юго-восточном участке и западе городища) около 350 г. до н.э.
- Блоки со знаками каменотесов (куртина 18) - 400-350 гг. до н.э.
- Кладка «логом и тычком» (куртина 19) – 300-250 гг. до н.э.
- Ядро башни Зенона и связанная с ним стена (куртина 20) – 300-250 гг. до н.э.

Источники и литература:

1. Даниленко В.Д., Токарева Р.Н. Башня Зенона. Симферополь, 1974.
2. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и римская империя. Очерки военно-политической истории. К., 1994.
3. Известия Императорской Археологической Комиссии. Вып. 21. СПб., 1907.
4. Гриневич К.Э. Стены Херсонеса Таврического // ХСб., 1959. Вып. 5.

ПЛАТО САПУН-ГОРЫ ВО II – ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ III ВВ. Н.Э.

Дорошко В.В.

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

Сапунгорское плато является естественным рубежом на пути к Херсонесу и его ближней хоре. Хорошо известное по двум войнам нового времени, оно было стратегически важным и в древности. С востока плато почти везде имеет крутые склоны или заканчивается обрывом. С запада, наоборот, имеет пологий склон и удобный подход. Попасть на Гераклеяский полуостров в античные времена можно было с двух направлений: с юга, между Караньскими высотами и южной частью плато Сапун-горы (высотами Карагач) по Южной Балаклавской долине; или в северо-восточной части Гераклеяского полуострова – между высотой Казацкой и Суздальскими высотами. Здесь можно назвать несколько подъемов: по Чёртовой и Воловьей балке, а также по Каменоломному оврагу.

Херсонеситы ещё в начальный период освоения хоры должны были позаботиться об укреплении этого важного рубежа. Благодаря разведкам О.Я. Савели, известно о целом ряде поселений эллинистического времени на восточном склоне Сапун-горы, которые прикрывали подходы к хоре. В данной статье речь пойдет об обороне хоры Херсонеса Таврического во II – первой половине III вв. н.э. и ее связи с римским военным присутствием. Хотя эта тема уже не раз привлекала внимание исследователей [1, с. 52-60; 2, с. 260; 3, с. 165-168; 4, с. 89-91; 7, с. 91-92; 15; 16 и др.], на сегодняшний день не существует полного представления об оборонительных сооружениях первых веков н.э. В то же время, накопленный в последние годы материал исследований позволяет внести дополнения в сформированную картину обороны хоры Херсонеса на перешейке Гераклеяского полуострова.

О том, как выглядела оборонительная система плато в первые века н.э., можно было лишь догадываться, пока в 1991 г., при строительстве трассы газопровода, не был обнаружен римский наблюдательный пост на высоте Казацкой, который раскопан большей частью в сезонах 1991, 2000 – 2002 гг. совместной экспедицией Национального заповедника «Херсонес Таврический» и Варшавского университета под руководством О.Я. Савели и Т. Сарновского. Здесь была открыта квадратная в плане башня 8х8 м и круговая ограда диаметром 25 – 27 м со рвом. Внутреннее пространство было застроено жилыми и хозяйственными постройками, примыкавшими к ограде [18].

Открытие поста на высоте Казацкой позволило предположить, что на сапунгорском плато могли находиться подобные оборонительные сооружения. Автор открытия А.А. Филиппенко выдвинул гипотезу о наличии на соседней высоте Суздальской аналогичного римского поста. Его предположения были не беспочвенными: в 1925 г. на вершине этой горы севастопольским краеведом Л.Н. Соловьевым были отмечены остатки башни размером 14 х 14 м, что и нашло свое отражение в его археологическом дневнике [14, с.111 - 112]. Зарисованные Л.Н. Соловьевым профили бортов черепиц из подъемного материала датируются первыми веками н.э. Предположение А.А. Филиппенко дало возможность В.М. Зубарю во многих его публикациях нанести на карту отметку о наличии на указанной высоте римского военного поста [4, с.91].

В ещё одном месте, указанном А.А. Филиппенко (урочище Кавказ-Баир) в 2004 – 2006 гг. были проведены раскопки совместной украинско-польской экспедицией под руководством О.Я. Савели. Здесь было исследовано раннесредневековое поселение и обнаружен фундамент башни 6,8х6,8 м. относящейся к римскому времени. На расстоянии 12 м. от башни был обнаружен ров и остатки вала [8].

В 2007 и 2008 гг. А.А. Филиппенко и автором настоящей статьи было определено место, где могла бы находиться башня, отмеченная Л.Н. Соловьевым на высоте Суздальской [14, с.111] (рис.1). Главный ориентир, к счастью, частично сохранился – фундамент

старого памятника Инкерманскому сражению¹, от которого исследователь отмерял 60 – 70 метров на юг-юго-восток до большой башни. В этом месте действительно находятся строительные остатки и подъемный материал первых вв.н.э. Было принято решение провести разведочные раскопки на этом месте. В августе 2009 г. заложены три разведочных шурфа в тех местах, где предположительно находились или визуально просматривались стены памятника. В ходе работ на всех трех участках были обнаружены широкие, от 1,5 до 2 м толщины стены. По ним можно определить, что памятник в плане имеет подтреугольную форму (рис.2). Время существования памятника по материалу суммарно определяется II – первой половиной III вв. Из находок можно отметить щиток светильника с неясным рельефным изображением, фрагмент глазированной керамики античного времени с рельефным изображением антовой капители и колонны, 49 гвоздей от подошв римской обуви, 2 боспорские монеты I в. до н.э. – I в. н.э., 9 пращевиков различной величины, обломки черепиц, подобных тем, которые производились в римской мастерской Балаклавы (рис.3).

Следует отметить, что памятник является сложным объектом для проведения раскопок в виду нарушений его культурного слоя во время Крымской и Великой Отечественной войн. Стены сохранились большей частью в один ряд кладки и почти полностью отсутствуют наружные камни. Памятник пересекают многочисленные траншеи окопов и кабелей связи. Верхний дерновый слой насыщен многочисленными металлическими осколками. Тем не менее, нам удалось выявить два слоя, соответствующие двум строительным периодам, из которых ранний относится к первой половине II века. В это время укрепление, по всей видимости, было деревянно-земляным. В середине того же столетия или его второй половине были сооружены каменные стены, перекрывшие нижний слой.

На углу северной и юго-западной стен обнаружена плотная забутовка, образующая прямоугольный выступ, который по нашему предположению был фланговой башней (рис.2). Однако главную башню, которую изобразил на плане Л.Н. Соловьев, нам пока выявить не удалось. Возможно, она будет обнаружена на углу северной и юго-восточной стен, где наблюдается всхолмление. Также не прослеживается и вал, окружавший, по Соловьеву, прямоугольную площадку (рис.1). Возможно, вал утрачен уже навсегда, поскольку в восточной части предполагаемой площадки в послевоенное время были сооружены бетонный бункер и сеть укреплений. Южная часть площадки перекрыта дорогой из крупного щебня, а в северной части наблюдаются перекопы и выборка грунта.

В дневниковых записях Л.Н. Соловьева был описана ещё одна квадратная в плане башня, окруженная валом, которую он назвал «башней у югобережного шоссе» [14, с. 80] (рис.4). Такое определение мешало точной локализации объекта. И все же в фондовых описях удалось найти более точное определение «на гребне Сапун-горы». Самой близкой из возвышенностей сапунгорского гребня к югобережному шоссе оказалось плато Карагач. И действительно, ещё в 30-е гг. XIX в. именно на этом месте отметили квадратную башню Дюбуа де Монпере и Кларк [17, р. 189] (рис.4). Сходство планов Соловьева и Дюбуа де Монпере не оставляет сомнений, что речь идет об одном и том же памятнике. В фондах НЗХТ сохранился подъемный материал, найденный на месте этой башни Л.Н. Соловьевым в 1925 г. (рис. 5). Амфорный материал и краснолаковая керамика относятся ко II – III вв. н.э., что и позволяет датировать памятник тем же временем.

В конце 2009 г., с целью локализации памятника, был произведен осмотр плато Карагач. На самой вершине плато удалось обнаружить всхолмление с культурными напластованиями, в котором выделялись крупные блоки стен, а также угол большой квадратной башни, который раскопали грабители с целью поиска предметов времен Великой Отечественной войны. По всей видимости, это и есть тот самый памятник, который описали исследователи.

Таким образом, можно с уверенностью говорить о наличии минимум четырех военных укреплений римского времени на гребне Сапун-горы. Кроме того, в верховье Воловьей балки Л.Н. Соловьев обнаружил поселение, существовавшее в первые века н.э. и ран-

¹ Новый памятник был восстановлен неподалеку от фундамента старого, взорванного советскими саперами в конце 1941 или начале 1942 г., дабы уничтожить ориентир для немецкой артиллерии.

нем средневековье, отмеченное впоследствии и О.Я. Савелей [6, с. 404]. В фондах НЗХТ сохранился материал разведок Л.Н. Соловьева, на основе которого и сделан вывод о датировке этого памятника. Поселение, исходя из контекста его положения, также могло играть роль защиты на уязвимом участке обороны плато Сапун-горы в исследуемое время. Точное местоположение памятника определить не удалось; скорее всего, оно находится на территории войсковой части.

Помимо высотных укреплений, следует сказать и о стенах, которые перегораживали наиболее доступные участки Сапун-горы. Достоверно можно говорить о стене римского времени, которая отходит от укрепления на высоте Суздальской. Керамика в стене содержит материал II в.; наиболее выразительным является фрагмент горла светлоглиняной амфоры с клювовидным венцом. Нам удалось проследить стену до дна Каменоломенного оврага в юго-восточном направлении. Найти продолжение стены в настоящее время не представляется возможным из-за расположенных далее участков террасной лесопосадки. Однако в дневнике Л.Н. Соловьева можно найти продолжение этой стены, которая пересекала гребень горы Уч-Баш [14, с. 110]. Направление стены позволяет предположить, что дальше она пересекала Чертову балку и шла по вершине северного мыса высоты Казацкой. В этом месте и далее на юг склоны Сапун-горы принимают характер вертикальных скалистых обрывов.

Еще об одной стене возле вышеописанного укрепления на высоте Карагач сообщает Л.Н. Соловьев. Он отмечает небольшой (48 метров) отрезок этой стены, изогнутой под углом 110 градусов. По всей видимости, эта стена перегораживала проход между высотами Карагач и Безымянная [14, с.80] (рис.4).

Таким образом, можно судить о наличии системы пограничных укреплений на гребне Сапун-горы во II – первой половине III в. н.э. Эта система включала минимум четыре укрепления на высотах Суздальская, Казацкая, Карагач, в урочище Кавказ-Баир и стены, которые перекрывали проходы на Гераклеяский полуостров. Исходя из того, что укрепление на высоте Казацкой относится к памятникам, связанным с римским военным присутствием, наряду с лагерем в Кадыковке и, предположительно, укреплением на высоте Безымянной, а также учитывая синхронность существования всех вышеупомянутых укреплений на гребне Сапун-горы, последние также следует отнести к римским военным памятникам. Также с этой системой должны были быть связаны укрепления в верховье Хомутовой балки и на Каткартовом холме, с которых, в случае опасности, присылались подкрепления. Эту систему нельзя назвать лимесом: в указанное время она была внутренней и могла задержать крупные силы противника лишь на непродолжительное время. В то же время, она сыграла свою роль в защите хоры Херсонеса Таврического в первые века н.э., поскольку в это время на ее территории функционируют многие усадьбы, а также проложены две ветки керамических водопроводов, питавших Херсонес.

В заключение следует добавить, что исследования римских военных памятников на плато Сапун-горы необходимо продолжать ввиду быстрого роста города Севастополя и недостатка информации об истории пребывания римских войск в Юго-Западной Таврике.

Источники и литература:

1. Зубарь В.М. Еще раз о Таврическом лимесе // РА. 2000. № 2.
2. Зубарь В.М. О римских войсках в Херсонесе и его округе в середине II – первой трети III в. в свете новых открытий // Сарновски Т., Савеля О.Я. Балаклава. Римская военная база и святилище Юпитера Долихена. Варшава, 2000.
3. Зубар В. М. Про так званий Таврійський лімес // Київська старовина. 1997. № 1/2.
4. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя (середина в. до н.э. – первая половина в.). К., 1998.
5. Савеля О.Я. Два пункта дислокации римских войск в окрестностях Херсонеса // Ольвия-200: Тез. докл. междунар. конф. Николаев, 1994.
6. Савеля О.Я. Исследования в окрестностях Севастополя // АО за 1985 г. М., 1986.
7. Савеля О.Я. Некоторые результаты работ Севастопольской археологической экспедиции в округе Херсонеса в 1990–1995 гг. // Херсонесский сборник. Вып. 8. Севастополь, 1997.
8. Савеля О.Я., Сарновский Т., Нессель В.А. Отчет Севастопольской археологической экспедиции о совместных исследованиях в урочище Кавказ-Баир на Сапун-горе в 2006 г. // Архив НЗХТ. Дело 3858.

9. Савеля О.Я., Сарновский Т. Отчет о раскопках на высоте 297,4 (римский пост на Гераклеяском полуострове) в 2000 г. // Архив НЗХТ. Дело 3483.
10. Савеля О.Я., Сарновский Т. Отчет о раскопках римского укрепления на высоте Казацкой в 2002 г. // Архив НЗХТ. Дело 3567.
11. Савеля О.Я., Сарновский Т. Отчет и альбом иллюстраций о раскопках в округе Херсонеса в 2005 г. (высота Казацкая) // Архив НЗХТ. Дело 3506.
12. Савеля О.Я. Филиппенко А.А. Раскопки и разведки на высоте Казацкая в 1991 г. // Архив НЗХТ. Дело 3068.
13. Сарновский Т., Ковалевская Л.А. О защите Херсонесского государства союзным римским контингентом // РА. 2004. № 2.
14. Соловьев Л.Н. Экскурсии СМК за 1925 г. // Архив НЗХТ. Дело 1385.
15. Филиппенко А. А. Организация римских укреплений в окрестностях Херсонеса // Фортификация в древности и средневековье. Тез. докл. СПб., 1995.
16. Филиппенко А. А. Основные вехи и итоги в изучении римского пограничья Северного Причерноморья и Таврики // Мир Ольвии. Тез. док. К., 1996.
17. Dubois de Montpereux Fr. Voyage autour du Caucase, chez les Tcherkesses et les Alkhasas, en Colchide, en Georgie, en Armeniae et en Crimée//Vol. 1 – 6, Paris, 1839.
18. Sarnowski T., Savelja O., Karasiewicz-Szczypiorski R. Rzymski posterunek wojskowy w okolicach Sewastopola na Krymie//Swiatowit. Tom IV (XLV), Fasc. A, 2002.

Сокращения:

АО – Археологические открытия

НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

РА – Российская археология

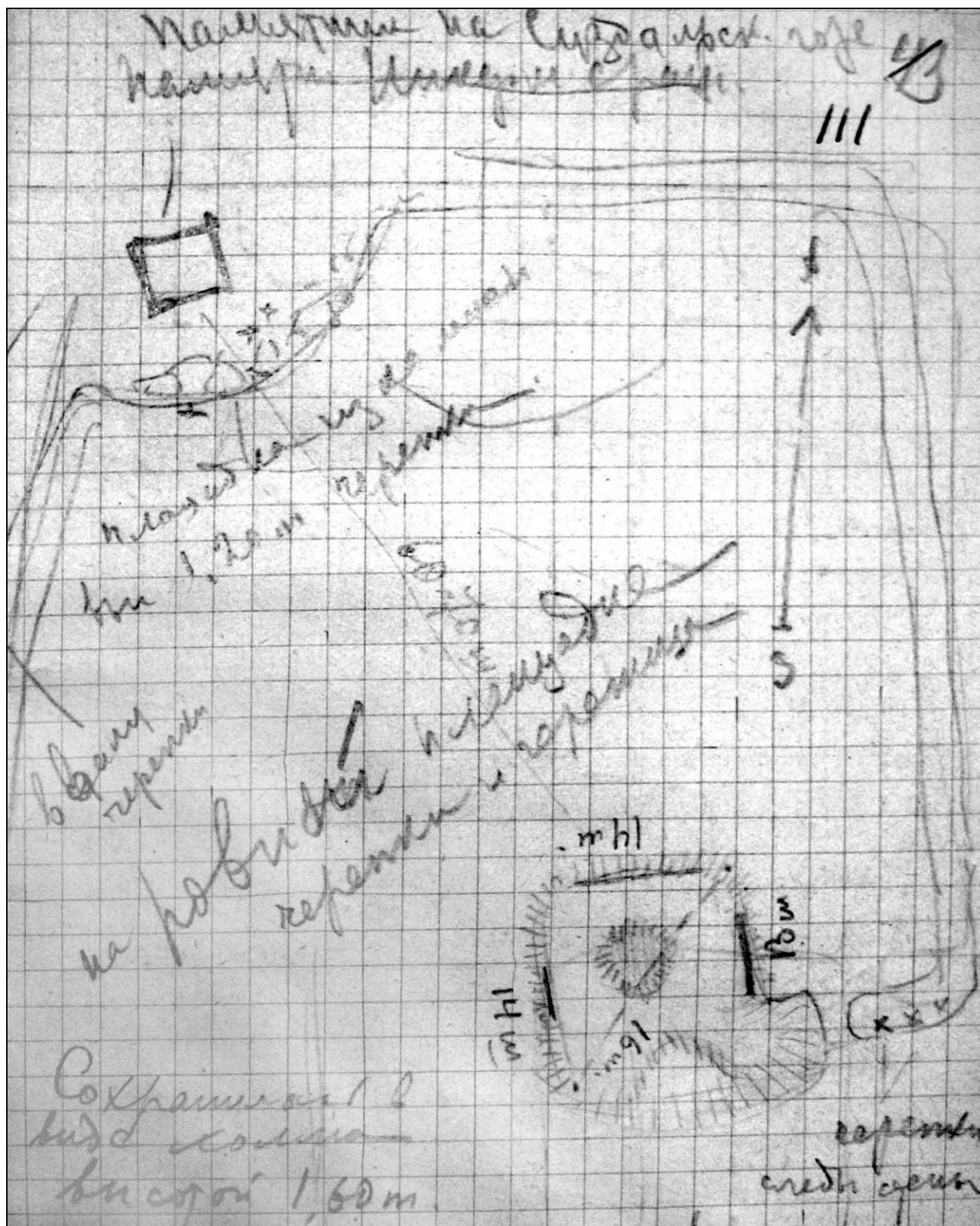


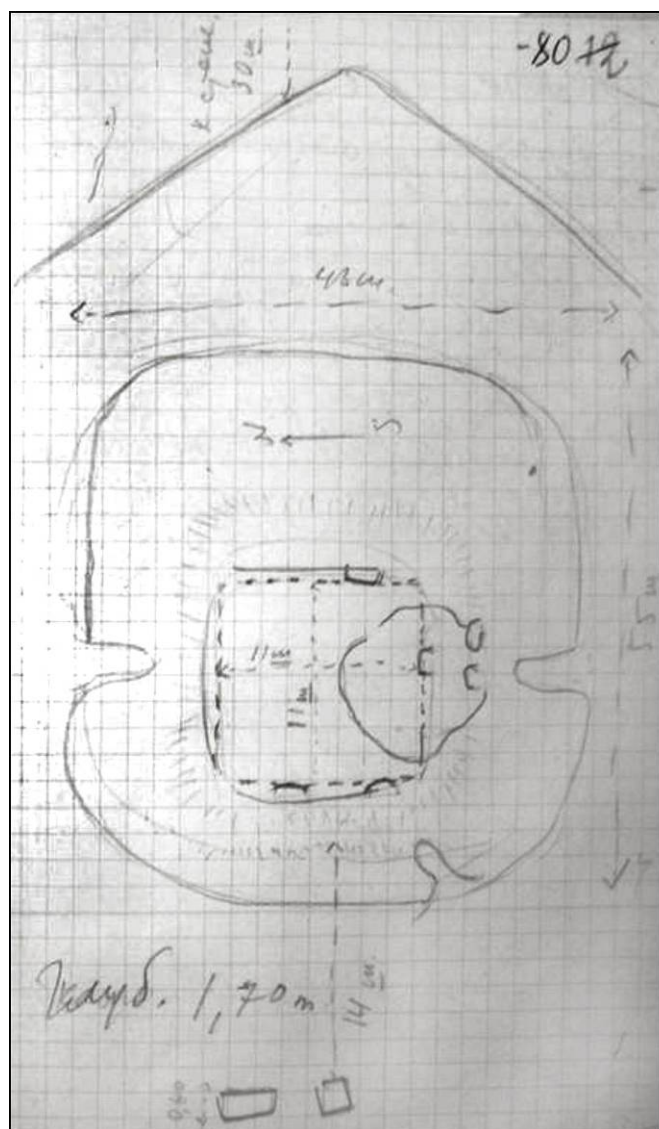
Рис 1. План археологических остатков на высоте Суздальская (по Л.Н. Соловьеву).



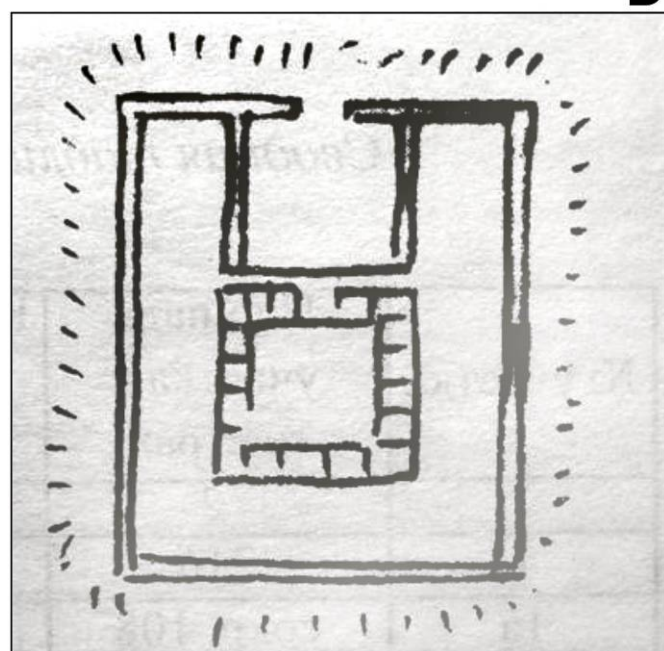
Рис. 2. Высота Суздальская. Общий вид памятника.



Рис. 3. Высота Суздальская. Находки разведок 2009 г.



А



Б

Рис. 4. План укрепления на высоте Карагач по Л.Н. Соловьеву (слева) и Дюбуа де Монпере и Кларку (справа).



Рис. 5. Высота Карагач. Подъемный материал из разведок Л.Н. Соловьева 1925 г.

ХОРА ГОРОДОВ В ХЛЕБНОЙ ТОРГОВЛЕ БОСПОРА ЭПОХИ СПАРТОКИДОВ

Прокопенко С.Н., Репина Е.В.

Белгородский государственный университет

Хлебный экспорт Боспора в отечественном антиковедении изучался неоднократно, но эта проблема далека от своего разрешения и остается остро-дискуссионной, что заставляет исследователей постоянно возвращаться к ней. Новым импульсом к изучению данного вопроса стало выявление новых источников по организации сельской территории Боспора в сер. V – 1-й четв. III в. до н.э. и развитию его сельского хозяйства.

Представленное в настоящей статье исследование находится на стыке двух обширных проблем истории Боспорского царства – хлебной торговли и развития хоры городов Боспора. Проанализировав источники и выяснив основные показатели хлебной торговли Боспора, мы попытаемся сопоставить их с основными данными, полученными в ходе палеоэкономического моделирования развития хоры городов Боспора периода расцвета торговли.

Хронологически наше исследование охватывает период наивысшего расцвета торговли зерном Боспора, который совпадает с приходом к власти династии Спартокидов (438 г. до н.э.) и началом масштабного кризиса на Боспоре рубежа 1-й - 2-й четв. III в. до н.э. Можно выделить два этапа развития хлебного экспорта Боспора: 1-й этап - сер. V – 1-я четв. IV в. до н.э. – период правления т.н. «ранних» Спартокидов, время зарождения системы экспорта зерна, характерной для Спартокидов; 2-й этап - 2-я четв. IV – 1-я четв. III в. до н.э. – время расцвета хлебных поставок Боспора на внешний рынок. Хронологически прослеживается параллель развития торговли боспорским зерном с процессом развития хоры городов Боспора, которая также в IV в. до н.э. достигла пика своего развития.

Основными источниками по боспорскому хлебному экспорту рассматриваемого нами периода являются письменные свидетельства Геродота, Фукидида, Демосфена, Динарха, Исократы, Страбона (Herod. VII. 147; Thuc. III. 2. 2; Dem. adv. Lept. 32; Din. adv. Dem. 43; Isocr. XVII. 57; Strab. VII. 4. 6); а также эпиграфические документы [1]. Из их анализа исследователь может получить следующую информацию общего характера:

1. Боспорский хлеб в Афины начал поступать более или менее регулярно с последней трети V в. до н.э., хотя встречаются упоминания хлеба из Понта, относящиеся приблизительно к 480 г. до н.э. (Herod. VII. 147).

2. Боспорский хлеб поставлялся не только в Афины, которые являлись основным его потребителем.

3. Была создана система наибольшего благоприятствования вывоза зерна основным потребителям (беспошлинный вывоз, очередь в отгрузке зерна, институт проксений и др.).

4. В отношении Афин существовала практика разовых хлебных подарков и т.д. В целом, информации немного, но ее достаточно, чтобы сделать вывод о чрезвычайно важном значении хлебного экспорта для Боспора и развитой системе поставок зерна на внешний рынок.

Что же касается информации об объемах поставок и их регулярности, то ничего определенного мы сказать не можем. Сообщения Демосфена и Страбона, приводящие конкретные данные об объемах поставок зерна в Афины, не содержат информации, за какой промежуток времени они осуществлялись; это должно учитываться исследователями. Но даже если принять объемы зерна, указанные Демосфеном, как поставляемые Боспором в Афины за один год (400 тыс. медимнов или 16 700 т) (Dem. adv. Lept. 32), то возникает вопрос, а способно ли было Боспорское государство производить указанное количество товарного зерна в год?

В отечественном антиковедении неоднократно предпринимались попытки подсчета производства товарного зерна на Боспоре. По подсчетам В.Д. Блаватского, Боспор мог

производить около 125 тыс. т зерна [2, с. 173-180.]. Я.М. Паромов полагал, что только на Таманском полуострове древние греки могли выращивать до 31-32 тыс. т зерновых [3]. С.Д. Крыжицкий и А.Н. Щеглов в своих подсчетах указали, что Боспор в рассматриваемое время ежегодно производил от 87 440 до 153 020 т злаков [4, с. 52-53]. По подсчетам В.Д. Кузнецова, Боспор мог выращивать всего от 40 тыс. до 105 тыс. т зерна [5, с. 114-115]. Разброс цифр у исследователей очень большой, но в ответе на вопрос о возможности экспорта зерна в том количестве, которое указывал Демосфен, выводы исследователей, за исключением В.Д. Кузнецова, положительные. И все же результаты вышеуказанных исследований, на наш взгляд, не могут быть приняты безоговорочно. Не останавливаясь на частных, количественных показателях, использованных при подсчетах, хотелось бы отметить основной их недостаток. Он сводится к тому, что исследователи рассматривали сельскую территорию Боспора как цельную и единую структуру, не учитывая особенностей ее внутренней организации. Поэтому не удивительно, что в последнее время ряд ученых обратился к палеоэкономическому моделированию развития сельской округи отдельных полисов Северного Причерноморья.

В отечественном антиковедении палеоэкономическая ситуация развития хоры полисов Северного Причерноморья смоделирована преимущественно в отношении наиболее крупных из них (Ольвия, Херсонес, Нимфей) в период их расцвета (IV в. до н.э.). Это объясняется лучшей археологической изученностью как городищ, так и их хоры, а также тем, что некоторые показатели, лежащие в основе построений исследователей, не поддаются более или менее точной реконструкции для ранних периодов их истории, например, численность населения. Все реконструкции строятся на сопоставлении следующих показателей: размеры поселений (городов и поселений на хоре), численность населения городов и хоры, количество семей, урожайность зерновых, потребление зерна в год из расчета на 1 чел. Рассмотрим эти показатели более подробно применительно к наиболее крупным городским центрам Боспора этого времени (за исключением Феодосии).

Население системы «полис-хора» слагалось из двух составляющих - населения города (полиса) и населения округи города (хоры). Население городов Боспора во 2-й четв. IV – 1-й четв. III в. до н.э. можно вычислить, зная его размеры по предложенной С.Д. Крыжицким [6] формуле: $P_t = (S_t - S_s) / S_h P_h$, где:

- P_t – полная численность населения,
- S_t – общая площадь жилой застройки,
- S_s – полная площадь пространства улиц,
- S_h – средняя площадь одного жилого дома,
- P_h – средний размер семьи, проживающей в одном доме.

При этом, по его наблюдениям, в античных городах Северного Причерноморья размерами от 15 до 75 га, площадь застройки составляет приблизительно 60%, а площадь пространств улиц – 16 % от общей площади. Средний размер дома равнялся 150-200 кв. м. Состав семьи (включая рабов) насчитывал от 7 до 11 чел (в среднем 9 чел). При соответствующих подстановках уравнение упрощается и принимает следующий вид: $P_t = 226 S_t$ [7, с. 63].

Применяя, эту формулу к некоторым городам Боспора, мы можем констатировать следующее:

- территория Пантикапея в рассматриваемое время составляла приблизительно 100 га [8, с. 244], следовательно, население насчитывало приблизительно 22600 чел (2510 семей);

- Фанагория – 65 га, население – 14690 чел (1632 семьи);
- Горгиппия – 40 га [9, с. 83], население – 9040 чел (1004 семьи),
- Кепы – 20-25 га, население – 4520-5650 чел (502-628 семей);
- Нимфей - 9 га [10, с. 10], население - 2034 чел (226 семей).

На наш, взгляд представленные цифры характеризуют, в большей степени, не усредненные данные, а скорее минимум населения, проживавшего в городах. В большинстве же случаев исследователи склонны завышать численность городского населения на 30-40%. В.Н. Зинько количество жителей Нимфея оценивал в пределах от

1575 до 6300 чел, но в своих построениях он учитывал усредненные данные - 2880-3600 чел [11, с. 284].

Население хоры городов Боспора рассматриваемого времени, в большинстве своем, трудно поддается реконструкции. Это связано с невозможностью применения тех же принципов расчета плотности населения, что и в отношении городов, слабой исследованностью поселенческой структуры сельской округи большинства полисов. Но некоторые соображения по представленному вопросу мы себе позволим высказать. Предложенная А.А. Масленниковым цифра в 100 и более человек, населявших в рассматриваемый период Зенонов Херсонес [12, с. 347] (10-20 семей), на наш взгляд, соответствует крупным аграрным поселениям. В средних поселениях проживало от 3 до 5 семей [11, с. 284] (30-50 чел), в ойкосах, соответственно, 1 семья (7-11 чел). Исходя из представленных цифр, В.Н. Зинько пришел к выводу, что население сельской округи Нимфея насчитывало 1270-1550 чел. [11, с. 284], что составляет около 50% от количества городского населения.

Такое же соотношение городских и сельских жителей, с небольшими отклонениями, как в меньшую, так и в большую сторону (40-60%), характерно и для других полисов Боспора. Учитывая все вышесказанное, можно прийти к следующим усредненным минимальным данным населения боспорских полисов во 2-й четв. IV – 1-й четв. III вв. до н.э.:

- Пантикапей – ок. 30000-35000 чел (3300-4000 семьи);
- Фанагория – ок. 20000-22000 (2200-2500 семьи);
- Горгиппия – ок. 15000 чел (1700 семей);
- Кепы - ок. 7000-8000 чел (770-890 семей);
- Нимфей – ок. 3000-3500 чел (330-340 семей).

Следующий показатель палеоэкономических построений – урожайность зерновых. В пределах рассматриваемого времени на территории хоры городов Боспора выращивались зерновые. С самого раннего этапа это были, прежде всего, мягкая голозерная пшеница и пленчатый ячмень; позднее, в рамках этого периода, пленчатая пшеница–двухзернянка, просо, рожь. Страбон указывал, что урожайность зерновых составляла для Северного Причерноморья «сам»-30 (Strab. VII. 4.6). Эта нереальная цифра ставит исследователей в тупик, поэтому, некоторые из них полагают, что это место у Страбона было испорченным и его следует понимать иначе. По расчетам В.Д. Блаватского, урожайность почв Северного Причерноморья (Боспора в том числе) для пшеницы равнялась «сам»-6-7, для ячменя «сам»-5 [2, с. 159]. Эти цифры были приняты И.Т. Кругликовой [13, с. 162]. В.А. Кутайсов, на основе анализа урожайности XIX - нач. XX вв., также подтверждает возможность урожайности зерновых, указанной В.Д. Блаватским, но указывает, что, возможно, из за непостоянства природных условий, она могла быть и несколько ниже - «сам»-4-5 [14, с. 258]. Совсем уж завышенными нам кажутся цифры, превышающие среднюю урожайность в 10 ц/га. Например, Я.М. Паромов, для азиатского Боспора в античный период, урожайность зерновых оценивает примерно в 12 ц/га [3, с. 60-61]; С.Ф. Стржелецкий для хоры Херсонеса – 16 ц/га [15, с. 83]. Возможно, урожайность зерновых достигала указанных показателей, но это было эпизодическим явлением. На наш взгляд, данные В.Д. Блаватского заслуживают большего доверия, но представленная им позиция требует уточнения; необходимо учитывать мозаичность земель как Керченского, так и Таманского полуостровов. Следовательно, эти усредненные данные в будущем должны быть подвергнуты корректировке в отношении конкретных земель Боспора.

Потребность в зерновых на 1 человека в год в античном мире составляла от 200 до 300 кг. Причем, В.Н. Зинько в палеоэкономическом моделировании оперирует цифрой в 237 кг [11, с. 285], а В.А. Кутайсов – 306 кг [16, с. 135].

Возьмем несколько усредненные данные количества зерна, необходимого для пропитания, из расчета на 1 чел в год - 275 кг. Если перемножить этот показатель и количество населения городов Боспора и их хоры, то получим цифровое выражение зерновых, необходимых для обеспечения населения за год. Для пропитания населения зерновыми, необходимо было выращивать:

- для Пантикапея ок. 82500 т. – 96250 т.;
- Фанагории – 5500 т. – 6050 т.;
- Горгиппии – 4125 т.;
- Кеп – 1925 т. – 2200 т.;
- Нимфея – 825 т. – 962,5 т.

К приведенным цифрам необходимо добавить зерно, формирующее семенной запас (приблизительно 1/8 часть от урожая). Данные корректируются следующим образом:

- Пантикапей – 92812,5 т. – 108281,25 т.;
- Фанагория – 6187,5 т. – 6806,25 т.;
- Горгиппия – 4640,63 т.;
- Кепы – 2165,625 т. – 2475 т.;
- Нимфей – 928,125 т. – 1082,81 т.

Для получения данных о размерах сельскохозяйственных угодий, необходимых для выращивания представленного количества зерновых, необходимо разделить количество зерновых на среднюю урожайность с гектара (7 ц/га) и умножить на два (учитывая паровую систему землепользования [17, с. 95]). Следовательно, для обеспечения необходимым количеством зерновых населения боспорских городов и их округи, под зерновые культуры должно было быть заложено не менее:

- на хоре Пантикапея - 265178,6 га – 309195 га;
- Фанагории – 17678,6 га – 19446,4 га.;
- Горгиппии – 13258,9 га;
- Кеп – 6187,5 га – 771,4 га;
- Нимфея – 2651,8 га – 393,7 га.

Таким образом, сопоставляя данные с приблизительными размерами хоры в данный период, мы можем констатировать, что 1/3 хоры могла обеспечить зерновыми все население полиса. Если же население было несколько больше приведенных цифр, что вполне вероятно, то для обеспечения минимума зерновых необходима была половина пригодных для возделывания земель. Остальные земли использовались для выращивания огородных культур, винограда и фруктов, а также в качестве пастбищ.

Развитый уровень огородничества, виноградарства и садоводства на сельской округе городов рассматриваемого периода подтверждается письменными, археологическими и специальными палеогеографическими исследованиями. Например, Страбон сообщает о выращивании винограда на Боспоре [18, с. 84]. По сообщению Феофраста, в указанном регионе росли смоковницы, гранаты, яблоки и груши, причем в больших количествах (Theophr. IV. 14.13). Археологически установлено, что древние греки на территории Боспора выращивали коноплю, бобы и горох [13, с. 33], причем, используя, видимо, местный посевной материал, что являлось характерной чертой хозяйства античных городов Северного Причерноморья [19, с. 34]. В ходе палинологического анализа материалов, взятых из культурного слоя верхнего плато Фанагорийского городища, Ю.В. Горлов, М.Д. Кайтамба, А.В. Поротов пришли к выводу, что периоду IV-III вв. до н.э. соответствует более разнообразный состав всех видов растительности, включая плодовые деревья, кустарники и виноград, в то время как наблюдается сокращение содержания хлебных злаков до 1,5% [20, с. 99].

Размеры земель, предназначенных для выпаса скота, могли достигать существенных значений. Как показали исследования А.В. Одрина в отношении хоры Ольвии, ученые не должны недооценивать роль скотоводства на землях античных городов Северного Причерноморья классического и раннеэллинистического периода [21, с. 17-18].

Учитывая вышеприведенные данные и различные палеоэкономические модели, введенные в отношении хоры городов Боспора, можно констатировать, что излишек зерна, который мог поступать в продажу на внешний рынок с хоры городов Боспора, был ограниченным. К этому еще следует добавить, что идеология полиса в экономике сводилась к простому воспроизводству, а не к товарному производству. Таким образом, зерно для торговли с Афинами поступало к Боспорским правителям преимущественно не с городской, а

с царской хоры и общинно-варварских территорий, входивших в состав Боспорского царства [22, с. 55].

В заключение хотелось бы отметить, что данное исследование носит предварительный характер и не претендует на исчерпывающие выводы, поэтому, при последующей разработке данных вопросов, возможна корректировка некоторых показателей.

Источники и литература:

1. КБН №1-5; IG II² 212. 20; Syll.³ 370. 23.
2. Блаватский В.Д. Земледелие в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1953.
3. Паромов Я.М. К вопросу о хозяйственном и экономическом потенциале Азиатского Боспора в эллинистический период // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М.И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989. С. 60-61.
4. Крыжицкий С.Д., Щеглов О.М. Про зерновий потенціал античних держав Північного Причорномор'я // Археологія. 1991. №1.
5. Кузнецов В.Д. Афины и Боспор: хлебная торговля // Российская археология. 2000. №1.
6. Крыжицкий С.Д. К вопросу об определении количества населения в греческом эллинистическом городе // Материалы III Всесоюзного симпозиума по древней истории Причерноморья. Тбилиси, 1982. С. 47-48.
7. Колесников М.А. Метод грубой оценки динамики роста численности населения и возраста греческой колонии по полной площади городища // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2001. С. 63.
8. Толстиков В.П. Акрополь Пантикапея – столицы Боспора Киммерийского. Итоги изучения за 60 лет // Античный мир и варвары на юге России и Украины: Ольвия. Скифия. Боспор. Запорожье: Дикое Поле, 2007.
9. Алексеева Е.М. Античный город Горгиппия. М., 1997.
10. Худяк М.М. Из истории Нимфея VI-II вв. до н.э. Л., 1962.
11. Зинько В.Н. Хора городов европейского побережья Боспора Киммерийского (VI-I вв. до н.э.) // Боспорские исследования. 2007. Вып. XV.
12. Масленников А.А. Сельские святилища Европейского Боспора. Тула, 2007.
13. Кругликова И.Т. Сельское хозяйство Боспора. М., 1975.
14. Кутайсов В.А. Об урожайности основных зерновых культур в Северном Причерноморье // Боспорский феномен. Ч. 2. СПб., 2001.
15. Стржелецкий С.Ф. Клery Херсонеса Таврического. К истории древнего земледелия в Крыму // Херсонесский сборник. 1961. Вып.6.
16. Кутайсов В.А. Палеоэкономическая модель развития хоры классического полиса Северного Причерноморья (на примере Керкинитиды) // Проблемы истории, филологии, культуры (ПИФК). Вып. X. М.-Магнитогорск, 2000.
17. Кутайсов В.А. Проблемы аграрной истории Северного Причерноморья // Греки и варвары на Боспоре Киммерийском. VII – I вв. до н.э. СПб., 2006.
18. Виноградов Ю.А. Природный фактор в развитии Боспора в скифскую эпоху (VI-IV вв. до н.э.) // Вестник древней истории (ВДИ). 1996. №3.
19. Николаенко Г.М., Янушевич З.В. Культурные растения из раскопок сельской округи Херсонеса // Краткие сообщения Института археологии (КСИА). Вып. 168. М., 1981.
20. Горлов Ю.В., Кайтамба М.Д., Поротов А.В. Палеоэкологический фактор в социально-экономическом развитии Боспора Киммерийского // Боспорский феномен. СПб., 2005.
21. Одрін О.В. Ресурсний потенціал та структура господарської діяльності античних держав Північного Причорномор'я у V-III ст. до н.е. / Автореф. на соиск. ... канд. ист. наук. Київ, 2007.
22. Одрин А.В. Земельные ресурсы и зерновое хозяйство Боспора VI-IV вв. до н.э. // Боспорский феномен Ч.1. СПб., 2004.

АНТИЧНЫЙ ВИНОДЕЛЬЧЕСКИЙ КОМПЛЕКС В СЕВЕРО-ВОСТОЧНОМ РАЙОНЕ ХЕРСОНЕСА

УШАКОВ С.В., СТРУКОВА Е.В.

**Крымский филиал Института археологии НАН Украины
Национальный заповедник Херсонес Таврический (Севастополь)**

Памятники античного периода плохо сохранились в Херсонесе: они были почти полностью уничтожены при перестройках средневекового времени. Этим объясняется отсутствие целостного представления о характере застройки Херсонеса в эллинистический и римский периоды его жизни. Мы можем фиксировать лишь отдельные дошедшие до нас объекты.

Один такой производственный (винодельческий) комплекс обнаружен и исследован в Северо-восточном районе Херсонеса (квартал ХС VII¹) (рис. 1) во время полевых сезонов последнего десятилетия.

В 2000 году в скальных вырубках (глубиной 0,9 – 1 м), непосредственно под нижними рядами средневековых кладок помещения № 5, в основании его северо-западной стены, были обнаружены поставленные на ребро и уложенные плашмя крупные известняковые плиты, образующие два прямоугольных резервуара, с внутренними размерами 1,20 на 0,9 м каждый, глубиной 0,65 – 0,70 м [9] (См.: рис. 2; 3, 1-4). Грунт заполнения ванн (цистерн № 1 и № 2, по терминологии отчетов о раскопках) был плотным глинистым, с незначительным содержанием керамики и кусков белой двухслойной (возможно, потолочной?) штукатурки. Западный отрезок средневековой стены опирался на кладку античного времени, сложенную из тщательно отёсанных квадров. В этом месте античная кладка замыкала продольную сторону каменного резервуара. Внутренняя поверхность каменных ванн и стыки между составившими их плитами были покрыты ровным слоем розовой цемьянки (7,5 YR 7/3 “pink”).

К какому времени можно отнести эти ванны? Находки из заполнения цистерн (мелкие обломки керамики позднеантичного и раннесредневекового времени в переотложенном грунте) не давали возможности сказать что-либо определенное. Однако один хронологический репер все же был обнаружен. Это плоскодонный-mortарий из светлой глины с широкой отогнутой закраиной с налипными «ручками» и сливным носиком (рис. 4, 1), использованный в конструкции одного из резервуаров в качестве отстойника. Для этого при устройстве винодельни в положенной на скальную постель известняковой плите было выбито специальное углубление, а затем в подготовленную выемку поместили mortарий, жестко закрепив его на том же цемьянковом растворе, который применялся в обмазке стенок резервуаров. О применении керамических сосудов «для отстоя осадков из виноградного сока» в конструкциях виноделен упоминает Г.Д. Белов [1, с. 231]. Первоначально mortарий был датирован в пределах II-III вв. н.э. [12, с. 105], что и послужило основой для датировки М.И. Золотаревым всей винодельни. Однако, при более внимательном рассмотрении найденного mortария, не осталось сомнений, что этот сосуд относится к эллинистическому времени. В качестве аналогий можно упомянуть mortарии различной формы [16, fig. 13, 3-26]; некоторые из них по морфологии близки нашему. Они найдены, например, в заполнении квадратной в плане цистерны, обнаруженной в ходе раскопок в этом же квартале. Как показали материалы заполнения, цистерна засыпана в период от конца первой четверти до середины III в. до н. э. [16, p. 198].

В 2001 году в северном углу соседнего с винодельческими цистернами помещения (№ 4) была обнаружена еще одна небольшая (с внутренними размерами 1.30x1.00 м) вырубленная в скале открытая цистерна прямоугольной формы (рис. 2). Ее стены и пол также выложены аккуратно вытесанными и тщательно подогнанными между собой тонкими известняковыми прямоугольными плитами толщиной 16-20 см. По конструкции и размерам резер-

¹ Этот квартал исследовался в течение десятка полевых сезонов (с перерывами) с 1991 по 2005 гг.

вуар практически ничем не отличался от цистерн, найденных здесь же годом ранее. При подготовке Отчета о раскопках 2001 года был сделан вывод, что под бутовыми фундаментами средневековых кладок помещений 4 и 5 располагался винодельческий комплекс первых веков н.э., к которому принадлежали открытые цистерны. Эти три небольших аккуратно выполненных прямоугольных емкости были, по всей видимости, приемниками для виноградного сока, получаемого при давлении винограда в технологическом процессе изготовления вина [10]. В цистерне № 3 найден разнообразный археологический материал, в том числе – керамика как античного (гончарный кувшин с округлым туловом, плоской ручкой и носиком) (рис. 4, 2), так и раннесредневекового времени, попавшая туда при разрушении комплекса. В процессе раскопок отмечено, что один из суслоприемников позднеантичной винодельни был засыпан мощным слоем (до 20 см), состоящим исключительно из створок съедобных моллюсков – мидий. Время образования этого слоя предположительно определялось как V – первая половина VI в. н.э.

К элементам конструкции античной винодельни тогда же предположительно были отнесены следующие объекты:

1. Круглая глубокая (до 0,30 м) выемка в центре помещения № 5 (рис. 3, 1), возможно, служившая для установки вертикальной стойки рычажного пресса.

2. Два известняковых блока с искусственными «проушинами» (рис. 5, 3, 4), найденные при расчистке каменного завала и, скорее всего, служившие грузами-«гирями» упомянутого пресса.

3. Две известняковые плиты (рис. 5, 1, 2), аналогичные плитам-стенкам резервуаров, примененным для перекрытия водостока в помещении № 9.

4. Известняковый блок с выдолбленным в нём прямоугольным «корытом» и сливом-жёлобом, возможно, служивший переносным тарапаном [3, с. 376, рис. 19; с. 455, рис. 91].

При зачистке материковой скалы во внутриквартальном дворе и прилегающих помещениях (например, под кладками стен пом. № 15) обнаружены круглые углубления под пифосы. Только одно из них предназначалось для средневекового тарного сосуда, обломки которого сохранились. Остальные углубления, несомненно, были связаны с самым ранним этапом застройки квартала. Располагались они правильными рядами (рис. 2; №№ ям 1-26, 28-31). Ни пифосы, ни их фрагменты в ямах не сохранились, но в некоторых из них были обнаружены мелкие обломки чернолаковой керамики и амфор. По всей видимости, ямы под пифосы синхронны самым ранним из обнаруженных в ХCVII квартале строительных остатков, то есть датируются второй-третьей четвертью IV в. до н.э., т.к. вокруг пифоссария найдены остатки стен, относящихся к этому времени. Во II в. н.э. здесь произошла коренная перепланировка, затронувшая, вероятно, весь квартал, и новые стены оказались построенными прямо на месте ям под пифосы (рис. 2; ямы 1-5, 15-18) [10, 11]. Может быть, тогда же, или чуть позже, была сооружена и большая водосборная цистерна в центральной части двора.

Функционирование комплекса М.И. Золотарев относил к позднеантичному времени. Свою точку зрения он мотивировал тем, что при зачистке заполнения средневекового подвала и скальных вырубов в пом. № 5 были обнаружены материалы V-VI вв. н.э. [7, с. 138]. Однако эти материалы найдены в мешаном слое – там присутствовали фрагменты керамики не только «римского», но и эллинистического времени. Кроме того, в позднеантичное время пифоссарий в полном объёме уже не мог существовать, т.к. по верху засыпанных ям прошли фундаменты стен. Поэтому, предложенная М.И. Золотаревым датировка нуждается в пересмотре.

В полевом сезоне 2003 года в материковой скале на месте помещения 10 и примыкающего к нему с востока помещения 15 были найдены и зачищены новые ямы, предназначавшиеся для размещения в них доньев пифосов (рис. 2; ямы 6-26). Кроме того, обнаружены две глубокие маленькие лунки, которые могли служить для установки столбов навеса над пифосами. (Похожая конструкция зафиксирована при раскопках так называемой «Казармы» в Портовом районе Херсонеса) [8, с. 3, рис. 2, 3, 4Б; 14]. Всего на месте средневековых помещений 10, 15 и 16 и при зачистке внутриквартального двора, под кладками стен, было обнаружено тридцать ям для установки пифосов. Ни в одной из них остатков пифосов

не сохранилось. Видимо, они были демонтированы еще в древности, и на этом месте во II-III вв. н.э. [11, с. 6, рис. 39] возвели стены, от которых до настоящего времени сохранилось 2-3 ряда кладки. Впоследствии, при перепланировке, эта часть квартала (помещение 10 и примыкающая часть двора) была засыпана слоем грунта, содержащего обломки керамики различного, но преимущественно позднеантичного времени (конца III-V вв.).

О времени устройства винодельни оказалось возможным судить по следующим находкам. В 2004 г., при работах в так называемом проулке, который соединял внутриквартальный двор с поперечной улицей, были сняты напластования культурного слоя средневекового времени. Под ними обнаружены два водостока, а под водостоками, почти в центре проулка, еще одна яма конусовидной формы, вырезанная в материковой скале. Напрашивалось предположение, что она также могла принадлежать пифоссарию. В заполнении этой ямы (грунт желтоватого цвета, характерный для слоев Херсонеса IV-III вв. до н.э.) найдены фрагменты керамики классического времени, причем, без какой-либо примеси более позднего материала. Поскольку такую ситуацию удалось зафиксировать только в одной из трех десятков ям под пифосы, эти находки потребовали подробного описания и интерпретации, что позволило скорректировать ранее предложенную историческую реконструкцию.

В заполнении ямы была найдена верхняя часть необычной амфоры (рис. 6, 1). Венчик ее в сечении – закругленной формы, горло высокое, цилиндрическое, достаточно резко переходящее в тулово. Высоко поставленные ручки – овальные в сечении. Глиняное тесто красное, хорошо отмученное, в нем присутствуют блестки слюды и, в качестве единичных включений, белые крупинки (возможно, извести). Несмотря на наличие слюды в глине, что характерно, скорее, для амфор Фасоса, по внешнему виду сосуд напоминает конические амфоры Хиоса с колпачковой ножкой варианта V-B по классификации С.Ю. Монахова [13, с. 20, табл. 12, 2]. Автор каталога-определителя греческих амфор в Причерноморье относит время бытования этого типа амфорной тары к 70-40 гг. IV в. до н.э. В заполнении ямы были также найдены нижний прилеп ручки греческой амфоры одного из островных центров (светлое тесто насыщено слюдой) с дипинто, обломки венчика, ручек амфор, центры происхождения которых определить не удалось, ножки гераклеийской амфоры (рис. 6, 2-6). Так как перечисленные амфорные находки представлены незначительными фрагментами, сложно точно определить их хронологическую принадлежность. Так, ножка гераклеийской амфоры имеет очень редкие для Причерноморья пропорции: среди всего массива гераклеийских амфор, представленных в каталоге-определителе С.Ю. Монахова, отыскать точную аналогию этой ножке не удалось. Наиболее близким образцом являются гераклеийские пифоидные амфоры (Тип 1, вариант I-1), которые датируются в Херсонесе временем не позднее 90-х годов IV в. до н.э. [Ср.: 13, с. 127, табл. 86, 2].

Оригинальна горизонтально отогнутая широкая закраина большого шаровидного сосуда, покрытая светло-коричневым лаком (рис. 6, 7). Точная аналогия этому сосуду пока не найдена, однако, он напоминает изделия ионийских центров, где такую посуду расписывали полосами темно-красного и светло-коричневого «лака» [См. напр.: 14, с. 4-14]. В яме также обнаружены закраины чернолаковых тарелочки и миски. Миска (рис. 6, 8) по форме закраины напоминает сосуды типа BOWL афинской Агоры (#782, 430-420 б.с.) [15]. Здесь же был небольшой фрагмент ионийского светильника открытого типа. Такие светильники (Тип Howland 19 variants) датируются последней четвертью VI в. до н.э. – 480 гг. до н. э. [4, с. 129-130, табл. 2, 8].

Датировка вышеупомянутого комплекса находок вызывает затруднения. Хиосская амфора, кроме указанных выше аналогий, напоминает также сосуды типа ботрос, которые С.Ю. Монахов датирует 20-10 гг. V в. до н. э. [13, табл. 9, 2]. Примерно к этому же времени может относиться и чернолаковая мисочка. С другой стороны, вышеназванная амфора может датироваться (как было сказано выше) и серединой IV в. до н.э. В любом случае, яма была засыпана не позднее этого времени.

Поскольку Херсонес был распланирован по гипподамовой системе во второй половине - конце IV в. до н.э. [2; 6, с. 32-33], вряд ли пифоссарий, описанный выше, мог быть устроен раньше этого времени, т.к. он точно «вписан» в регулярную систему застройки. С этим временем могут быть связаны находки закраин чернолаковых кувшина и «солонки» в од-

ной из ям под пифосы. Аналогичные сосуды из раскопок афинской Агоры датируются достаточно ранним временем [15, ## 201 (460 г.), 230 (430 г.), 939 (500-480)].

Однако находки из последней пифосной ямы датируется временем, по крайней мере, на полстолетия раньше второй половины-конца IV в. до н.э. Трудно предполагать, что в то время (до начала городской планировки Херсонеса) уже существовал пифоссарий со всеми его ямами. Яма с ранним материалом могла и не относиться к винодельне. В таком случае ее засыпали перед тем, как был устроен пифоссарий и, соответственно, весь винодельческий комплекс. Среди находок, связанных с виноделием, необходимо отметить также редкой красоты фрагментированную терракотовую протому Диониса (сохранилась нижняя часть головы божества с бородой в виде виноградной кисти) (пом. 10, слой 5) (рис. 7) и крупный фрагмент театральной маски (пом. 12), также изображающей Диониса, но совсем еще молодого и безбородого (материал готовится к публикации).

Таким образом, можно предположить, что пифоссарий был сооружен около середины IV в. до н.э. Он активно функционировал, как часть винодельческого комплекса, до II – начала III вв. н.э. Тогда же мог быть произведен капитальный ремонт винодельни с использованием розовой цемьянки. Окончательно комплекс (работавший уже в урезанном виде) прекратил существование не позже середины-конца V в. н.э. Затем пифосы были убраны, место застроено, а площадь помещений засыпана. Таким образом, винодельня в Северо-восточном районе Херсонеса была крупным промышленным комплексом, существовавшим на протяжении нескольких столетий. В перестроенном и сокращенном виде она, вероятно, действовала и в первые века н. э. Раскопки винодельни дали представительные материалы, которые позволяют реконструировать внешний вид всего комплекса (рис. 8).

Источники и литература:

1. Белов Г. Д. Херсонесские винодельни // ВДИ. 1952. № 2.
2. Буйских А.В., Золотарев М.И. Градостроительный план Херсонеса Таврического // ВДИ. 2001. № 1.
3. Гайдукевич В.Ф. Виноделие на Боспоре // Боспорские города. II. (МИА № 85). М.-Л., 1958.
4. Журавлев Д.В., Золотарев М.И., Кобзева А.А. Светильники из Северо-восточного района Херсонеса: поднеархаическое, классическое и эллинистическое время // ХСб. 2005. Вып. XIV.
5. Золотарев М.И. Херсонесская архаика. Севастополь, 1993.
6. Золотарев М.И. Ранние этапы градостроительства в Херсонесе Таврическом // ХСб. 1998. Вып. IX.
7. Золотарев М.И. Организация виноделия в позднеантичном Херсонесе // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной научной конференции. Ч. 2. СПб. 2004.
8. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Портовом районе Херсонеса в 1996 году (здание т.н. «Казармы») // Архив НЗХТ. Д. 3336.
9. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2000 г. // Архив НЗХТ. Д. 3482.
10. Золотарев М.И., Коробков Д.Ю., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2001 г. // Архив НЗХТ. Д. 3505.
11. Золотарев М.И., Ушаков С.В. Отчет о раскопках в Северо-восточном районе Херсонеса в 2002 г. // Архив НЗХТ. Д. 3568.
12. Крапивина В.В. Ольвия: Материальная культура I–IV вв. н. э. К., 1993.
13. Монахов С.Ю. Греческие амфоры в Причерноморье. Типология амфор ведущих центров-экспортеров товаров в керамической таре: Каталог-определитель. Москва; Саратов, 2003.
14. Ушаков С.В., Струкова Е.В. Эллинистический пифоссарий из раскопок «Казармы» (в печати).
15. Sparkes B.A., Talkott L. Black and Pottery // The Athenian Agora. Vol. XII. Part 2. Princeton, New-Jersey, 1970. Sparkes, Talkott, 1970.
16. Zolotarev M.I. A Hellenistic Ceramic Deposit from the North-eastern Sector of Chersonesos // Chronologies of the Black Sea Area in the period c. 400 – 100 BC., 2005.

Сокращения:

ВДИ – Вестник древней истории

МИА – Материалы и исследования по археологии СССР

НЗХТ – Национальный заповедник «Херсонес Таврический»

ХСб. – Херсонесский сборник, Севастополь.

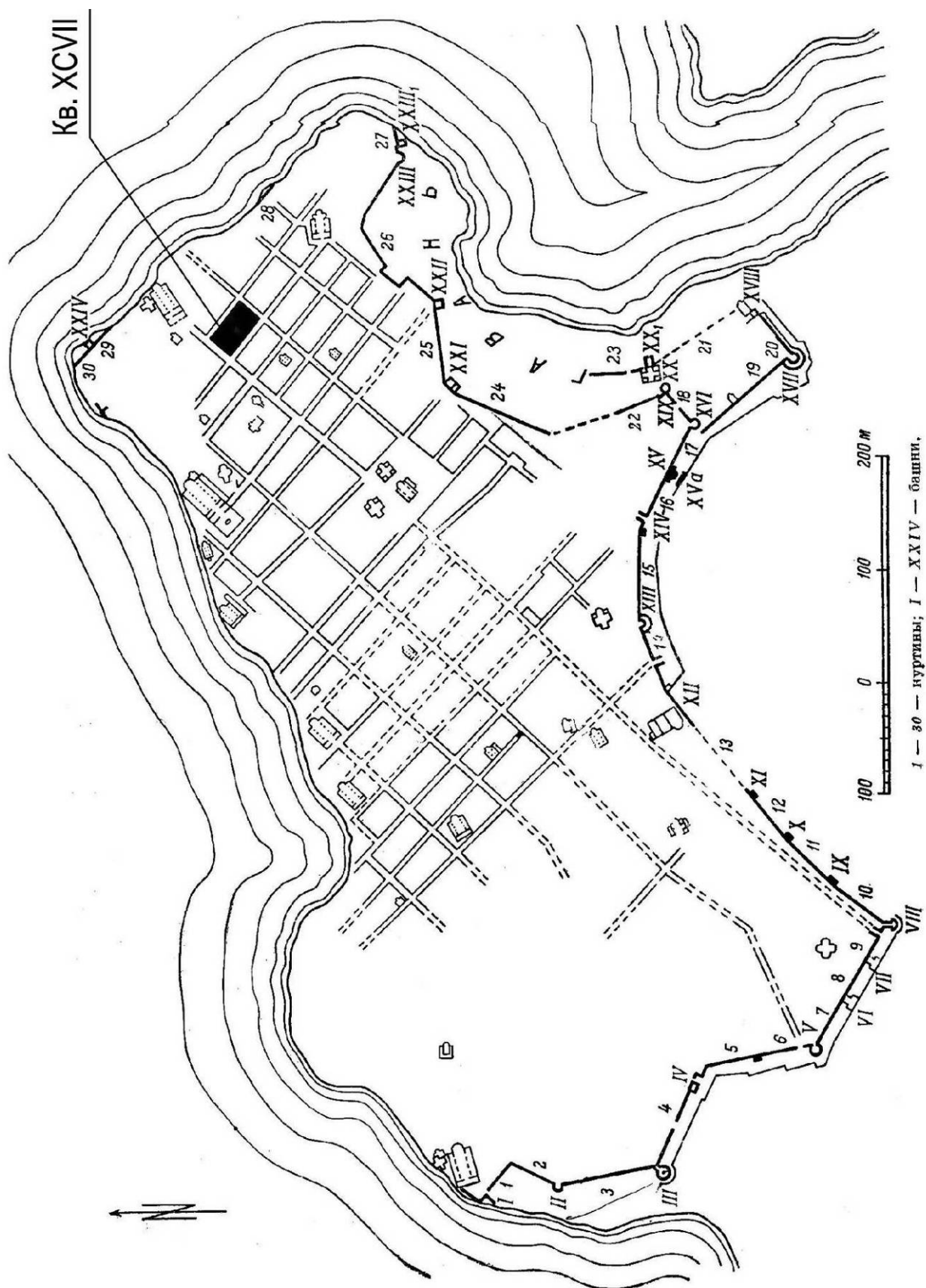


Рис. 1. Схематический план Херсонеса с указанием XCVII квартала.

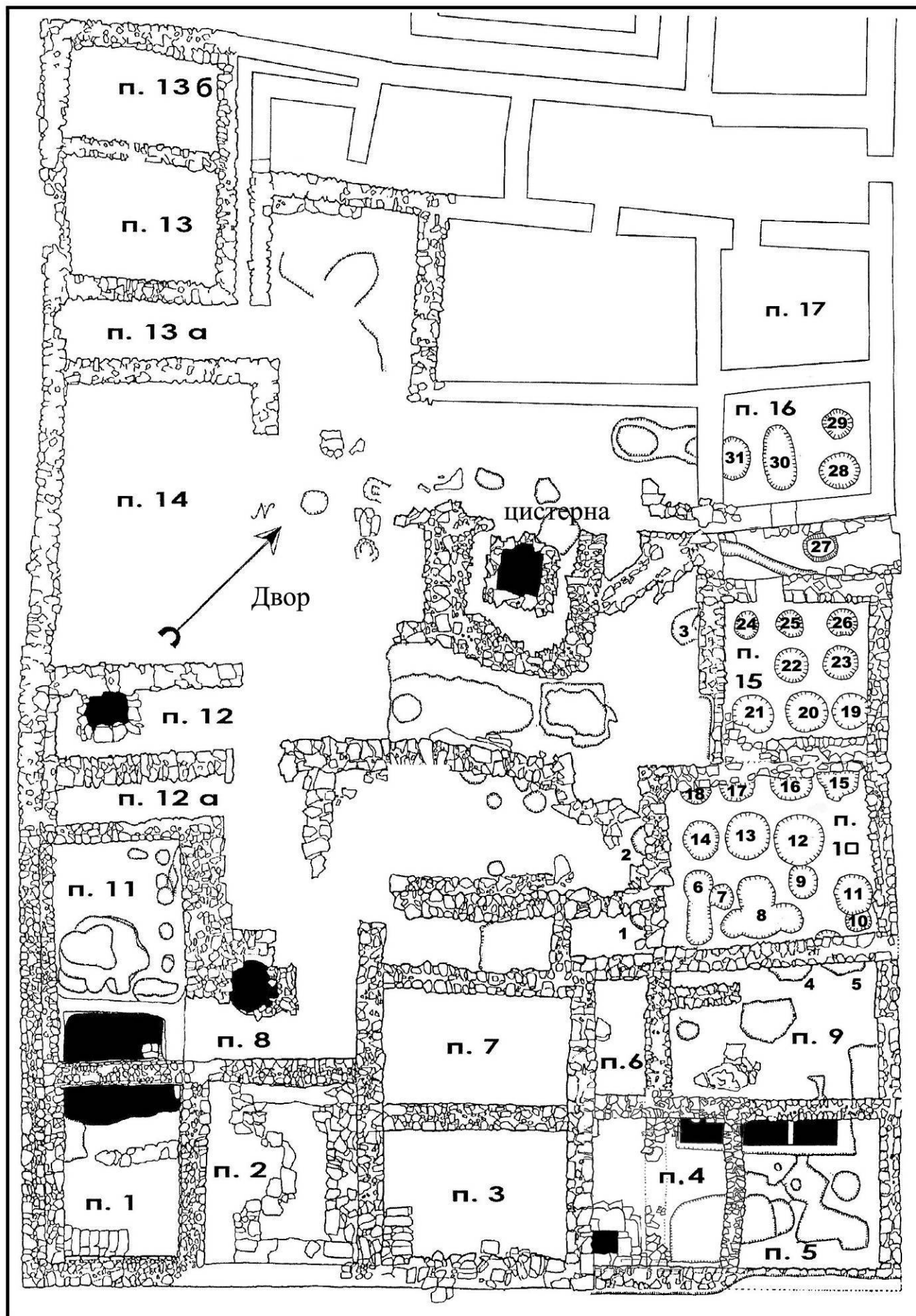


Рис. 2. Квартал ХСVII. Генеральный план раскопок.

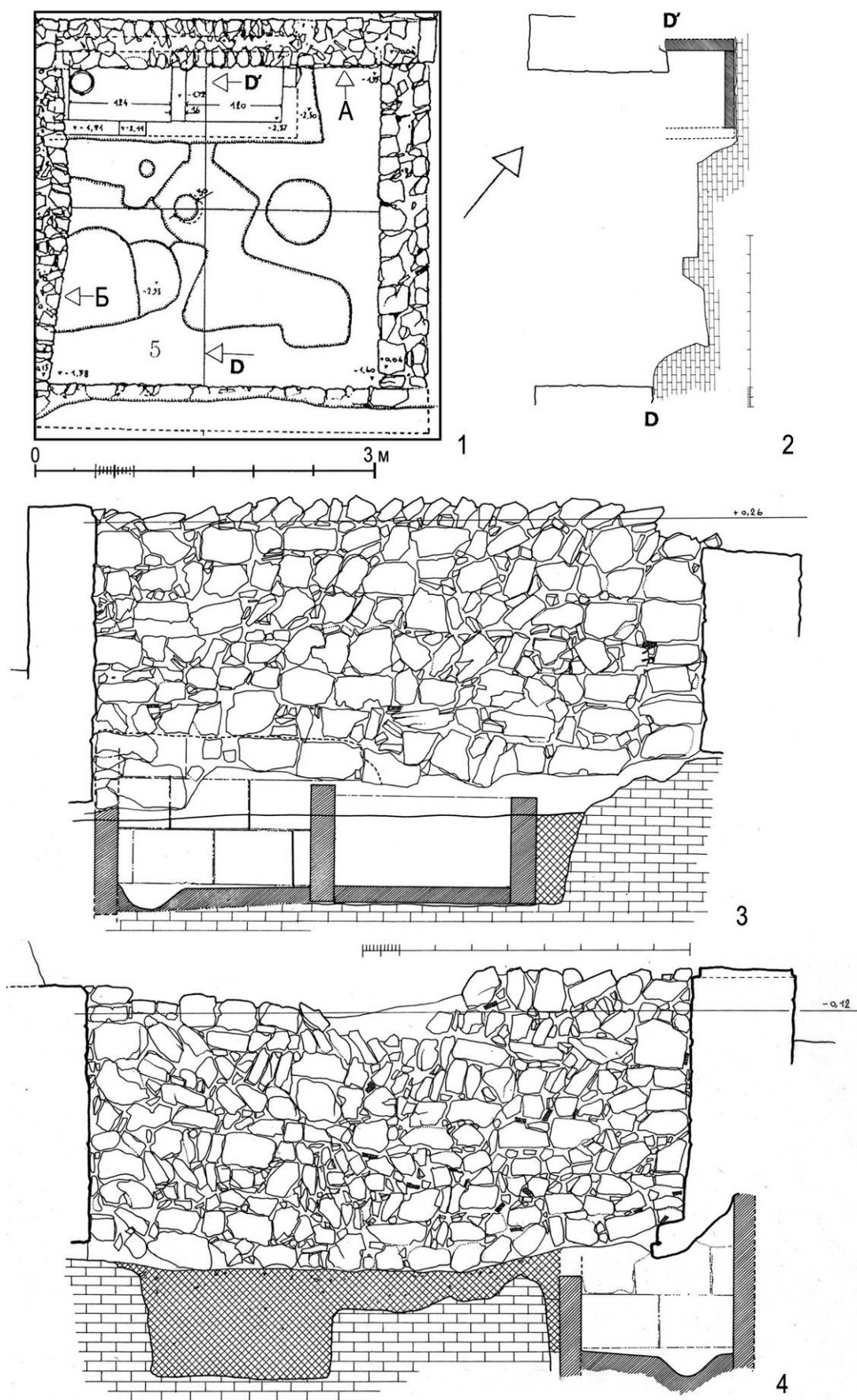


Рис. 3. Помещение 5 в XCVII квартале.
1 – план; 2, 3 – разрезы по линиям А, D, совмещенные с фасировками стен.

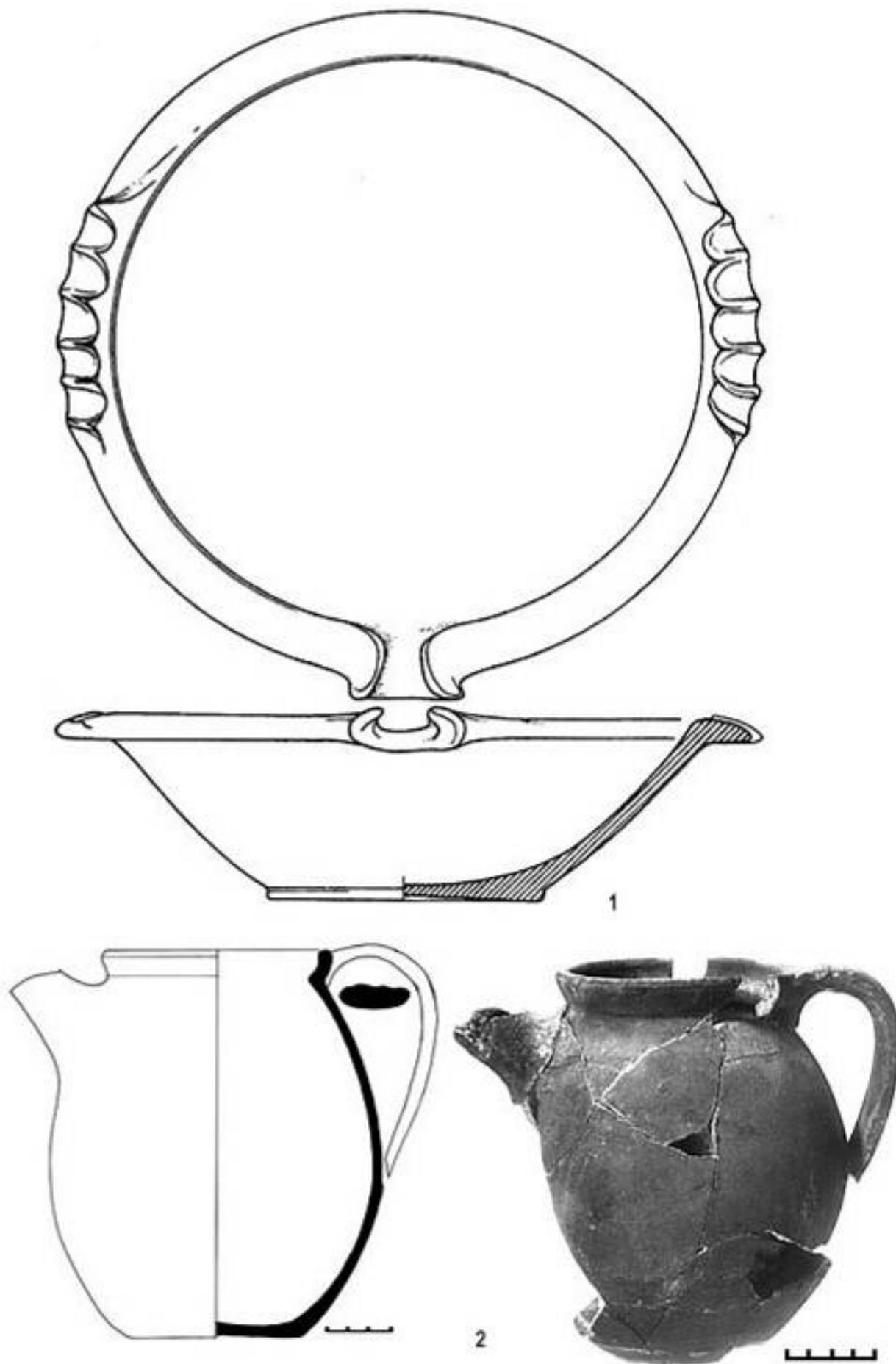


Рис. 4. Находки в цистернах. 1 – мортарий; 2 – кухонных гончарный кувшин.

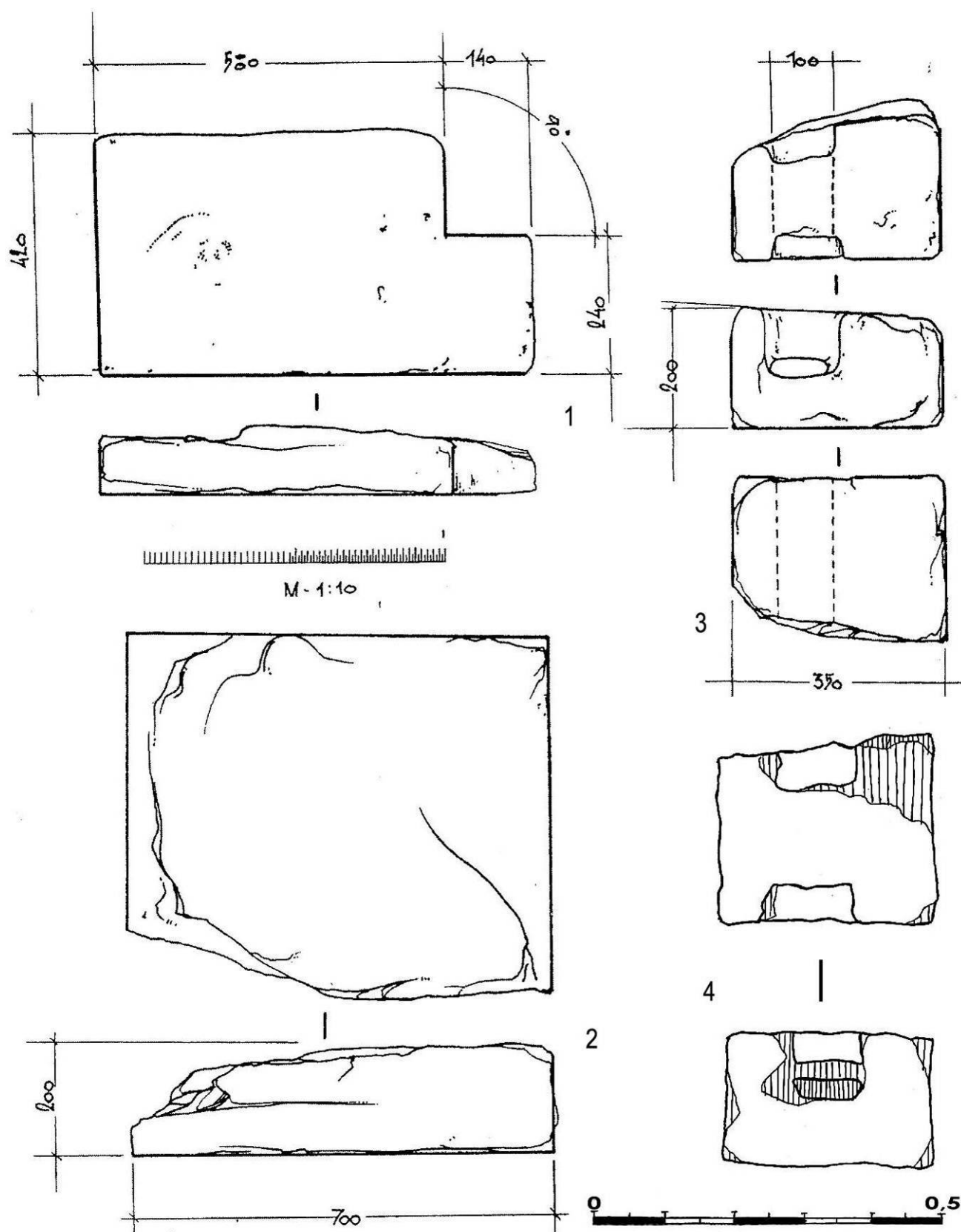


Рис. 5. Предметы из известняка, найденные при раскопках.

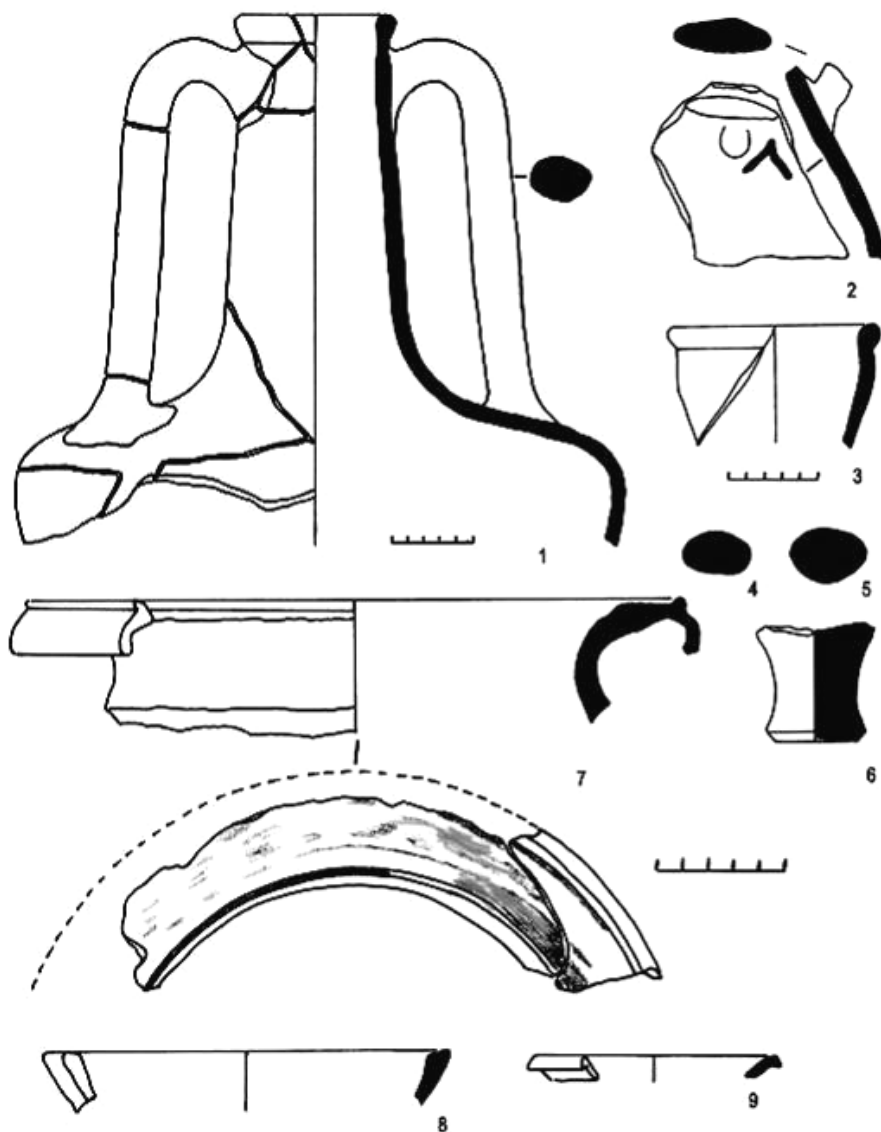


Рис. 6. Находки из пифосной ямы в проулке.

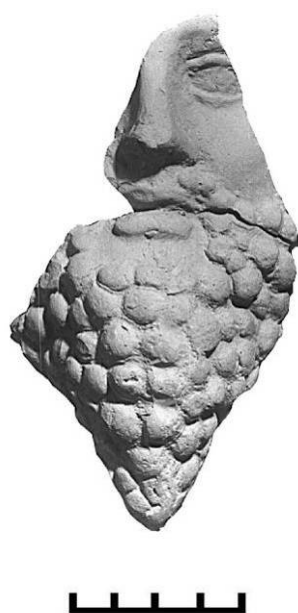


Рис. 7. Протома Диониса.

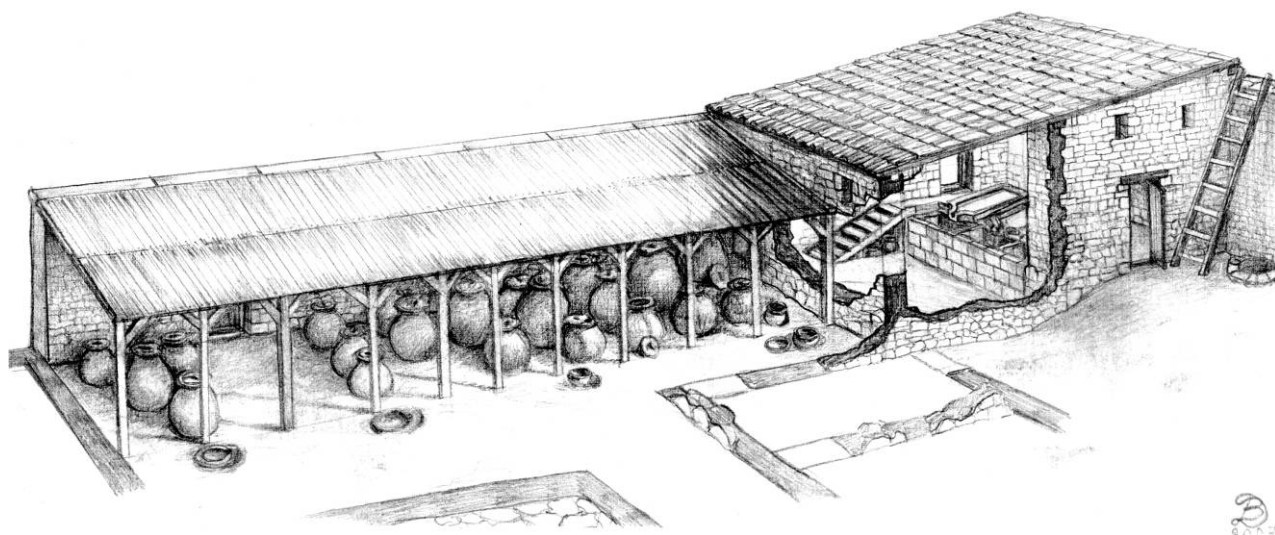


Рис. 8. Винодельня в XCVII квартале. Реконструкция и рис. В.В. Дорошко.

ЭТНИЧЕСКИЕ ПРОЦЕССЫ В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ ЭПОХИ ВЕЛИКОГО ПЕРЕСЕЛЕНИЯ НАРОДОВ (О ПРОБЛЕМАХ МЕТОДОЛОГИИ, СОПОСТАВИТЕЛЬНОМ АНАЛИЗЕ ИСТОЧНИКОВ И НЕКОТОРЫХ ИТОГАХ ИССЛЕДОВАНИЙ)

Ушаков С.В.

Крымский филиал Института археологии НАН Украины,
Филиал МГУ в г. Севастополе

В 80-90 гг. XX в. в отечественной исторической науке наблюдался резкий рост интереса исследователей к проблемам этнической истории Крыма [4; 73, с. 40-44]. Сказанное особенно касается эпохи Великого переселения народов и «готского вопроса» [42, с. 11-34; 37, с. 100 и след.; там же см. историографию вопроса]. Здесь особенно важны два ключевых момента – особенности методических (и методологических) приемов и источниковедческая база исследований. Именно они рассматриваются в настоящей статье на примере памятников юго-западной части полуострова.

Если подводить историографические итоги проблематике в целом, то необходимо отметить, что в эти годы произошел своеобразный возврат (на новом источниковедческом уровне) к старой еще идее о гото-аланской принадлежности основных памятников Юго-Западного Крыма III-VII вв. Была вновь признана роль миграций готов, аланов и гуннов в изменении этнического состава Крыма и возобладал комплексный подход к проблеме с использованием всех доступных источников. В итоге сложилась, в основных своих чертах, современная концепция (концепции) этнической истории Крыма в эпоху Великого переселения народов, которая нашла свое отражение в работах А.Л. Якобсона, Е.В. Веймарна, А.К. Амброза, А.И. Айбабина, И.С. Пиоро [57]. Эти концепции развивались и видоизменялись, что требует сейчас верификации (проверки) и обобщения всех имеющихся данных, чтобы создать цельную и сбалансированную картину взаимодействия всех этносов на конкретной территории в заданных хронологических рамках. Такая работа должна исходить из следующих основополагающих подходов (принципов). Для ясности и четкости обозначим их цифрами.

1. Целью исследования должна стать реконструкция этнической ситуации как обобщение всего накопленного эмпирического материала – создание так называемого имитативной модели [74, с. 6].

2. Эта ситуация представляет собой не что иное, как *систему* взаимодействующих этносов разного происхождения и характера: позднеантичное население (греки, римляне) и варвары; местное население (автохтонное) и пришлое; оседлое и кочевники.

3. Комплексный подход к источникам должен заключаться не просто в декларировании его, а в неуклонном и строгом проведении этого принципа. Основная триада используемых источников – письменные, археологические и антропологические. На первом этапе работы должен следовать отдельный анализ их данных; на втором этапе – синтез (сопоставление) полученных результатов [19].

4. При рассмотрении письменных источников [33, 35, 44, 45] необходимо уделить внимание этнической структуре варварских союзов [16, 17, 18], участвовавших в морских и сухопутных походах в бассейне Черного моря [67], времени и путям их проникновения в Юго-Западный Крым, а также информации об этническом составе местного населения.

5. При изучении археологических материалов основное внимание должно быть уделено анализу этнически значимых признаков: погребальных сооружений, погребального обряда и инвентаря (прежде всего лепной керамики) [59, 60]. Поскольку погребения в настоящее время чаще всего датируются с точностью примерно до 50-и лет [см. например: 1, 2, 3], данные археологии, возможно (как первый этап), рассматривать по хронологическим

"срезам" через каждые полстолетия - точность кажется вполне удовлетворительной с точки зрения этногенетического исследования; она позволяет проследить основные тенденции этнической истории. Возможно и специальное исследование хронологии погребальных памятников.

6. Антропологические данные (после соответствующего отбора и специального анализа) [5, 6, 7; 29] также обязательно используются для реконструкции этнических процессов в юго-западной части полуострова.

7. Все перечисленные выше материалы для удобства сопоставления могут быть представлены в форме текстовых и графических таблиц, а также карт.

8. Изложение выводов (собственно реконструкция этнической ситуации) можно будет сделать только после сопоставления данных всех видов источников, информационный потенциал которых различен (рис. 1); особое внимание при этом необходимо уделить характеристике этнических процессов [15]. Это позволит сделать вывод о репрезентативности источников и о степени достоверности реконструированной картины.

Эти высказанные принципы исходят из следующего. Как показал историографический анализ, наиболее перспективным подходом в целом к исследованию этнического состава населения и этнических процессов является именно комплексный подход с использованием информации всех основных видов источников. При этом главное в этом анализе – оперирование итогами их изучения [23, с. 8-9; 24, с. 73]. А это, в свою очередь, предполагает необходимую "доработку" источников, с целью создания необходимых условий для их адекватного сравнения. Рассмотрение массива этнологической литературы позволило выделить и необходимые пути анализа материалов и реконструкции ситуации, а сопоставление этих рекомендаций с возможностями конкретных источников - скорректировать направление исследования. При этом становится абсолютно ясным, что необходимо использовать источники этнически информативные, значимые, исключив те, которые необходимых данных не содержат (например, языковые, в том числе и топонимические, археологические материалы о поселениях и т.п.). Первые два этапа исследования, таким образом, должны заключаться в следующем.

I. Анализ историографии вопроса по двум основным направлениям.

1. Источниковедческая база (опора на данные письменных, антропологических, археологических источников как на их комплекс).

2. Методика историко-генетических выводов.

II. Разбор этнологической литературы (рассмотрение существующих методов и схем анализа данных).

1. В исторической этнографии.

2. В исторической (этнической) антропологии.

3. В археологии.

Следующим этапом работы должен стать:

III. Отбор материалов по этнически значимым категориям.

1. Данные письменных источников.

2. Выводы антропологов.

3. Материалы археологии.

Главнейшие из этих материалов - археологические данные, а среди них - погребальный обряд в широком смысле слова, основные элементы которого: а) погребальные сооружения, б) элементы погребального инвентаря (керамика, особенно лепная, отдельные виды принадлежности костюма - фибулы, пряжки и пр.)

Все эти материалы возможно использовать только в датированных комплексах при представлении их по хронологическим срезам в сопоставимом (табличном) виде. Представленные таким же образом новые материалы будут дополнять и уточнять выводы, которые могут измениться в том случае, если эти материалы приобретут "критическую массу". При такой схеме исследования достигается полная проверяемость (верификация) выводов и реконструкция этнических процессов на основе первоначально анализа всех видов источников и затем их сопоставления (синтеза).

Таким образом, двигаясь далее и кратко резюмируя сведения древних авторов, нужно отметить следующее: готы - народ северного происхождения - в результате массового переселения (расселения) продвинулся от берегов Балтики до Северного Причерноморья [16; 77, с. 9 и след., там же обширная историография]. Воинственные готы включили в свой союз как германские (гепиды, бораны, руги) [16], так и сарматские (аланы) и другие местные племена. Прямые упоминания в письменных источниках о разгроме ими поселений "поздних скифов" в Юго-Западном Крыму, как, впрочем, и переселении в горную часть полуострова или на южный берег готов и других "варваров", отсутствуют. Несомненным является лишь то, что во время сухопутных и морских грабительских походов на Империю (вторая треть III в). Крым ими уже был "освоен" и не представлял для них особого интереса - более привлекательными для грабежа казались богатые провинции Малой Азии и материковой Греции. Переселение началось, вероятно, немного позднее - с последней четверти III в. Вместе с готами и другими германцами в Крыму поселяются аланы, тяготея к степной восточной и юго-западной предгорной частям полуострова.

После гуннского вторжения (375 г.) степи оказались заняты новыми кочевниками [30; 31, с. 6] (тюрки и угры); оседлое население юго-западной предгорной и горной части полуострова продолжает там жить. Гунны окончательно утвердились в степях после их возвратного движения из Европы на восток в середине V в. Гунны-альциагиры в ходе кочевок доходили и до Херсонеса - Херсона, утигуры вступали в союзные отношения с готами-тетракситами, которые жили в это время в Восточном Крыму (и на Тамани?); готы размещались и в юго-западном горном районе полуострова. Часть населения именовалась по-прежнему скифами и таврами, что, однако являлось не более чем данью традиции [41, с. 12-17; 43].

Таким образом, повторим еще раз, что составить достаточно точную карту расселения варварских племен в Крыму, в том числе и в его юго-западной части, опираясь только на сообщения древних авторов, весьма затруднительно. Обзоры военных походов варваров [50, 52] позволяют говорить лишь о племенном составе союзов и направлениях и датах их вторжений (табл. 1), но не о поселении в Юго-Западном Крыму. На основании этих сведений можно также утверждать, что в степном Крыму расселялись кочевники гунны, некоторые из них (племя альциагиров?) доходили и до Херсона. Аланы локализуются преимущественно в предгорьях, а готы (страна Дори) – дальше в глубине горного Крыма. И эта картина в большей степени соответствует реалиям, вероятно, конца V-VI вв.

В результате анализа и сопоставления антропологического материала [53; 54; 12; 22; 27; 28; 32; 40; 49] (табл. 2; рис. 2) оказалось возможным сделать некоторые предварительные выводы. Они следующие.

1. Не полностью оправдалось первоначальное предположение о существовании в позднеантичном - раннесредневековом Юго-Западном Крыму двух основных антропологических вариантов в рамках одного типа. Реальная картина оказалась сложнее.

2. В территориальном аспекте можно говорить о смешанности населения; предположительно выделяются группы с преобладанием скифского (Черноречье, Инкерман, Лучистое) и понтийского (Сахарная Головка, Скалистое) типов. В последнем из них явно присутствует сарматский компонент. Брахиокранный узколиций антропологический тип - вероятно местный. В осторожной форме попробуем предположить, что он мог появиться в результате смешения сармато-алан (широколицы брахиокраны) и потомков античного (узколицы грацильные мезодолихокраны) населения; что впрочем, требует отдельного изучения материалов, и последнее слово здесь остается за специалистами-антропологами.

3. Близость Херсонеса могла способствовать смешанным бракам, результат которых выразился в увеличении доли понтийского типа.

4. Сарматское влияние (в антропологическом смысле) стало более сильно ощущаться несколько позднее - с VI - VII вв.

5. Германские (готские) антропологические серии не выявлены, что может быть связано с тем, что не подвергались антропологическому анализу материалы трупосожжений [см. например: 38, с. 190-205].

Археологические материалы служат основным источником суждений об этнической истории региона в хронологических рамках III - середины VI вв. Для этого пригодны данные только раскопок могильников, да и то не всех, а так называемых базовых, которые находятся в центре внимания исследователей уже не одно десятилетие. Они дополнены изданными материалами раскопок последних лет. Публикация всех этих материалов, с достаточно обоснованными датировками конкретных погребений, позволила рассмотреть важнейшие элементы погребального обряда населения. Имеются в виду характер погребальных сооружений [46; 61], основные типы погребального инвентаря [например: 79], главнейшим из которых является лепная керамика [62], и также сочетание элементов обряда в отдельных погребениях и могильниках; все это в свою очередь помогло сопоставить погребальный обряд населения Юго-Западного Крыма и археологических культур Центральной и Северной Европы.

Хронологические изыскания последних десятилетий, связанные, прежде всего, с трудами А.И. Айбабина и его соавторов, дополненные работами и других археологов на могильниках юго-западной части полуострова, позволяют разделить погребальные комплексы по хронологическим "срезам" протяженностью примерно в полстолетия каждый. Основанием для этого служит, прежде всего, корреляционный метод (метод хроноиндикаторов - ХИ); датировка по аналогиям может носить только сугубо вспомогательный характер; монеты в погребениях не служат главным материалом для датировок - даты выводятся по совокупности всех находок и особенностей каждого конкретного погребения. Однако уже сейчас ясно, что более продуктивным является подход к хронологическим штудиям как «совмещение» крымских памятников с европейской хронологической шкалой [81]. Система хронологии А.И. Айбабина, основанная на работах А.К. Амброза, подвергается вполне обоснованной критике [75; 76]. Это подтверждается и материалами таких вновь открытых могильников, как Карши-Баир [62; 63; 64, с. 225-228].

Учет всех типов и вариантов датированных погребальных сооружений, важнейшими среди которых являются подбойные могилы, склепы и погребения с трупосожжениями, позволяет с большим основанием утверждать, с одной стороны, о связях их с двумя основными этническими массивами - сармато-аланами [например: 70] и германцами [71; 72], (которых условно можно именовать обобщенно "готами") и, с другой стороны, растущей со временем синкретичностью погребального обряда и облика всей культуры населения. Конкретизировать эти положения можно на материалах лепной керамики, которая позволяет достаточно обоснованно судить о преобладании сармато-аланского этноса над германским численно; оставшиеся в живых потомки позднескифского населения не оказали существенного влияния на материальную культуру населения. В целом же анализ погребального обряда Юго-Западного Крыма позволяет говорить, прежде всего, о значительном влиянии двух территориальных групп археологических культур [78; 80]. Первая из них связана с сармато-аланским племенным миром - это влияние самое значительное [Новые материалы: 62; 64]; второе - с миром культур германского круга [39]; позднескифское наследие, как уже было сказано выше, сказалось мало; о дако-фракийском влиянии можно говорить только предположительно [например: 56, рис. 22]. Впрочем, некоторые материалы позволяют говорить о складывании местной материальной культуры как синкретичной [67; 68; 69].

Анализ триады источников позволяет заключить следующее. Письменные источники фиксируют основные реперы изменения этнической ситуации: середина III в. ("готские войны"), последняя четверть IV в. (начало гуннского вторжения), середина V в. (утверждение гуннов в Причерноморье), середина - вторая половина VI в. (тюркютское нашествие, готы в стране Дори). Археологические материалы говорят о проникновении сармато-алан в Юго-Западный Крым еще до начала "готских войн", в итоге которых появились погребения с трупосожжениями. При этом первые из них известны еще с III в., в IV - V вв. они концентрируются на Южном берегу Крыма. Позднескифские же памятники не доживают до этого времени. Две группы могильников (типа Озерное - Инкерман и Харакс - Чатыр-Даг) можно сопоставить с сармато-аланами и готами-германцами, биритуальные памятники которых находят сходство с погребениями Средней и Северной Европы. Синкре-

тичность этих культур (аланов и готов) усиливается со временем, при этом все более стали преобладать аланские черты. Эти данные подтверждаются и палеоантропологическими материалами, анализ которых позволяет говорить о скифском элементе как субстрате, на который "наслоился" сармато-аланский суперстрат; выявляются "понтийские" черты, германские же антропологические элементы практически не проявляются, что может говорить как о слабом "готском" влиянии на популяции, похороненные по обряду труположения, и, что скорее, о слабой изученности погребений с трупосожжениями, где можно предполагать, были похоронены именно германцы. Реконструкцию этнической ситуации целесообразно вести по выделенным этапам, что позволит сделать выводы о характере протекавших тогда этнических процессов.

Если же говорить в целом о характере этих процессов в это время на территории позднейшей Скифии, то можно заключить следующее. Прежняя (позднескифская) этническая система вследствие давления сарматских пришельцев, резкого изменения политической ситуации - победы Боспора и контроля Рима над значительной частью территории Юго-Западного Крыма [34, с. 112-113] была насильственно сломана. Это даже не этноэволюционный (угасание позднескифского этноса), а этнотрансформационный процесс. Скифы (частью эллинизированные) не были уничтожены, а сохранились как антропологический (и в какой-то мере этнический) субстрат. Этот процесс ассимиляции - скифов сарматами - хотя и все углублялся, но до начала вторжений середины III в. н.э. был еще очень далек от завершения [58]. К схожему выводу о сложении скифо-сарматского объединения (контролируемого Боспором и Херсонесом) при некотором преобладании сарматов (третий вариант модуса миграции) [8, с. 35-46] пришел и А.Е. Пуздровский [47, с. 215-218; 48, с. 56]. Наконец, нельзя не отметить определенное влияние греческой культуры на поздних скифов (и, вероятно, сармат) Крыма, что выразилось, кроме всего прочего, в распространении греческого языка, в основном, в среде верхушки общества. Об этом могут говорить и некоторые другие элементы позднеантичной культуры - градостроительство, религия, погребальный обряд (в частности, захоронения детей в амфорах), одежда и пр., хотя о смешанных браках говорить нет достаточных оснований [см.: 20, с. 64-65].

Процесс взаимодействия и взаимовлияния всех перечисленных этнических элементов (на скифском субстрате) шел в направлении формирования, вероятно, новой этносоциальной общности, но был еще далек от завершения. Именно эта незавершенность и могла послужить дополнительной причиной гибели ее в новую эпоху [58, с. 167].

Таким образом, очередные волны вооруженных переселенцев, завоевывавших себе новую родину, разорвали непрочное тело сармато-скифского общества начала III в. Это были как родственные местному народу сармато-аланы, так и чужаки-германцы. Это вторжение, скорее всего, было не единовременным, а насчитывало несколько сменяющих друг друга волн. При этом сармато-аланы предпочитали поселяться в Предгорном Крыму, а германцы (готы?) преимущественно на Южном берегу полуострова. В конце IV - начале V вв. в связи с нашествием гуннов население несколько сокращается, перемещаясь вглубь полуострова. Давление гуннов, вероятно, усилилось со времени их возвращения из Центральной Европы во второй половине этого столетия. Этот фактор мог способствовать более тесному союзу готов и алан, приведшему впоследствии к их слиянию.

Как представляется, наиболее вероятным является расположение Дори в горном Юго-Западном Крыму [59, 41]. Из всех вариантов северной границы Дори, а о южной говорить пока невозможно, наиболее предпочтительной может показаться линия, ограничивающая Гераклеийский полуостров (ближайшая округа Херсона) и проходящая далее к северо-востоку через Инкерман, Скалистое и затем вогнутой дугой к Южному берегу [9, рис. 4, 5]. А.К. Амброз такой представлял Дори применительно к VI-VII вв. Если же учитывать результаты исследований В.А. Сидоренко [51], то северную границу Дори (может быть, именно в начальный период ее существования, а Прокопий описывал, напомним, ситуацию середины VI в., не позднее ее 60-х гг.), нужно сместить несколько южнее (см.: рис. 3, 4). При этом, как представляется, мы должны отделять Дори VI в. от позднейшей Готии, которая располагалась на южном берегу полуострова. Таким образом, на основании анализа литературы вопроса и источников, прежде всего, письменных и археологиче-

ских, можно сделать вывод, что страна Дори, населенная германцами-готами, располагалась в горном Юго-Западном Крыму. Она, вероятно, имела небольшой выход к морю. Рядом с готами, к северо-востоку, располагались аланы, дальше в степи – гунны.

Горная Юго-Западная часть полуострова была захлестнута сменяющимися волнами сарматского, а затем и германского завоевания. Модус автохтонного развития сменился модусом миграции, что объясняется не столько численным превосходством пришельцев, сколько их военным и организационным превосходством. Резко усилилась мозаичность населения - появившиеся аланы и готы (именуемые нами так достаточно условно) сами имели сложный этнический состав - они «сплотились воедино безо всякого племени и рода», как упоминает Зосим.

Говоря еще раз о характере этнических процессов, отметим, что этноэволюционный путь развития окончательно сменился этнотрансформационным (что, кстати, мы отмечали уже и на примере «Поздней Скифии» II - первой половины III вв.). Продолжился процесс этнического объединения - теперь как ассимиляции оставшегося местного населения («скифы») пришельцами (германцами и аланами), так и межэтнической консолидации всех этих трех компонентов в один субэтнос (этнографическую группу) при вероятном численном превосходстве алан. Это объединение в терминах этнографической (этнологической) науки скорее нужно именовать этникосом, чем этносоциальным объединением (ЭСО) – государственная структура здесь в полном объеме так и не сложилась. Элементы ее можно предполагать только у населения страны Дори. Эта консолидация в целом завершилась уже значительно позднее - с появлением в источниках термина готаланы и формированием своеобразной культуры типа Суук-Су, что выходит уже за хронологические рамки описываемой эпохи.

Нивелирующую роль в этих процессах сыграли несколько факторов. Это и влияние позднеаримской провинциальной, а затем и ранневизантийской христианской культуры (впрочем, преувеличивать значение этих факторов не стоит, ведь даже позднеантичное влияние на варваров прослеживается слабо, а византийское влияние усилилось уже позднее), наличие единого ландшафта, общей территории и общей исторической судьбы в зоне контакта скифо-сарматского, греко-римского и германского миров. Возможно, здесь сказалось и то, что этносы Юго-Западного Крыма, прежде всего аланы, как объединение племен (соплеменность), характеризовались этнической текучестью.

Мозаичность этносов может быть связана с определенной расчлененностью рельефа, наличием на одной территории нескольких относительно близкоживущих этнопопуляций, хоронивших умерших на одном большом могильнике. Говорить о конкретной численности населения пока очень трудно. Так, для середины-начала второй половины VI в. мы имеем только сообщения Прокопия о готах страны Дори, которые имеют три тысячи воинов. Численность же всего населения вряд ли значительно превышала 15 тысяч. Страна Дори могла занимать (в случае локализации ее в Юго-Западном Крыму) от 1/4 до 1/2 площади региона.

Возвращаясь к оценке концепций этнической истории региона второй половины III - первой половины VI вв., необходимо отметить следующее. Полного уничтожения прежнего («позднескифского») населения в эпоху вторжений аланов и готов не произошло. Не удалось «местному» населению и сохраниться в прежнем виде, укрывшись глубже в горах, чтобы переждать наступившее лихолетье. Реальная картина кажется значительно сложнее. Она характеризуется следующими основными моментами.

Уже во II - первой половине III вв. не существовало монолитного единства позднескифского этноса с присущей только ему культурой. Поздняя Скифия в Крыму была разгромлена и прекратила свое существование как политическая единица. Территория ее, после ряда вторжений сарматов, заселялась хоть и родственным, но зачастую враждебным народом, что, впрочем, на бытовом уровне не обязательно приводило к размежеванию и отторжению. При вероятностном господстве сармато-алан, можно очень осторожно говорить о начале образования новой этнической общности. Но этот процесс (в чистом виде) был нарушен в ходе новых событий.

С середины - второй половины III в. и до конца IV в. («скифские войны» и морские походы варваров) ситуация снова меняется существенным образом (рис. 5). Новая лавина пришельцев-аланов и в меньшей степени носителей черняховской и вельбаркской (?) культур (германцев, может быть, фракийцев и тех же сармат) двумя потоками захлестнула юго-западную часть полуострова. Основная масса двигалась с севера, северо-востока, занимая речные долины и межгорные котловины внутренней и внешней полуостровных гряд. Другая, меньшая часть пришельцев (в основном германцев), оказалась на Южном берегу Крыма (рис. 6). Старые поселения (почти все) были разрушены, защитники их или погибли или присоединились к победителям; «скифские» женщины могли стать новыми женами пришельцев, косвенным образом об этом говорит факт сохранения скифского антропологического типа.

В первую половину следующего, V столетия, население значительно редее (рис. 7). Связано это, может быть, с последствиями гуннского вторжения в Причерноморье и войн гуннов с аланами и готами. В этих сражениях участвовали, вероятно, аланы (и готы?) Юго-Западного Крыма.

Во второй половине V - первой половине VI вв., после возвращения из Европы, какая-то часть гуннов могла поселиться не только в Степном Крыму, но и в предгорьях (у Херсона?). Там же и далее к северо-востоку располагались аланы, а еще глубже, в основном, в горном Крыму - готы страны Дори (рис. 8). По крайней мере, анализ всех доступных источников позволяет локализовать эту загадочную страну в середине VI в., скорее всего, там. При всем этом необходимо учитывать этническую мозаичность (чересполосицу), что было характерно, кстати, для региона на протяжении всех рассматриваемых периодов. Взаимовлияние этносов привело в конечном итоге к созданию особой «готско-аланской» синкретической культуры раннесредневекового Крыма. Археологически прослеживаемый всплеск ее приходится уже на вторую половину столетия (могильники типа Суук-Су), но уже было сказано, эти сюжеты уже находятся за пределами эпохи.

Источники и литература:

1. Айбабин А.И. Хронология могильников Крыма позднеантичного и раннесредневекового времени // МАИЭТ. 1990. Вып. I.
2. Айбабин А.И. Этническая история ранневизантийского Крыма. Симферополь, 1999.
3. Айбабин А.И. Крым в середине III – начале VI века (период миграций) // Археология. Крым, Северо-Восточное Причерноморье и Закавказье в эпоху средневековья: IV-XIII века. М., 2003.
4. Айбабин А.И., Герцен А.Г., Храпунов И.Н. Основные проблемы этнической истории Крыма // МАИЭТ. 1993. Вып. III.
5. Алексеев В.П. Историческая антропология: Учебное пособие. М., 1979.
6. Алексеев В.П. Этногенез. М., 1986.
7. Алексеев В.П. Историческая антропология и этногенез. М., 1989.
8. Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселения народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2.
9. Амброз А.К. Юго-Западный Крым. Могильники IV-VII вв. // МАИЭТ. 1994/1995. Вып. IV.
10. Аммиан Марцеллин. История. К., 1907. Вып. 2.
11. Аммиан Марцеллин. История // ВДИ. 1949. № 3.
12. Беневоленская Ю.Д. Антропологические материалы из средневековых могильников Юго-Западного Крыма / Якобсон. А.Л. Раннесредневековые сельские поселения Юго-Западной Таврики // МИА. 1970. № 168.
13. Брашинский И.Б., Марченко К.К. К вопросу об этнической атрибуции Елизаветовского городища на Дону // Древности Евразии в скифо-сарматское время. М., 1984.
14. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. М., 1983.
15. Бромлей Ю.В. Этносоциальные процессы: теория, история, современность. М., 1987.
16. Буданова В.П. Готы в эпоху Великого переселения народов. М., 1990.
17. Буданова В.П. Этнонимия племен Западной Европы: рубеж античности и средневековья. М., 1991.
18. Буданова В.П. Варварский мир эпохи Великого переселения народов. М., 2000.
19. Виноградов Ю.Г., Доманский Я.В., Марченко К.К. Сопоставительный анализ письменных и археологических данных по проблемам истории Северо-Западного Причерноморья. Доклад на симпозиуме в г. Вани в 1987 г. (рукопись).
20. Высотская Т.Н. Этнический состав населения Крымской Скифии (по материалам могильников) // Материалы к этнической истории Крыма (III в. до н.э. - VII в. н.э.). Киев, 1987.

21. Высотская Т.Н. Общее и особенное в культуре поздних скифов Крыма // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). Симферополь, 2004.
22. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987.
23. Герд А.С. О некоторых вопросах теории этногенеза // Славяне. Этногенез и этническая история (междисциплинарные исследования). Л., 1989.
24. Герд А.С., Лебедев Г.С. Экспликация историко-культурных зон и этническая история Верхней Руси // СЭ. 1991. №1.
25. Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993а.
26. Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993б.
27. Дебец Г.Ф. Палеоантропология СССР. М.– Л., 1948.
28. Дебец Г.Ф. Антропологический состав населения средневековых городов Крыма // Сб. МАЭ. 1949. Т. XII.
29. Дебец Г.Ф., Левин М.Г., Трофимова Т.А. Антропологические материалы как источник изучения вопросов этногенеза // СЭ. 1952. № 1.
30. Засецкая И.П. Золотые украшения гуннской эпохи. Л., 1975.
31. Засецкая И.П. Культура кочевников южнорусских степей в гуннскую эпоху (конец IV-V вв.). СПб., 1994.
32. Зиневич Г.П. Антропологические материалы средневековых могильников Юго-Западного Крыма. К., 1973.
33. Зосим. Новая история // ВДИ. 1948. №4.
34. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. К., 1994.
35. Иордан. О происхождении и деяниях гетов (Getica) / Перевод и комментарии Е.Ч. Скржинской. М., 1960.
36. История первобытного общества (ИПО). Общие вопросы. Проблемы антропогенеза. М., 1983.
37. Колтухов С.Г., Юрочкин В.Ю. От Скифии к Готии. Симферополь, 2004.
38. Кондукторова Т.С. Антропологический материал черняховской культуры Украины // Могильники черняховской культуры. М., 1979.
39. Лысенко А.В. Погребальный обряд Чатыр-Дагского некрополя (последняя треть III-IV вв. н.э.) // У Понта Евксинского (памяти П.Н. Шульца). Симферополь, 2004.
40. Назарова Т.Л., Потехина И.Д. Антропологические материалы из могильников Юго-Западного Крыма. Препр. К., 1990.
41. Новиченков В.И., Новиченкова Н.Г. Об исторической топографии «Готской земли» в Крыму // Восток-Запад: Межконфессиональный диалог: сборник научных трудов. Севастополь, 2003.
42. Пиоро И.С. Крымская Готия (Очерки этнической истории населения Крыма в позднекрымский период и ранее средневековье). К., 1990.
43. Пиоро И.С. К вопросу об этнической атрибуции названия «тавры» в римское время // ХСб. 1998. Вып. IX.
44. Прокопий Кесарийский. О постройках // ВДИ. 1939. № 4.
45. Прокопий из Кесарии. Война с готами. М., 1950.
46. Пуздровский А.Е. О погребальных сооружениях Юго-Западного и Центрального Крыма в первые века н.э. // Проблемы истории и археологии Крыма. Симферополь, 1994.
47. Пуздровский А.Е. Этническая история Крымской Скифии (II в. до н.э. - III в. н.э.) // ХСб. 1999. Вып. X.
48. Пуздровский А.Е. П.Н. Шульц и проблема сарматизации позднескифской культуры // У Понта Евксинского (памяти Павла Николаевича Шульца). Симферополь, 2004.
49. Радочин В.Ю. Антропологические материалы из погребений V-IX вв. могильника у с. Лучистое // МАИ-ЭТ. 2003. Вып. X.
50. Ременников А.М. Борьба племен Северного Причерноморья с Римом в III веке н.э. - М., 1954.
51. Сидоренко В.А. Область Дори Прокопия Кесарийского // Проблемы исследования античного и средневекового Херсонеса. 1888-1988. Тезисы докладов. Севастополь, 1988.
52. Сиротенко В.Т. Введение в историю международных отношений в Европе во второй половине IV - нач. VI вв. Пермь, 1973. Ч. I.
53. Соколова К.Ф. Антропологические материалы из раннесредневековых могильников Крыма // История и археология средневекового Крыма. М., 1958.
54. Соколова К.Ф. Антропологічні матеріали могильників в Інкерманській долині // АП. 1963. XIII.
55. Соломоник Э.И., Домбровский О.И. О локализации страны Дори // Археологические исследования средневекового Крыма. К., 1968.
56. Стржелецкий С.Ф., Высотская Т.Н., Рыжова Л.А., Жесткова Г.И. Население округа Херсонеса в первой половине I тысячелетия новой эры (по материалам некрополя «Совхоз № 10») // Stratum plus. № 4. 2003-2004.
57. Ушаков С.В. Отечественная историография о населении Юго-Западного Крыма в период Великого переселения народов // Тезисы докладов Крымской научной конференции «Проблемы античной культуры». III часть. 19-24 сентября 1988 г. Симферополь. 1988.
58. Ушаков С.В. К вопросу об этническом составе населения поздней Скифии в Крыму (II-IV вв.) // Древнее Причерноморье (материалы I Всесоюзных чтений памяти профессора П. О. Карышковского). Одесса, 1990.

59. Ушаков С.В. К вопросу о положении страны Дори // Древнее Причерноморье (II чтения памяти профессора Петра Осиповича Карышковского). Тезисы докладов юбилейной конференции. Одесса, 1991.
60. Ушаков С.В. О лепной керамике из могильников Юго-Западного Крыма второй половины III - первой половины VI вв. как источники по этнической истории региона (к постановке проблемы) // ХСб. 1998. Вып. IX.
61. Ушаков С.В. Об основных типах погребальных сооружений в Юго-Западном Крыму второй половины III – первой половины VI вв. // ХСб. 1999. Вып. X.
62. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Могильник Карши-Баир в юго-западном Крыму. Погребальный инвентарь (изделия из металла) // Сугдейский сборник. Вып. II. Киев-Судак, 2005.
63. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Основы хронологии могильника Карши-Баир // Причерноморье, Крым, Русь в истории и культуре. Материалы III Судакской международной конференции. Том II. Киев-Судак, 2006.
64. Ушаков С.В., Филиппенко А.А. Новые данные об аланах в Юго-Западном Крыму (по материалам некрополя Карши-Баир) // ХСб. 2006. Вып. XV.
65. Хазанов А.М. Первобытная периферия античного мира (на примере Европы) // СЭ. 1971. № 6.
66. Хайрединова Э.А. Боспор и морские походы варваров второй половины III в.н.э. // МАИЭТ. 1995. Вып. IV.
67. Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма VI-VII вв. (по материалам могильника у с. Лучистое) // Алушта и алуштинский регион с древних времен до наших дней. К., 2002.
68. Хайрединова Э.А. Женский костюм варваров Юго-Западного Крыма в V – первой половины VI вв. // МАИЭТ. 2002. Вып. IX.
69. Хайрединова Э.А. Обувные наборы V–VII вв. из Юго-Западного Крыма // МАИЭТ. 2003. Вып. X.
70. Храпунов И.Н. Могильник Дружное (III-IV вв. нашей эры). Lublin, 2002.
71. Храпунов И.Н. О первых сармато-германских контактах в Крыму // Боспор Киммерийский, Понт и варварский мир в период античности и средневековья. Сборник научных материалов III Боспорских чтений. Керчь, 20-23 мая 2002 г. Керчь, 2002.
72. Храпунов И.Н. Новые данные о сармато-германских контактах в Крыму (по материалам раскопок могильника Нейзац) // Боспорские исследования. Вып. III. 2003.
73. Храпунов И.Н. Этническая история Крыма в раннем железном веке // Боспорские исследования. Вып. VI. Симферополь-Керчь, 2004.
74. Черносвитов П.Ю. Проблема исторических реконструкций как задача моделирования // Методы реконструкций в археологии. Новосибирск, 1991.
75. Шукин М.Б. Некоторые замечания к хронологии начала черняховской культуры // Сто лет Черняховской культуры. Киев, 1999.
76. Шукин М.Б. Река времени (Некоторые замечания о методиках хронологических расчетов эпохи Латена и римского времени) // Боспорский феномен: проблемы хронологии и датировки памятников. Материалы международной конференции. Часть 2. СПб., 2004.
77. Шукин М.Б. Готский путь. Готы, Рим и черняховская культура. СПб., 2005.
78. Юрочкин В.Ю. Памятники группы Озерное - Инкерман в позднеантичном Крыму // Херсонес в античном мире. Историко-археологический аспект. Тезисы докладов международной научной конференции. Севастополь, 1997.
79. Юрочкин В.Ю. Черняховская керамика юго-западного Крыма // ХСб. 1999. Вып. X.
80. Юрочкин В.Ю. Крым в эпоху великих миграций: проблемы этноса и культуры // Ethnic Contacts and Cultural Exchanges North and West of the Black Sea from the Greek Colonization to the Ottoman Conquest. Iași; Trinitas, 2005.
81. Юрочкин В.Ю., Труфанов А.А. Хронология могильников Центрального и Юго-Западного Крыма 3-4 вв. н. э. // Древняя Таврика. Симферополь, 2007.

Сокращения:

- АП – Археологічні пам'ятки
ВДИ – Вестник древней истории
МАИЭТ – Материалы по истории, археологии и этнографии Таврии
МАЭ – Материалы по антропологии и этнографии
СЭ – Советская этнография
ХСб – Херсонесский сборник

Таблица 1

Палеоантропологические типы населения Крыма
(по материалам могильников)

Типы *	I	II	III	IV	Деформ.	V в. до н.э.	0	V в.	X в.
Могильники									
1 Черноречье	(+)	+		+			—		
2 Инкерман	(+)	+		+			—		
3 Сах. Головка		(+)					—		
4 Лучистое	(+)						—		
5 Скалистое		(+)	+		+		—		
Ант. Херсонес	+?	(+)				—	—		
Ант. Боспор		(+)				—	—		
Скифы	(+)					—			
Сарматы			(+)		+	—			
6 Неаполь Скифский	(+)	+		+		—			
7 Чуфут-Кале	(+)			+?	+			—	
8 Родниковое			(+)					—	
9 Пампук-Кая			(+)					—	
10 Эски-Кермен	+		(+)	+	+			—	
11 Мангуп	+		(+)	+				—	
12 Суук-Су								—	
13 Заветное			(+)					—	
Тавры	+		(+)?	+		—			
Средневековый Херсонес	+	(+)	+	+				—	
14 Коктебель		+		+?				—	
15 Судак		(+)						—	

+ - присутствует
(+) - преобладает

(см.: Рис. 1)

* I - Мезодолхокранный (долхокранный) массивный широколицый ("скифский");
II - Мезодолхокранный грацильный узколицый (понтйский);
III - Брахиокранный широколицый ("сармато-аланский");
IV - Брахиокранный узколицый.

Таблица 2

**Варварские (сухопутные и морские) походы
на Восточную часть Римской империи в 232 - 276 гг.**

1	2	3	4	5	Участники	Направление	Примечание
	232-238*	232-238		238	Сарматы, даки, карпы, везеготы	Истрия	Скифская война
	242				Карпы, готы (?), аланы (?)	Фракия	
	243			243	Карпы		
	244-245				Карпы, германцы	Дакия	
	248	248		249	Остготы (Острогота), маркоманы, вандалы, квады, карпы, тайфалы, певкины	Нижняя Мезия	
	250-251	251		250-251	Вестготы (Книва), скифы, карпы	Мезия, Фракия	
	253			253	Скифы, маркоманы	Македония, побережье Эгейского моря	
Морские походы							
255	256	255 (256)	255	254	Бораны, герулы, уругунды, "скифы"	Восточное и юго-восточное побережье Черного моря	I Боспорский поход
	257	257	257		Остроготы	Вдоль Кавк. побережья Черного моря (Трапезунт, Понт-Вифиния)	
	258	258		258-259	Готы	Халкедон, Никея, Кизик	II Боспорский поход
262 (263)	263	262-263		262	Вестготы	Западное Причерноморье, восточное побережье Эгейского моря, вдоль западного берега Черного моря	
264	264	264	264	264-265	Скифы, сарматы, готы	Каппадокия, Вифиния	Из Боспора
267	266-267	266-267	267		Готы, герулы, "скифы"	Гераклея	Из Меотиды вдоль побережья Крыма
	268	268		268	"Скифы", готы, герулы	Греция	
	269-270	269		269-270	Герулы, готы, певки	Мезия	Из устья Днестра
		275	276	276	Варвары из Меотиды	Киликия	Вдоль Кавк. побережья Черного моря

Литература: 1 - Васильевский, 1909; 2 - Ременников, 1954; 3 - Буданова, 1990 ; 4- Хайрединова, 1995; 5 - Лавров, 1997.

* Даты походов

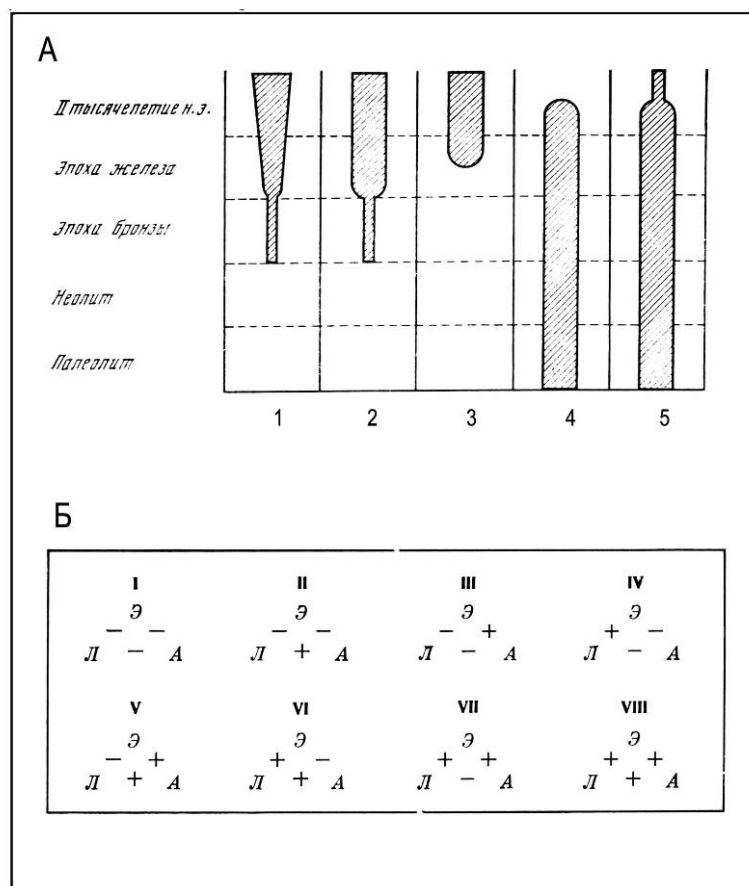


Рис. 1. А. Разрешающая способность разных видов источников (по Алексееву, 1989). 1 – этногенетические предания; 2 – языковые данные; 3 – этнографические данные; 4 – археологические данные; 5 – антропологические данные.

Б. Возможные соотношения между разными видами исторических источников (по Алексееву, 1989). Л – лингвистические данные; Э – этнографические данные; А – антропологические данные; + - совпадение данных; - - несовпадение данных.

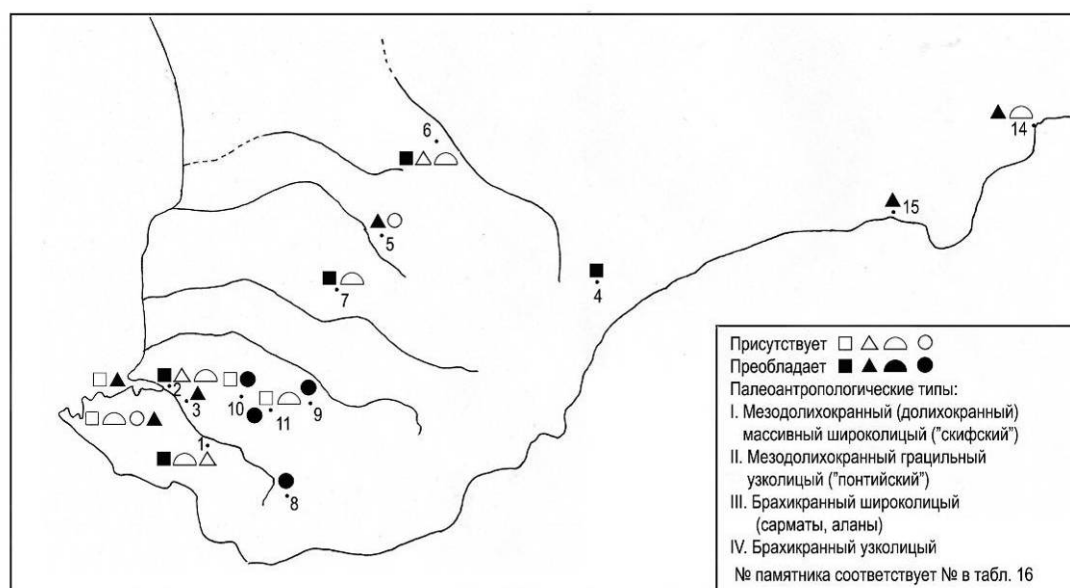


Рис. 2. Антропологические типы населения античного и раннесредневекового Крыма (к табл. 1).

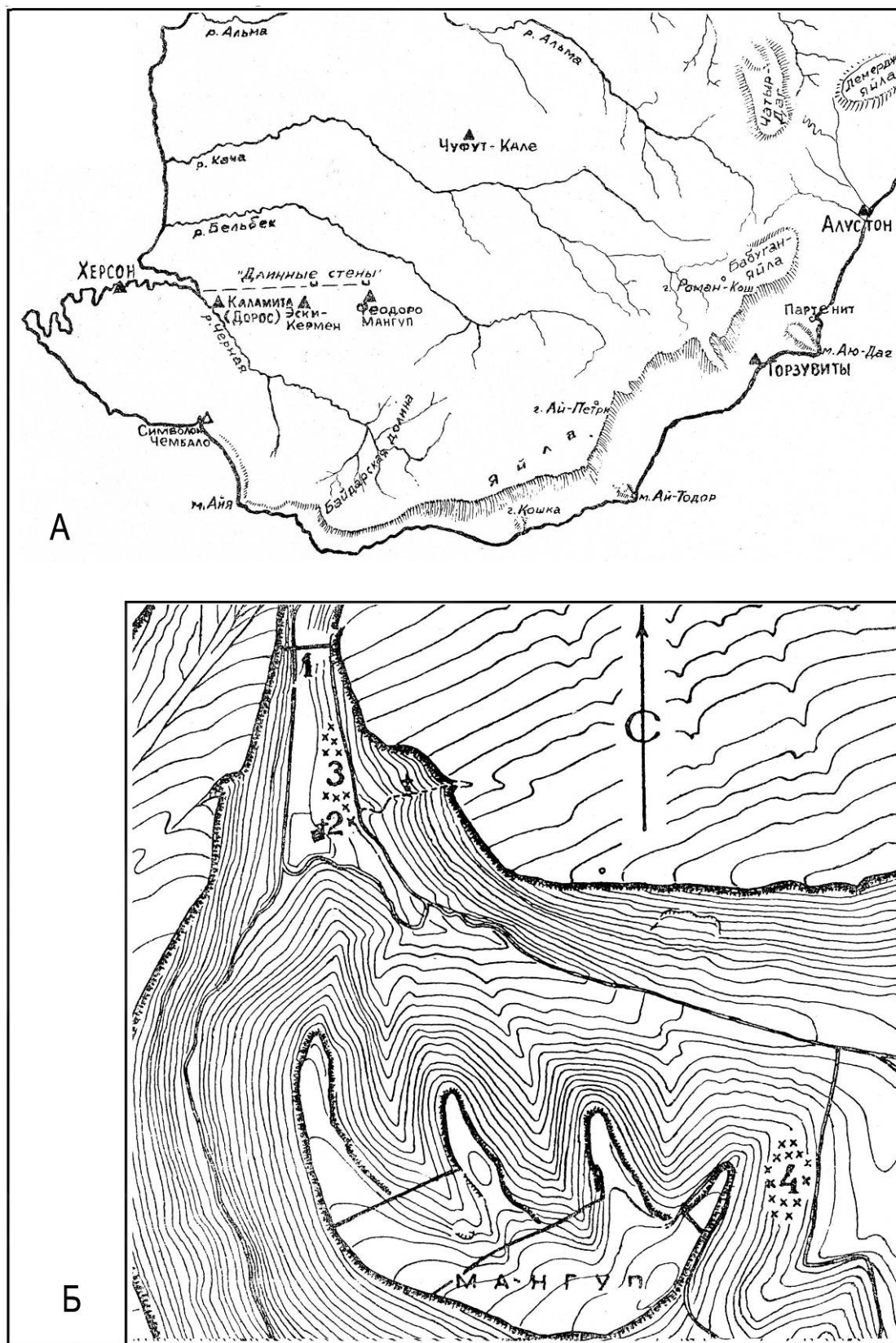


Рис. 3. «Готы» области Дори Прокопия Кесарийского и «длинные стены» в Крыму (по Сидоренко, 1991). А – Местоположение «длинных стен» в юго-западной части Таврики. Б – Окрестности Мангула: 1 – участок «длинных стен» в балке Каралез; 2 – раннесредневековая базилика; 3 – могильник второй половины VI-X вв.; 4 – могильник в балке Алмалык VII-IX вв.

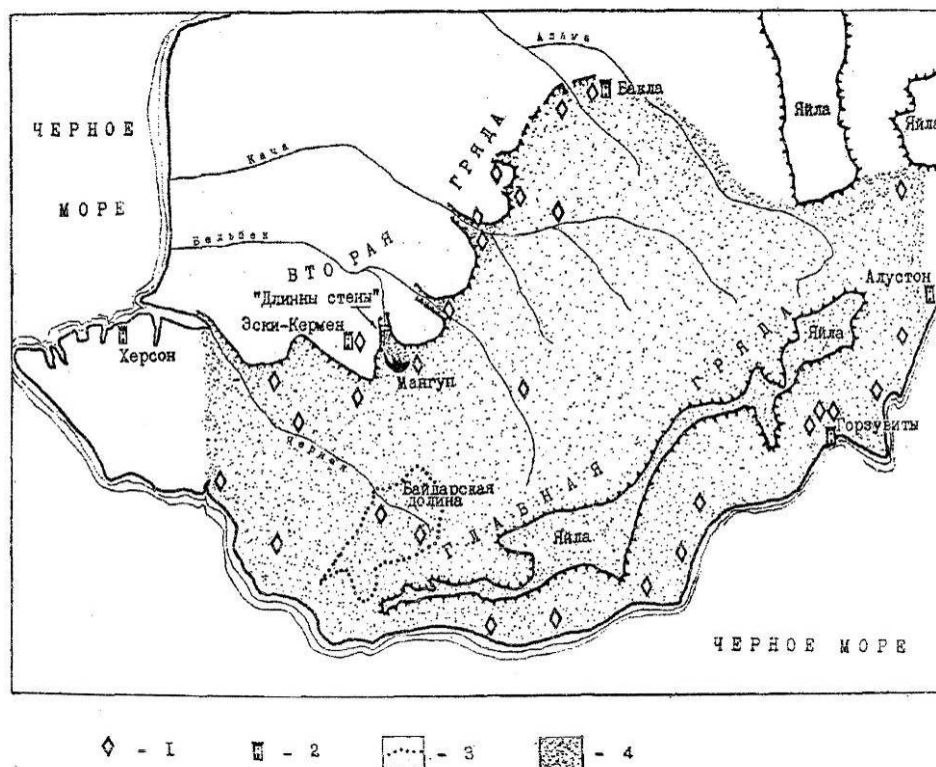


Рис. 4. «Готская земля» в горном Крыму VI-VII вв.
(по Новиченкову и Новиченковой, 2003). 1 – некрополи со склепами, подбойными могилами и плитовые могильники VI-VII вв.; 2 – города и крепости с постоянным населением VI-VII вв.; 3 – границы Байдарской долины;
4 – предполагаемая территория «Готской земли».

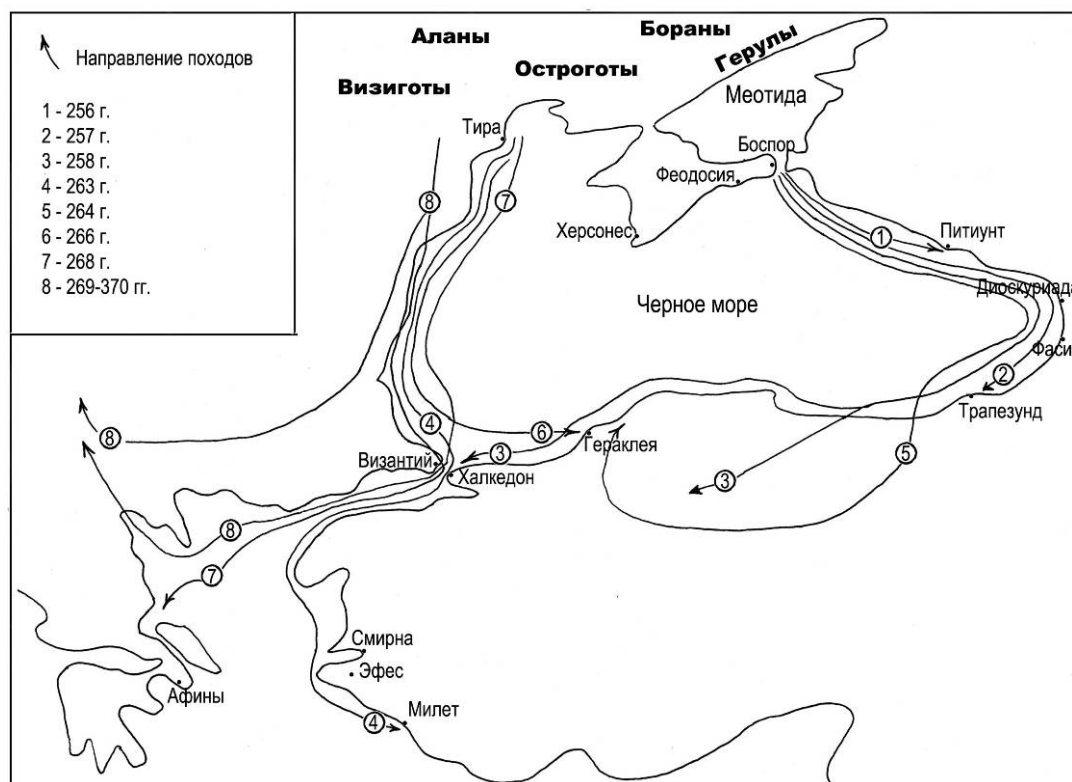
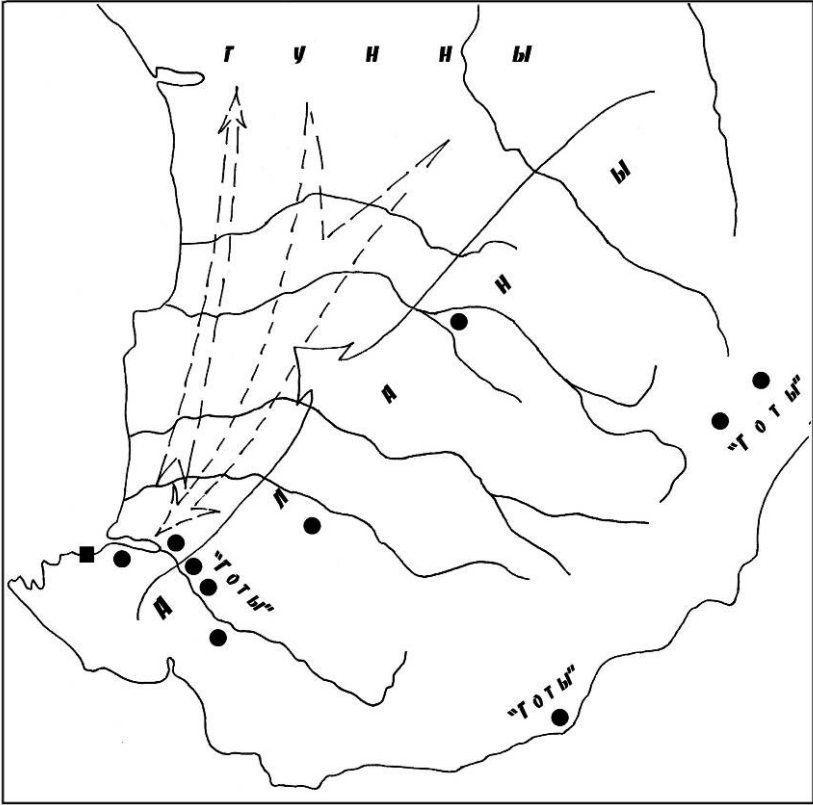
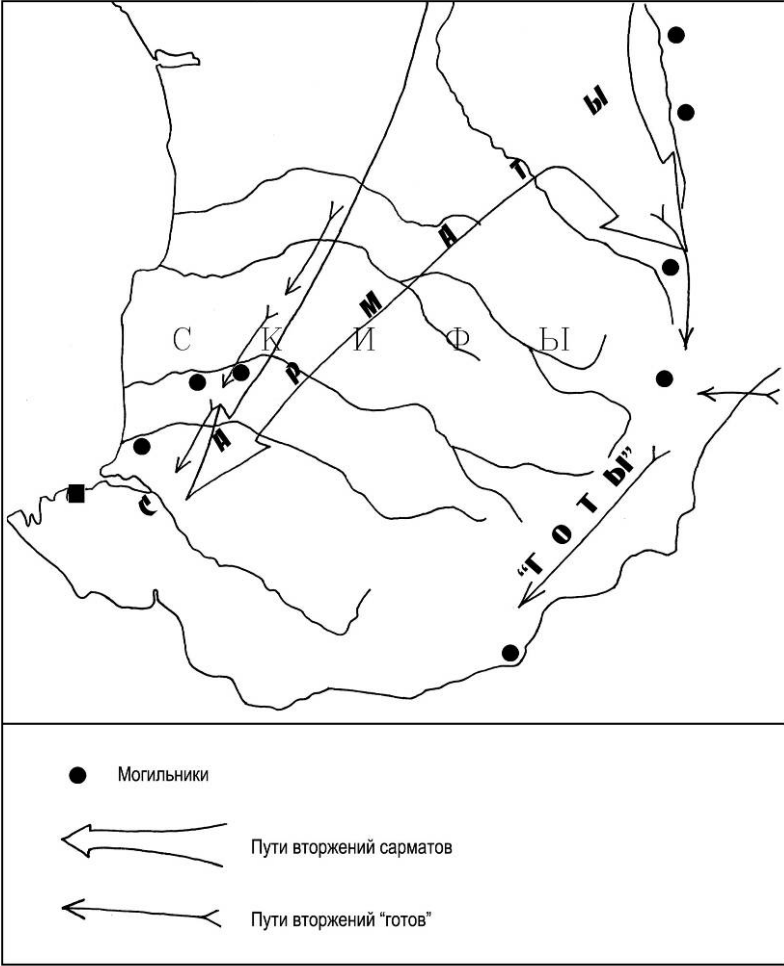


Рис. 5. Варварские походы в бассейне Черного моря (по Ременникову, 1954).



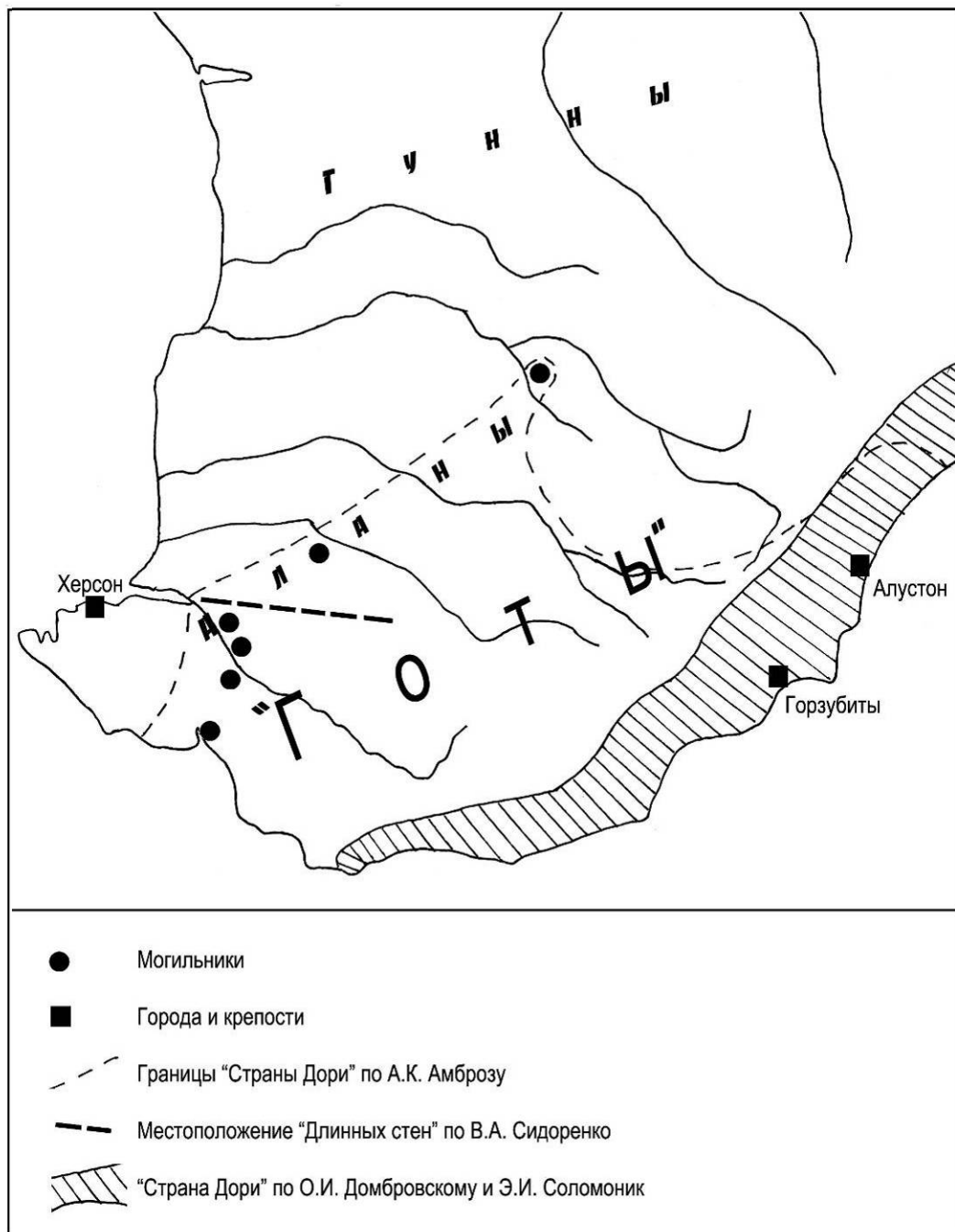


Рис. 8. Юго-Западный Крым в середине VI в.

III

СРЕДНЕВЕКОВАЯ ИСТОРИЯ И АРХЕОЛОГИЯ

ИСЛАМИЗАЦИЯ КРЫМСКОГО ПОЛУОСТРОВА В ЗОЛОТООРДЫНСКИЙ ПЕРИОД

Бойцова Е.Е.

Севастопольский городской гуманитарный университет

Этноконфессиональная история Крымского полуострова связана с жизнью и религиозными воззрениями многих народов: тавров, скифов, сарматов, аланов, греков, римлян, византийцев. Через полуостров проходили и частично ассимилировались на его территории готы, гунны, авары, болгары, армяне, хазары, печенег, кипчаки и другие этносы. На крымской земле находили приверженцев различные системы языческих культов и монотеистических религий. В период с V по XIV вв. доминирующее положение на полуострове занимало христианство. При этом на протяжении VIII-XII вв. происходило пассивное проникновение исламского вероучения на территорию Крыма через мусульманских купцов и миссионеров - суфиев из Средней Азии, Ирака и Малой Азии.

Более действенные формы процесс исламизации народов Крыма принял в XIII в. По мнению П. Мелиоранского, В.Д. Смирнова, А. Якубовского основанному на сообщении Ибн Биби, в 1221-22 гг. войска сельджукского правителя Румского султаната Ала-ад-дина Кей-Кубада заняли Судак и создали здесь один из первых на территории полуострова мусульманских духовных центров: в городе была построена мечеть, при ней закреплен небольшой штат мусульманского духовенства. Богослужением руководил хатыб (священнослужитель, проводивший пятничную проповедь - хутбу), призыв на молитву оглашал муэдзин, функции духовного судьи выполнял кадий [17, с. 640; 21, с.10; 31, с. 69]. Очевидно, вместе с воинами сюда прибыли и суфийские миссионеры, так как примерно к тому же времени относится возникновение текке (монастыря суфиев) в селении Отузы (ныне пос. Щebetовка), расположенном недалеко от Судака. Суфии являлись представителями мистического направления в исламе, главным смыслом которого было познание Бога с помощью концепции тариката – пути к священной цели, и распространение ислама. Происхождение термина «суфизм» трактуют по-разному. По мнению одних исследователей, оно происходит от арабского слова «суф» - «шерсть», и его можно перевести, как «облачение в шерсть», что согласуется с обычаем аскетов раннего ислама носить грубую шерстяную одежду как знак отречения от мирских благ и соблазнов. Другие считают слово «тасаввуф» производным от греческого слова «софия» - премудрость, т.к. эллинская философия была глубоко воспринята и мусульманскими эзотериками, и улемами – богословами нормативного ислама [13, С.225]. Сами суфии возводили истоки своего учения непосредственно к пророку, который, по преданию, завещал передать свою «хырку» (специальное шерстяное облачение) первому суфию – отшельнику Увайсу Карани как символ передачи духовной силы и власти, как знак духовной преемственности. Идеиное и организационное развитие суфизма шло постепенно от маленьких закрытых кружков к хорошо организованным братствам (тарикатам) с разработанной посвятителной практикой и иерархией в несколько ступеней. Руководителем такого братства становился авторитетный наставник — шейх, который являлся духовным учителем (муршидом) по отношению к послушникам или ученикам (муридам).

Суфии, в частности представители центра в Отузах, играли важную роль в распространении ислама в Крыму. Хотя присутствие сельджуков было кратковременным и перед вторжением монголов они покинули полуостров, суфийская обитель в этом районе продолжала функционировать в дальнейшем, что подтверждается данными археологических раскопок в Отузах и сообщениями письменных источников. Например, Ибн Баттута, арабский путешественник, побывавший в Крыму в 1332 г., очень уважительно отзываясь о текке в районе Солхата и его наставнике – шейхе из Хорасана [23, с. 281]. Косвенным доказательством раннего возникновения в этом районе суфийского центра может служить находка в 1927 г. директором Ялтинского Восточного музея Якубом Кемалем в с. Тара-

Таш Судакского района арабской суфийской рукописи XIII в. Абу Бакра ибн Юсуфа ал-Хасана Васитского «Китаб ал масабих фит-тасаввуф» [8, с. 219 - 223]. Рукопись, по описанию Якуба Кемалы, содержащая наставления для практического руководства по духовной практике суфиев, из поколения в поколение передавалась в семье одного из жителей села, предки которого в ханские времена принадлежали к сословию улемов – мусульманских богословов.

Дальнейшая исламизация полуострова связана с золотоордынским периодом истории. К середине XIII в. крымские степи были заняты разноплеменными тюркоязычными народами и вошли в состав Золотой Орды, которой правили потомки Чингисхана. Во главе Крымского улуса стоял наместник Великого хана, уцелевшее местное население облагалось налогами и повинностями. Столицей Крымского улуса стал построенный золотоордынцами в долине реки Чурук-Су город Крым (Солхат, Старый Крым), название которого постепенно перешло на весь полуостров [22, с. 214-216].

В состав Золотой Орды входили территории Западной Сибири, Хорезма, Поволжья, Северного Кавказа, половецких степей “Детш-и-Кипчак”, Крыма. Такая обширная география способствовала формированию Орды как поликонфессионального государства. Именно поэтому многие исследователи, в частности Э.С. Кульпин, Г.А. Федоров-Давыдов, Р.Ю. Почекаев, считают, что становление ислама в первой четверти XIV ст. в качестве государственной религии Золотой Орды не привело к тотальной исламизации общества, его государственных и правовых институтов [16, с. 214-222; 26, с. 88-100].

Когда монголы и среднеазиатские тюрки под командованием Бату пришли в степи Восточной Европы, населявшие ее народы Кипчакской страны, исповедовали разные религии. Много было приверженцев иудаизма, особенно в хазарском регионе. Встречались в тюркской среде и христиане. Часть монголов и тюрков, пришедших из пограничных с Китаем земель, были буддистами. Большинство кочевых племен оставались приверженцами тенгрианства [16, с. 214]. В то же время мусульманская традиция оказывала все более существенное влияние и на правителей Золотой орды, и на жителей Кипчакии. Уже в X в. ислам утвердился в Волжской Булгарии. Родственные народы – сельджуки на южном побережье Черного моря и тюрки Мавераннахр - также давно приняли мусульманскую веру. О тесных экономических и культурных связях с мусульманскими странами свидетельствует появление в языке кипчаков в середине XIII в. многих арабских и персидских слов [11, с. 40-42].

Э.С. Кульпин подчеркивает значимость политических факторов в процессе исламизации Золотой Орды. Стремясь упрочить централизованную власть в государстве, нуждаясь в поддержке египетских и сирийских мусульманских правителей, золотоордынские ханы нашли опору в исламском вероучении [16, с. 215].

Важную роль в исламизации тюркских кочевников сыграли суфии, особенно, по мнению Е.В. Бахревского [3, с. 400], представители братства ясавийа - последователи шейха Ахмада Ясави из Туркестана (XII в.), проповедовавшего идеи величия Бога и единства всего сущего в образах, доступных народному мировосприятию. Многие авторы, в частности, Г.А. Федоров-Давыдов, Дж. С. Тримингем, Г.Г. Галиахметова и др. [27, с. 29; 25, с. 81; 6, с. 26], обращают внимание на сообщения арабских и персидских источников, о том, что и сам хан Берке (1209 - 1266) – первый мусульманский правитель Золотой Орды, предпочел принять ислам от суфийского проповедника Сайфетдинаал-Бохарзи, ученика шейха Хорезма Наджм ад-дина Кубра, основателя братства кубравийа [23, с.379; 24, с. 16 - 19]. Доктрина пути совершенствования этого тариката предполагала полный отказ от земных страстей и желаний, концентрацию мыслей на образе Бога, Пророка или святого, однако структура братства не имела жесткой организационной системы, что способствовало расширению круга его последователей в Золотой Орде.

Именно при Берке-хане началась активная исламизация Крымского улуса. Турецкий путешественник XVII в. Эвлия Челеби приводит сведения из исторической хроники Тохта-бая, с которой он познакомился весной 1667 г. на пиру у Чобан Герая. Автор сообщал, что хан Берке, одним из первых в Орде принявший ислам, получил от Чингисхана ярлык на правление в Крымском улусе и построил в Крыму города Эски Сала и Эски Юрт (в

предместье Бахчисарая), сохранившие многие мусульманские святыни. Далее хроника повествовала о том, что, вернувшись из победоносных походов в Среднюю Азию, Берке привел с собой и поселил в Крыму 1800 улемов, шейхов и святых отшельников [30, С.231 - 234]. По описанию Эвлии Челеби, в Эски Юрте был расположен зиярет хана Берке. Таким образом, наметилось среднеазиатское направление распространения ислама в Крыму.

Другим мощным религиозным центром, оказывавшим влияние на Золотую Орду в целом и Крымский улус в частности, стал мамлюкский Египет, с правителями которого хан Берке вступил в союз против ильхана Ирана Хулагу. По сообщению ал-Муфаддала, султан Бейбарс в 1263 г. отправил послов к хану Берке в его ставку в Солхате, передав в подарок ценные реликвии: *«священную книгу мусульман, писанную, как говорят, самим халифом Османом, сыном Аффана, ... ковры для молитвы...»* [23, с. 193]. По мнению М.Г. Крамаровского, исследовавшего памятники золотоордынской культуры в Старом Крыму, именно при Берке город стал одним из главных центров ислама на полуострове: наиболее ранняя из сохранившихся квартальная мечеть была построена в 1263 году. Ко второй половине 80-х годов XIII в. мусульманской общине Солхата уже понадобилась новая пятничная мечеть, возведение которой состоялось в 1287-1288 годах [15, с. 107]. Г.А. Федоров-Давыдов, опираясь на свидетельство ал-Макризи, считает, что средства на постройку данного храма пожертвовал султан Египта эль-Мелик эль-Мансур Калавун в знак дружбы с золотоордынскими правителями [27, с. 30].

Усиление малоазийского влияния в распространении ислама на территории Крыма также связано с правлением хана Берке. В.А. Бушаков, опираясь на свидетельства исламских и византийских историков, считает, что в 1263-64 г.г. из Малой Азии в Добруджу, а затем в Крым переселилось одно из сельджукских племен во главе с сейидом Сары Салтук-Баба. В то же время, из Анатолии в Добруджу, с разрешения византийского императора Михаила VIII Палеолога, вынужден был уйти со своими подданными сельджукский султан Из-ад-Дин Кей Кавус II. Вскоре им пришлось перебраться в Крым, где Из-ад-Дин получил поддержку хана Берке, женился на его дочери и получил в держание (икта) города Солхат и Старый Крым, где находился до конца своих дней в 1278/79 г. [5, с. 80-85].

Однако исламизация в этот период носила непрочный характер, после смерти Берке Ордой правили ханы – язычники. Окончательное утверждение и институализация ислама в Золотой Орде произошли в правление хана Узбека (1312 - 1342). О государственной поддержке мусульманских учреждений в этот период свидетельствуют масштабы культового строительства. Ибн Батута сообщает, что видел в столице Узбека Сарае, 13 соборных и много более мелких мечетей [23, с. 280]. Сооружение мечетей, мектебе, медресе, текке сопровождалось приглашением в Орду мусульманских богословов и правоведов. Г.А. Федоров-Давыдов, опираясь на источники, собранные Ш. Марджани, называет таких известных ученых, связанных с городами Золотой Орды, как Махмуд ибн Фаттах ас-Сараи, Шехаб ад-Дин ас-Сараи, член суфийского ордена Кубравийя Махмуд ибн Гали ибн Шейх ибн Омар ал-Болгари ас-Сараи и других мыслителей [27, с. 29-30].

В Крыму, как и в других регионах Золотой Орды, ислам распространялся в форме суннизма ханифитского и шафиитского толков. Учение ханифитов (основоположник - имам Абу-Ханифа, ок. 700-767 гг.) было достаточно гибким и допускало использование в судебной практике не только законов шариата, но и местного права (адата).

Мазхаб шафиитов (основоположник - имам Аш-Шафия, ум. в 820 г.) сложился под влиянием ханифитского и маликитского учений, рассматривая Коран и Сунну как единый источник. При этом хадисы, исходящие от передатчиков - мединцев, принимались безоговорочно. Иджма рассматривалась как дополнение к Корану и Сунне, но принимались во внимание только решения муджахедов - мединцев. Суждение по аналогии (кияс) шафииты использовали для выбора нужного материала из предыдущих источников. По сравнению с ханифитским масхабом шафиитский позволял уклониться от сложного логического анализа, приняв суждение по прямой аналогии, а по сравнению с маликитским – не требовал подробного знания правового комплекса мединской общины. Шафиитский мазхаб разрешал употреблять в пищу конину, поэтому он был широко воспринят и длительно сохранялся в среде кочевников [13, с. 295]. В Крыму, по свидетельству Эвлии Челеби, ша-

фиитского направления традиционно придерживались роды Мансуров, Ширинов и Мангытов, а также ногаи [30, с. 28].

Государственный статус ислама в Золотой Орде отражают монеты Узбека и его преемников, на которых стали чеканить Символ веры [28, с. 169]. О том, что мусульманским духовным лицам отводились культовые, судебные, образовательные и другие значительные функции в государственной системе Золотой Орды, свидетельствуют титулатуры жалованных грамот золотоордынских ханов XIV в., в которых сразу после обозначения представителей высшей и местной власти, называются кадии (судьи), муфтии (законоведы), шейхи-мишайиты (духовные старцы), отшельники-суфии [23, с. 280, 285, 287, 310]. Решающая роль в государственной иерархии принадлежала светской исполнительной власти в лице беглер-беков – наместников, предводителей войска, однако наметилась тенденция включения мусульманских духовных лиц и представителей мусульманского права в государственный аппарат. Примеры данного явления в судебной практике Золотой Орды приводит Р.Ю. Почекаев, обращая наше внимание на длительное сосуществование в золотоордынской практике институтов традиционной монгольской юстиции, действовавших на основе обычного права и мусульманского суда, опиравшегося на нормы шариата, при этом представители каждого из них рассматривали дела, отнесенные к их ведению [19, с. 227].

Главной судебной инстанцией в Золотой Орде так же, как в Монгольской империи, являлись правители. На протяжении XIII в. одной из инстанций, осуществлявших правосудие был курултай, однако, в начале XIV в. этот традиционный институт уступил свои функции собраниям карачи-беев — родовых князей, ставших «государственным советом» при хане [20, с. 172]. Традиционно судебные функции принадлежали исполнительной власти, поэтому и светские судьи (дзаргучи), и религиозные судьи (кадии) совместно отправляли правосудие под эгидой наместника области [19, с. 226]. Широко известен сюжет, который приводит в своем сочинении Ибн Батута, о заседании суда у наместника (улусбека) Хорезма Кутлуг-Тимура. В работе суда принимали участие старший эмир, восемь его помощников, так же из числа эмиров, и кадий со своими советниками – правоведами. Полномочия кадия ограничивались религиозными делами, остальные вопросы подлежали юрисдикции эмиров. Высшей гражданской инстанцией на уровне улуса был наместник, а высшей религиозной – главный кадий [23, с. 311-312]. Уровень судебной инстанции зависел не от сословной принадлежности участников процесса, а от категории дела. Как правило, на суд высших государственных органов выносились только дела, в которых затрагивались интересы государства. Мелкие проступки и споры разбирались соответствующими инстанциями, решение которых было одинаковым как для простолюдинов, так и для представителей аристократии [19, с. 227]. Таким образом, сохранялся примат светской власти, сосредоточенной в руках тюрко-монгольской аристократии. Главными источниками права в государствах Чингизидов оставались ясы (законы) Чингис-хана (в совокупности именовавшиеся Великой Ясой) и его преемников — великих ханов. Иные источники права, в том числе, ярлыки самих ханов Золотой Орды, не должны были противоречить ясам [9, с. 104].

Важную роль в исламизации тюрко-монгольской аристократии играл золотоордынский двор, в церемониалы которого хан Узбек активно включал мусульманские традиции. Интереснейшее свидетельство о церемонии празднования Ураза-байрама - праздника, посвященного окончанию поста в священный месяц рамадан, при дворе Узбек-хана оставил Ибн Батута. На праздничное богослужение 29 рамадана 734 г. х. (2 июня 1334 г.) хан выехал верхом, вместе с семьей, свитой и большим отрядом войск. Сыновья хана следовали за ним со своими отрядами. Отдельный отряд во главе с главным кадием составили правоведа, шейхи, кадии, имамы, шериф. Все отряды несли знамена. Хутбу на богослужении произнес главный кадий. Затем состоялись состязания в стрельбе и вручение ханских подарков. Завершился праздник пиром, шатры для хана и его родственников, для знати и духовных лиц накрывались отдельно и размещались напротив мечети. Обязательным блюдом на праздничной трапезе считалось отварное мясо конины и баранины [23, с. 298-301]. Отголоски этой традиции существовали в Крымском ханстве, так Эвлия Челеби в XVII в.

сообщает, что заседания Дивана (государственного совета) при дворе ханов обязательно завершались мусульманской трапезой, на котором подавали отварную конину [30, с. 99].

О достаточно быстром приобщении к исламу знати Крымского улуса также сохранилось свидетельство Ибн Баттуты, который отмечал ее преданность новой вере и тщательность исполнения всех предписаний Корана. При этом, путешественник сообщает о локализации области распространения ислама в Крыму, он пишет, что видел много мусульманских храмов и дервишеских обителей в степном и предгорном районах полуострова [23, с. 230-233]. Эти сведения наглядно подтверждают памятники мусульманской архитектуры Солхата. Очевидно, в XIV в. Солхат стал главным религиозно-образовательным центром для мусульман Крымского улуса. К этому периоду в городе относится строительство комплекса медресе «Солхатская академия» и т.н. «мечети Узбека» 1314 г. [12, с. 138]. По мнению М.Г. Крамаровского, наиболее ранней постройкой в данном комплексе является медресе, мечеть была пристроена позднее с вторичным использованием портала 1314 г. [15, с. 107]. Эвлия Челеби сообщает, что видел над дверью медресе надпись, согласно которой здание было построено в 1332-1333 гг. на средства Инджибей-хатун, жены правителя Солхата [30, с. 167]. В 1925 г. в районе медресе было найдено мраморное надгробие 1371 г., которое, как считал А.П. Григорьев, принадлежало основательнице этого храма науки. Материалы археологических исследований 1978-1981 гг. также подтверждают сведения о времени строительства медресе [30, с. 167].

Вокруг Солхатской академии и аналогичных духовных центров в Крымском улусе стало формироваться собственное сословие улемов – знатоков богословия, историко-религиозного предания и этико-правовых норм ислама. К улемам относили как теоретиков, так и практических деятелей в области традиционных форм образования, судопроизводства на основе шариата и исполнения обрядов. О высоком уровне подготовки в Крыму мусульманских ученых свидетельствуют данные о деятельности в XIV в. Дия ибн Садаллаха ибн Мухаммеда аль-Крими, сына крымского кадия, который преподавал в каирской школе «Аш-Шейхунийе», а затем заведовал школой султана ал-Ашрафа, опубликованные египетским историком Амином аль-Холи [18, с.180].

О том, что в это время значительная часть жителей Крымского улуса, особенно население городов, исповедовала ислам, свидетельствуют старокрымские и отузские надгробные памятники XIV в., исследованные О. Акчокраклы. На них неоднократно встречаются (с тенденцией к нарастанию к концу XIV – началу XV вв.) тюркские надписи, датированные в системе мусульманского календаря [1, с. 8-15]. С точки зрения С.М. Червоной, особый интерес в данной группе представляют надгробия шейха Якуба Конийского (1328), мученика Идриса сына Хаджи Яхьи Отузского (1361) и шейха Хаджи Яхьи сына Мухаммеда Иракского (1380), которые свидетельствуют о широком радиусе культурных связей Крыма, простиравшихся и в Ирак, и в сельджукскую Турцию [29, с. 117]. В то же время данная группа памятников сохранила свидетельства прочности прежних верований: изображения тамги как символа родовой принадлежности и смешение мусульманских имен с именами тюрко-монгольской доисламской эпохи.

Г.А. Федоров-Давыдов провел анализ материалов нижеволжских золотоордынских некрополей и отметил множество отступлений от ислама в области погребального ритуала, особенно в степных районах. Преобладают такие отступления, как отклонения от кыблы, положение в погребение вещей, характерных для погребений кочевников: бус, сережек, зеркал и т.д. [27, с. 34]. В городских некрополях чаще встречаются мусульманские амулеты, надписи на бумаге, которые закладывались во вставку перстня или в специальную коробочку — простую, бронзовую или золотую роскошно украшенную, как, например, коробочки Симферопольского клада. Иногда в такой коробочке мог помещаться миниатюрный Коран, который также носили как амулет [3, с. 307].

Л.Т. Яблонский создал классификацию погребального обряда и погребальных сооружений золотоордынских городских мусульманских некрополей. Автор считает, что в больших золотоордынских некрополях нижеволжских городов явственно выступает резкая социальная дифференциация погребений - погребения в богатых склепах из кирпича с надгробиями в мавзолеях, по преимуществу, монголоидной верхушки горожан (они со-

ставляют 7,4% всего изученного количества могил), и погребения в простых ямах без перекрытий и надгробий в рядовых участках кладбищ городского плебса, смешанного, преимущественно, европеоидного по антропологическому облику (они составляют 56% всех изученных погребений). Остальные погребения принадлежат к промежуточным средним слоям населения городов. В беднейших погребениях больше всего отклонений от мусульманского канона [7, с. 56-60].

По мнению большинства исследователей, ислам в Золотой Орде развивался в обстановке широкой веротерпимости, что соответствовало Ясе Чингисхана, согласно которой ни одну религию нельзя было запрещать и угнетать ее приверженцев [26, с. 88-100]. К людям, оскорбившим священнослужителя любого вероисповедания, применялась высшая мера наказания – смертная казнь. В городах разрешалось строить храмы последователям всех религий. В улусах Золотой Орды духовенство различных конфессий освобождалось от уплаты налогов и действенно влияло на политическую обстановку, в частности, епископ Русской православной церкви пользовался большим влиянием в Сарае. Православные христиане, населявшие горный и прибрежный районы Крыма, находились под юрисдикцией Вселенских константинопольских патриархов [2, с. 445-473]. Там же существовало католическое епископство, еще в XIII в. был учрежден Аквилонский викариат францисканского ордена с двумя округами: Газария (Крым, Подунавье, Приднепровье) и Сарай [23, с. 279]. В 1318 г. было создано католическое епископство в Каффе. Епископом в Сарае в 1362 году был назначен трапезундский минорит Косьма [14, с. 134]. Другие христианские конфессии также существовали в Орде, в частности, в Крыму осела армянская диаспора. Недалеко от Старого Крыма в XIV в. армянские зодчие возвели сохранившийся до наших дней монастырь Сурб-хач.

В Крыму – активной зоне международной торговли и этноконфессионального взаимодействия – сложились особые формы религиозно-правовой практики. Хан признавал консула в Азове главой венецианской общины Крыма, а консула в Кафе — главой генуэзской. Согласно «Codex Cumanicus», статус консула приравнивался к положению мусульманского кадия, т. е. помимо административных функций, обладал и судебными [10, с. 22]. Очень показателен в этом отношении ярлык хана Джанибека, выданный венецианским купцам Азова в 1342 г., который предусматривал проведение совместных заседаний правителя Азова и венецианского консула для разрешения жалоб подданных [10, с. 73].

Успешная исламизация, как Крымского улуса, так и Золотой орды в целом, связана с рядом факторов, прежде всего со способностью ислама консолидировать тюркские кочевые племена, составлявшие основу его населения, с расширением географии экономических, политических и культурных связей региона, с практической целесообразностью, мировоззренческой умеренностью и умением новой религии адаптироваться к местным традициям. Распространение ислама на территории Крыма в XIII - XIV вв. происходило в форме суннизма ханифитского и шафиитского мазхабов. Главными проводниками ислама стали городские духовные центры и суфийские миссионеры, представители таких братств как ясавийя, кубравийя, накшбандийя, мевлевийя. Утверждается тюркомонгольская традиция государственно-правовых институтов ислама с приматом светской власти. Уже в этот период на территории Крыма начинается подготовка улемов, формируются такие традиционные для мусульман институты, как мечети, медресе, мектебе, текке и т.д. В XV - начале XVI вв. Золотая Орда распалась на ряд государств — Крымское, Казанское, Астраханское ханства, Ногайская Орда и др., которые унаследовали многие элементы ее политической, государственной и религиозной системы.

Источники и литература.

1. Акчокраклы О. Старо-Крымские и Отузские надписи XIII - XV в.в. // ИТОИАЭ. 1927. № 1 (58). С. 8-15.
2. Архимандрит Антонин. Древние акты Константинопольского патриархата, относящиеся к Новороссийскому краю.// ЗООИД. Одесса, 1867. Т.VI. Ч. III. С. 445-473.
3. Бахревский Е.В. Суфизм в Крыму (по материалам «Книги путешествий» Эвлии Челеби) // Проблемы истории и археологии Крыма. 1996. № 1. С. 400.

4. Башкиров А., Боданинский У.А. Памятники крымско-татарской старины. Эски-Юрт // Новый Восток. № 8-9, 1925. С.307.
5. Бушаков В.А. Огузо-туркменский компонент в этногенезі крымских татар//Східний світ. №1, 2002. С. 80-5.
6. Галиахметова Г.Г. Суфизм в Золотой Орде. Казань, 1995.
7. Герасимова М.М., Рудь Н.М., Яблонский Л.Т. Антропология античного и средневекового населения Восточной Европы. М., 1987. С. 56-60.
8. Гордлевский В. Рукописи восточного музея Ялты. // Доклады Академии наук, серия Востоковедение. М., 1927. С.219-223.
9. Греков Б. Д., Якубовский А. Ю. Золотая Орда и ее падение. М., 1998.
10. Григорьев А. П., Григорьев В. П. Коллекция золотоордынских документов XIV века из Венеции. СПб., 2002.
11. Дашкевич Я.Р. Кодекс Куманикус – вопросы возникновения. // Вопросы языкознания. № 4.1985. С. 40-42.
12. Засыпкин Б.Н. Памятники архитектуры крымских татар // Крым. 1927. № 2 (4). С.138-139.
13. Ислам: энциклопедический словарь. М., 1991.
14. Карпов С.П. Трапезундская империя и западноевропейские государства в XIII-XIV вв. М., 1981.
15. Крамаровский М.Г. Золотоордынский город Солхат-Крым. К проблеме формирования городской культуры. // Общeturкская и татарская средневековая археология: научные проблемы и достижения. № 1. Казань, 1997. С. 107.
16. Кульпин Э.С. Золотая Орда. М., 1998.
17. Мелиоранский П. Сельджук-намэ, как источник для истории Византии в XII и XIII вв. // Византийский временник, Т.1, Вып. 1. СПб, 1894. С. 640.
18. Мухамедьяров Ш.Ф. Ислам в Крыму // Боги Тавриды. Очерки истории религии народов Крыма. Севастополь, 1996. – С.180.
19. Почекаев Р.Ю. Суд и правосудие в Золотой Орде. // Правоведение. № 2. М., 2004. С.217-232.
20. Скрынникова Т. Д. Судопроизводство в Монгольской империи // Altaica VII. М., 2002. С. 172.
21. Смирнов В.Д. Крымское ханство под верховенством Османской порты до начала XVIII в. СПб, 1887.
22. Старокадомская М.К. Солхат и Каффа в XIII-XIV вв. // Феодальная Таврика. К., 1974. С. 214-216.
23. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечение из сочинений арабских. Т.1. СПб, 1884.
24. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды: Извлечение из сочинений арабских. Т.2. М.-Л., 1941.
25. Тримингем Дж. С. Суфийские ордены в исламе. М., 1989.
26. Федоров-Давыдов Г. А. Некоторые итоги изучения городов Золотой Орды на Нижней Волге // Татарская археология. 1997. № 1. С. 88-100.
27. Федоров-Давыдов Г. А. Религия и верования в городах Золотой Орды // Историческая археология: традиции и перспективы. М, 1998. С. 29-30.
28. Федоров-Давыдов Г.А. Два клада серебряных монет из Болгара // Нумизматика и эпиграфика. Т.Х.,1972. С.169.
29. Червонная С.М. Мусульманская эпиграфика (резные надгробные камни в Крыму) // Татарская археология. № 1, 1997. С. 117.
30. Эвлия Челеби. Книга путешествия. Крым и сопредельные области. (Извлечения из сочинения турецкого путешественника XVII века). / Пер. и ком. Е.В. Бахревского. Изд. 2-е. Симферополь, 2008.
31. Якубовский А. Рассказ Ибн-ал-Биби о походе малоазийских турок на Судак, половцев и русских в начале XIII в. Византийский временник. 1928. Т. XXV. - С. 69.

ПРОБЛЕМА ДОСТОВЕРНОСТИ ИСТОЧНИКОВ О ПЕРЕЯСЛАВСКОЙ РАДЕ 1654 ГОДА

ВИКТОРОВ Ю.Г.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Из найденных и опубликованных на данный момент источников ни один не считается прямым и неоспоримым свидетельством о Переяславской раде 1654 года [1]. Посольство В. Бутурлина, статейный список которого является наиболее подробным документом о переяславских (и отчасти постпереяславских) событиях 1654 г., не присутствовало на раде, вернее на серии «черных» и «старшинских» рад 8.01.1654 г. Их ход, согласно списку, известен со слов генерального писаря Запорожского войска И. Выговского [2, с. 460]. Свидетельство писаря вполне могло быть записано если не им самим, то работниками войсковой канцелярии, а затем скопировано в выписку из статейного списка, являющуюся самостоятельным документом [3].

Кроме прочего, в статейном списке посольства В. Бутурлина говорилось о том, что казаки перед присягой в Переяславе потребовали аналогичной присяги послов «за царя», гарантирующей сохранение их прав и вольностей. В. Бутурлин дал казакам твердый отказ. Принесение присяги подданным противоречило духу складывающейся абсолютной монархии, поэтому В. Бутурлин уже в Москве удостоился благодарности царя за «сохранение государева чина» [4; 5].

Согласно списку, участники рады, несмотря на отказ послов принести взаимную присягу, с энтузиазмом постановили, что им следует принять подданство единоговерного православного царя. Сходные сведения дают летописи казачьей старшины: одного из участников рады – некоего «Самовидца» (вторая половина XVII в.), а также основанные на этом произведении «Летопись полковника Г. Грабянки» (около 1710 г.) и «Летопись С. Величко» («Летопись событий в Юго-западной России в XVII веке») (1720 г.) [7; 8; 9].

Кроме этого, о воодушевлении, с которым участники рады избрали подданство русского государя, говорят частью подлинные, частью представленные в копиях письма Б. Хмельницкого царю, переписка с ними воевод российских пограничных крепостей, донесения русских разведчиков, записки греческих путешественников, их расспросные речи в Посольском приказе и другие источники¹.

В современной украинской историографии одним из важных аргументов против достоверности описания событий в статейных списках считается нелестная характеристика русских дипломатов сбежавшим за рубеж дьяком Посольского приказа Г. Котошихиным [1; 10]. Однако он говорил только о желании послов приукрасить действительность: *«Пишут они в статейных своих списках не против того, как говорено, прекрасно и разумно, выславляючи свой разум на обманство, чрез чтоб достать у царя себе честь и жалованье большое»* (п. 24 гл. IV) [11, с. 58]. Кроме этого, дьяк рассказал о соглашениях² в составе посольств: *«И те подьячие над послы и над воеводами подсматривают и царю приехав сказывают»* (п. 1 гл. VII) [11, с. 95]. Г. Котошихин описал наказания, предусмотренные для нерадивых дипломатов: *«А иным послом и посланником и гонцом, или и полковым воеводам, за их службы о жалованье бывает указ: на площади перед посольским приказом бьют кнутом, а иных казнят смертию, а у иных отымается честь, и поместья и вотчины, и ссылают в ссылку в Сибирь на вечное житье, з женою и з детьми, в дети боярские, или в казаки, или в какую службу годятся»* (п. 28 гл. IV) [11, с. 61].

Заметим, что в украинской (несоветской) историографии со времени выхода работы А. Яковлева «Украинско-Московские договоры в XVII-XVIII веках» работа Г. Котошихина

¹ См. документы, опубликованные в сборниках «Акты ЮЗР» (1861-1878), «Воссоединение Украины с Россией» (1953-1954).

² До 1654 г., когда эту функцию взял на себя Приказ Тайных дел, надзором за русскими послами занимались дьяки Разрядного приказа, «тайным обычаем» включаемые в состав посольств [12; 13; 14, с. 355-371].

зачастую цитируется выборочно: дается цитата из п. 24 гл. IV, но не упоминаются разъяснения в п. 28 гл. IV и п. 1 гл. VII [10, с. 167; 15].

Кроме этого, нередко цитируемым отрывком в украинской историографии является сообщение Г. Котошихина из п. 29 гл. VII о том, что царь обещал малороссам *«и чинил веру на том, что им быти под его владеньем в вечном подданстве по своим волностям и привилегиям»*, что, на первый взгляд, не согласуется со сведениями В. Бутурлина, отрицавшего принесение им присяги казакам «за царя» [2, с. 464-475; 11, с. 125]. Однако дополнение, что Алексей Михайлович не приносил присяги подданным дано в п. 4 гл. VIII [11, с. 141-142]. Таким образом, произведение Г. Котошихина не опровергает достоверности статейных списков, а подтверждает ее.

Кроме сочинения Г. Котошихина источниками, противоречащими сообщению статейного списка В. Бутурлина, в современной украинской историографии считаются: «послание черныбыльскаго протопопа черныбыльскому подстаросте» от 27.01.1654 г., послания шляхтича С. Павши литовскому князю Я. Радзивилу (от 1 (11).02.1654 г., от 2 (12).02.1654 г. (возможно 7 (17).02.1654 г.), от 11 (21).02.1654 г., от 28.03 (7.04) 1654 г.), так называемая «Реляция» (донесение) монаха Киево-Печерской лавры М. Крыницкого, письмо черниговского воеводы Е. Тышкевича коронному канцлеру С. Корицинскому от 1.03.1654 г. (нов. Ст.), периодические издания (газеты) 1654 г.

Письма С. Павши известны по работе В.К. Липинского «Украина на переломе 1657-1659 годов» (1912-1920 г.), IX тому «Истории Украины-Руси» (1928 г.) М.С. Грушевского, современным публикациям украинского историка Ю.А. Мыщыка [1; 6, с. 55-66; 16, с. 768-769].

В письме С. Павши от 1 (11) февраля 1654 г., хранящемся в Национальной библиотеке в Варшаве, сообщалось, что в Переяславе вели к присяге *«людей высших и низших чинов, одних добровольно идущих, а других подневольно и принужденно»* [17]. Сходные сведения находят в «Реляции» монаха Печерского монастыря М. Крыницкого, которая в переводе О.М. Бодянского с польского на русский язык публиковалась в «Чтениях Императорского Общества истории и древностей» (1861 г.) и в «Русском архиве» (1893 г.), а в переводе на украинский язык – М.С. Грушевским в IX т. «Истории Украины-Руси» (1931 г.).

Информация «Реляции» о раде столь неточна, что стоит привести ее полностью: *«Донесил, что послы московские: князь, которого имени не помнит, думный дьяк Семен Федорович (выделено мной. – Ю. В.) и архимандрит с монахами въехали в Переяслав пятого января по старому календарю. На бывшем в это время водосвятии совершал богослужение архимандрит московский. На другой день Хмельницкий приехал в Переяслав и созвал народ на раду. Здесь он объявил свою волю, что, обдумавши хорошо, он избрал государем царя московского. Народ отвечал, что он повинуется воле старших. 8-го числа по старому календарю Хмельницкий сам-друг (вдвоем. – Ю. В.) с Выговским присягнул в соборной церкви на подданство царю московскому; взаимно присягли послы ему и вручили от царя хоругвь, булаву и богатую шапку. 9-го числа присягали полковники: Дзедзяла, Тетеря, Переяславский, нежинский, прилуцкий и другие, которых не знает. Старого переяславского войта (главу магистрата. – Ю. В.) принесли больного в церковь на кровати, чтоб присягнул; на другой день после присяги он умер. Богуна, говорит, не было. Договорные статьи послали царю, но какие в них изложены условия не знает»* [18].

На самом деле боярин В. Бутурлин, окольный И. Ольферьев, думный дьяк Л.Д. Лопухин и архимандрит Прохор приехали в Переяславль 31 декабря; в церемонии Водосвятия они участвовали утром 6 января; вечером того же дня приехал гетман. Рада состоялась не 6, а 8 января и, согласно статейному списку В. Бутурлина, а также «Летописи Самовидца» [7], Б. Хмельницкий не объявлял своей воли о выборе «московского царя», так как предпочтение ему отдала сама рада. Присяга приносилась в тот же день, причем, «веру дала» почти вся старшина, а не только гетман и генеральный писарь. 9 января к присяге приводили оставшуюся часть казаков, а также мещан. Согласно статейному списку, послы ответной присяги не давали [2, с. 423-469].

Для ряда украинских историков, буквально понимающих текст документа [6], информация «Реляции» об ответной присяге является ее прямым доказательством, хотя

В. Бутурлин подчеркивал, что на неоднократные требования казаков послы отвечали отказом [2, с. 464-466]. Ситуация проясняется, если учесть характер этого источника, представляющего отредактированные поляками протоколы допросов М. Крыницкого в луцком суде.

В названии документа стоит ошибочная дата выезда М. Крыницкого из Киева – 15 января (по старому стилю), хотя в тексте сказано, что монах выехал 13 января. Время создания «Реляции» неизвестно. Скорее всего, она составлена через некоторое, должно быть, продолжительное время, после приезда М. Крыницкого в Луцк, так как во вступлении упоминается, как подобные ему монахи *«по всем Поветовым судам делали объявления»* о желании духовенства присягать на верность московскому государю [18, с. 5]. На это же указывают воспоминания М. Крыницкого, основанные на смешанных слухах о составе посольства В. Бутурлина (верно упомянуты **«архимандрит с монахами»**) и русских военачальниках – князе Федоре **Семеновиче** Куракине с думным дьяком Федором **Федоровичем** Волконским, которые в Путивле с войском ждали приглашения Б. Хмельницкого на въезд. В соответствии с царским указом, гетман узнал о Ф. Куракине от В. Бутурлина после присяги (10 января). По просьбе посла в Киев после 11 января был отправлен гонец в сопровождении посольских дьяков, чтобы горожане приготовились к прибытию войск [2, с. 471-473]. Вероятно, М. Крыницкий не слышал даже имени и отчества Бутурлина, которые труднее было забыть из-за их совпадения¹, чем отчество Куракина и отчество Волконского, слившиеся в инициалы «думного дьяка Семена Федоровича» (возможна также перемена местами имени и отчества Ф.С. Куракина).

Признаком позднего составления «Реляции» является отправная точка, которая помогла М. Крыницкому вспомнить примерный порядок событий. Монах зафиксировал в памяти участие московских священников в служении на праздник Богоявления. Однако чин Великого освящения воды совершается не только в само Крещение, но и в Крещенский сочельник – день, предшествующий празднику. М. Крыницкий не помнил, когда конкретно «москвиты» участвовали в Водосвятии, поэтому, вспоминая порядок событий, отталкиваясь от неверной даты 5 января по старому стилю.

Еще один признак позднего составления и редакции документа – упоминание присяги послов и договорных статей, посланных царю. «Мартовские статьи Б. Хмельницкого» были составлены и отправлены только 17.02.1654 года [6, с. 103-108; 20]. М. Крыницкому могло быть известно об отправке неких гетманских (на деле – благодарственных грамот) и посольских (на деле – отписок) бумаг в Москву [21; 22]. К моменту выезда монаха (после известий о приближении Ф. Куракина и до прихода точных известий о В. Бутурлине) в Киеве могли ходить только слухи, что от послов требуют ответной присяги и письменного подтверждения «за царя» казацких прав и вольностей. Последнюю попытку добиться этого казаки предприняли 12.01.1654 г., но получили очередной отказ [2, с. 464-475]. Ко времени прихода сведений об этом в Киев (учитывая расстояние и средства сообщения) монах должен был уехать.

Позже первичные слухи, которые привез М. Крыницкий в Луцк «подтвердились» сведениями польской разведки об отправке казаками в Москву неких статей (на деле «Мартовских прошений Б. Хмельницкого»). В итоге недостоверная информация получила видимость реальных фактов.

Вопреки установившемуся мнению, запись о смерти войта в «Реляции» еще не свидетельствует о сопротивлении его или мещан Переяслава присяге (о них в документе вообще не говорится). Передатировка дошедшей редакции документа на время после отсылки «Мартовских прошений» дает возможность утверждать, что М. Крыницкий только уточнял информацию, уже известную полякам по сведениям засланных агентов. В опубликованном Ю.А. Мыщком варианте письма С. Павши от 7 (17).02.1654 г. (возможно от 2 (12).02.1654 г.) из Краковского архива говорится, что безымянный переяславский войт

¹ В первых письмах С. Павши от 1(11) и 7(17).02.1654 г. без упоминания фамилий говорилось одновременно о воеводе Василии Васильевиче и главе посольства воеводе Миките Микитиче (том же В.В. Бутурлине, информация о котором в памяти агента С. Павши редуцировалась до совпадения имени и отчества, а также правильно названной должности). Точная информация о посольстве была получена С. Павшей только 11(21).02.1654 г. из так называемого «письма черныбыльского протопопа от 27.01.1654 г. ст. ст.» [1; 19].

«(аж) заболел, когда его, больного, было приказано привести к церкви Пречистой Богородицы. Он должен был принести присягу, но с расстройства умер на третий день после этой присяги» [23]. М. Крыницкий не мог знать о смерти войта, если бы тот умер на третий день, потому что ко времени прихода этих сведений в Киев монах должен был уже уехать. Таким образом, менее драматичное описание монаха должно быть ближе к истине¹. Стари́ка (по доброй воле?) приносят на кровати, он умирает без продолжительной агонии на следующий день. Что касается С. Павши, то он, вероятно, получил между 1 (11).02.1654 г. и 7 (17).02.1654 г. преобразенные слухи о смерти войта, а затем соединил их со слухами о принудительной присяге части мещан Киева², которые (как будет показано далее) он принимал за сведения о присяге в Переяславе.

М. Крыницкий отправился в Луцк 13.01.1654 г. Для того, чтобы заявить о нежелании киевского митрополита, Печерского архимандрита «и всего духовенства» присягать московскому государю³. В рамках картины лояльности малорусского духовенства и его паствы властям Речи Посполитой в «Реляции» также рассказывается, что решение о принятии русского подданства исходило от Б. Хмельницкого и полковников, а народ лишь «повиновался воле старших». С другой стороны, монах не говорил о принуждении мещан к присяге в Переяславе или других местах, впрочем, как и о самой их присяге.

Таким образом, нет оснований считать этот документ заслуживающим безусловного доверия источником. Но (с учетом особенностей возникновения «Реляции» и при сопоставлении с другими документами) она может служить вспомогательным источником по истории событий начала 1654 года.

Кроме «Реляции» М. Крыницкого выражение лояльности духовенства властям Речи Посполитой, наряду с упоминанием принудительной присяги в Киеве и Чернобыле, находят также в письме безымянного чернобыльского протопопа, которое было получено С. Павшей 11 (21).02.1654 года. Послание известно в трех основных польских копиях XVIII в. Первая, из собрания Замоиских в Варшаве, публиковалась на польском и в переводе на русский язык О.М. Бодянским (1861 г.) и Г.Ф. Карповым на русском языке в Актах ЮЗР (1878 г.). Вторая, из собрания Русецких в Краковском архиве, в сокращении и переводе на украинский язык цитировалась В.К. Липинским (1920 г.). В полном виде на польском языке и в новом переводе на украинский язык в недавнее время она опубликована Ю.А. Мыщыком. Третья, из библиотеки Чарторийских в Кракове (так называемых «Тек Нарушевича»), также опубликована на польском и в переводе на украинский язык Ю.А. Мыщыком [26]. Известен также «объединенный перевод» списков документа на украинский язык, сделанный М.С. Грушевским в IX т. «Истории Украины-Руси» (не приведя польских вариантов документа, М.С. Грушевский в своем «переводе» удалил все разночтения, позволяющие определить вероятное авторство и обстоятельства составления протографа «письма протопопа») [16, с. 768-769].

Список из собрания Замоиских датируется копиистом 22.01.1654 г. (ст. ст.), хотя в тексте есть дата приезда царского стольника: *“dwadciat szostoho Januaryi”*, то есть 26.01 [19, с. 2]. Анализ показывает, что копия, вернее компиляция, состоит из двух частично нало-

¹ В тексте «Реляции» нет указаний на доставку монаху, находившемуся в польской тюрьме, сведений от киевского митрополита. После расстановки казаками и московскими воеводами новых пограничных застав, пресекавших попытки сношения с властями Речи Посполитой, это стало крайне небезопасно для возможных гонцов С. Косова (подробнее о пограничных заставах см. далее).

² Если в письме С. Павши от 1(11).02.1654 г. говорится только, что в Переяславе вели к присяге *“людей вышних и низших чинов, одних добровольно идущих, а других под принуждением”*, то в письме от 7(17).02.1654 г. перед введенным в текст рассказом о смерти войта уточняется: *“После принесения присяги (Хмельницким и полковниками) переяславских мещан гнали к присяге, которой они очень противились”* [23; 24].

³ Позиция той части малороссийского духовенства, которой приходилось создавать видимость активного сопротивления принятию царского подданства, была крайне сложной и в то же время понятной современникам. После войны 1648-1654 гг. большая часть владений и паствы Киевской митрополии остались в составе Речи Посполитой. Демонстрация симпатии в отношении России могла повлечь очередные конфискации имущества Православной церкви польскими властями, ускорение темпов внедрения униатства. Кроме этого, малороссийские церковные иерархи опасались потери должностей в результате подчинения Московскому патриархату. Киевский митрополит С. Косов открыто говорил об этом и российским, и польско-литовским властям [2, с. 482; 25].

женных, но одновременно обособленных по информации и стилю частей. В обращении к черновыльским старосте и подстаросте протопоп говорит: «Едва ли уже не в последний раз пишу к Вашим милостям, моим милостивым панам, желая вам доброго здоровья, и Вас самих, конечно, в последний раз в Чернобыле **видел**» (выделено мной – Ю. В.)¹.

Затем говорится о принудительной присяге киевлян и предполагается, что так могут поступить с черновыльцами. По изложению слухов о численности русских и казацких сил, которых советует «ождать к себе в скором времени», автор просит: «Ко мне сохраняйте свою панскую милость, чтобы жизнь моя в Чернобыле находилась, при вашем заступлении, в безопасности; потому что мне не на чем вывезти своих детей, и поэтому живу здесь» [19, с. 4].

Далее замечен логико-хронологический разрыв первой части. В последующей вставке подстаросте сообщается, что город уже занят стольником Белошерстовым и добавляет: «Ты хорошо сделал, что не прибыл к нам, потому что попал бы в руки неприятеля. Пять хоругвей уже получили было весть о тебе и подстерегали». Затем просьба: «...напиши от меня как можно скорее, к пану старосте, чтоб никуда не завозил моего Иванка, а прислал бы его ко мне, хоть пешком» [19, с. 4]. В конце послания идет возврат к теме принуждения мещан (в современной украинской историографии иногда высказывается мнение, что черновыльских мещан) к присяге.

Хорошо заметно, что к основной части списка, где излагаются привезенные из Киева вести, должна относиться дата 22 января. Тогда еще не приехал царский стольник², и в городе были польские власти, которые могли покровительствовать священнику. Фраза «много было плачу, когда мещан гнали к присяге» в конце списка может быть связана только со вступительным рассказом о присяге киевлян. В нем протопоп только предполагает такое развитие событий для Чернобыля. Вставка второй части сделана (редактором текста) после 26 января, когда протопоп узнал о приезде стольника и его попытках поймать подстаросту. Староста к этому времени увез поповича Иванку в неизвестном направлении.

Скорее всего, первое известие от 22.01 было отправлено подстаросте с поповичем, а не доставлено самим протопопом. С. Павша, у которого в итоге оказалось «послание (а скорее – послания) протопопа», говорит, что священник, как и многие богатые мещане, уехавшие из Чернобыля, жил в шести милях от города в местечке под названием «Точистый лес» [24].

¹ Возможно, что при переводе фразы протографа, которая, вероятно, звучала как «...пишу, i здоров'я доброго вам бажаю i вас самих конечно остатній раз у Чорнобилі через складність бачив» («...пишу и здоровья хорошего вам желаю и вас самих, конечно, последний раз в Чернобыле благодаря удаче видел») составитель списка Замойских перевел «бажаю» как «nawieźają» (правильно: nawidzam – желаю). Издатель списка Замойских О.М. Бодянский, несмотря на то, что в польском варианте документа слово «nawieźają» относилось к пожеланию доброго здоровья («Bez mała już nie ostatni raz do W. Mościów M. M. Panów piszu i zdrowia dobrego nawieźają, u was samych koniecznie ostatni raz w Czarnobyli ohledaju») перевел фразу как «Едва ли уже не в последний раз пишу к Вашим Милостям, моим милостивым Панам, желая Вам доброго здоровья, и Вас самих, конечно, в последний раз в Чернобыле **навещаю**» (выделено мной – Ю. В.), не дав при этом перевода «повторяющегося по смыслу» последнего слова предложения – «ohledaju». Это повтор кажущийся, т. к. составитель (составители?) списка (копии) Замойских не знал правил перевода глаголов польского языка в прошедшее время, о чем говорит весь текст документа, где польские глаголы в прошедшем времени имеют русские окончания, либо передаются польскими деепричастными оборотами. Ниже О.М. Бодянский отметил эту особенность, поэтому, например, фраза «Sam ohledajuczy oczyma moimi nieszczasnymi, jako Moskwa na Kijów naiezdźala» переведена им как «Я сам несчастными своими очами видел, как Москвитяне въезжали в Киев». В списке Чарторыйских в обоих случаях используется правильный глагол «ogłądałem» (видел). Показательно также, что в нем слово «пишу» стоит в 1-м лице настоящего времени – «piszę». В списке Русецких видна промежуточная ошибка. Его лаконичный, но недостаточно знакомый с малорусским диалектом составитель стремился удалить «лишние» слова. Так, слово «конечно», констатирующее неизбежность смены польских властей московскими, было удалено «как повторяющееся» фразу «остатній раз». Аналогично в этом же предложении были совмещены слова «складність» (удача) и «бачив». Получилось «składałem» (пр. вр. от składać – собирать). Кроме этого, копиист списка Русецких, поставив «правильные» в случае «навещания здоровья» (но такое выражение не используется в малорусском диалекте) падежи изменил пожелание доброго здоровья: «...i zdrowie waszoje naweczaju».

² Василий Петрович Кикин, которого в списке из собрания Замойских ошибочно называют Белошерстовым, выехал из Киева после 17 января. Чернобыль стоял в конце списка из 22 городов и местечек, которые предстояло посетить стольнику [27].

Это объясняет, почему протопопу понадобилось просить в письменной форме протекции представителей власти, которых он **видел**, а не навещал (или собирал) «*едва ли уж не в последний раз*» по возвращении из Киева, вместо того чтобы прямо или через жену обратиться к своему шурину-подстаросте. Это также объясняет, как в окружении старосты, уехавшего из города, оказался попович, и почему протопоп во втором послании еще не может указать правильной фамилии стольника.

По ряду этих и других признаков список Замоиских является наиболее ранней из сохранившихся копий. В других списках отсутствует вступительное обращение к чернобыльскому подстаросте, нет упоминаний о поповиче Иванке. В списке Замоиских говорится о стольнике Белошерстове, в списке Русецких – о Кукине, в списке Чарторийских – правильно о Кикине. В списке Замоиских нет упоминания о принятой стольником присяге во всех окрестных селах и местечках. Также по списку Замоиских предположительной целью казаков был Смоленск, а в других вариантах письма уточняется, что к Смоленску идет войско царя, а казаки направились против Орды. Показателен язык копий: список Замоиских написан (латиницей) на полонизированном малороссийском диалекте, в списке Русецких польских слов намного больше, а текст из библиотеки Чарторийских написан на польском языке¹.

По всей видимости, список из собрания Русецких, датированный, как и список Чарторийских, 27-м января, является промежуточным вариантом послания. Кроме особенностей языка, датировки, исчезновения личных обращений, почти верно переданной фамилии стольника, в нем содержатся и другие признаки этого, например, ошибки при копировании отрывка о численности русских сил. Так, переписывая фразу “*Wojewoda na Kijow Moskowski idet we stu tysiaczy: Niemcow piet desiat tysiacz, Moskwy tolkoż, których hosty...*” («Московский воевода идет на Киев со ста тысячами: немцев пятьдесят тысяч, Москвы столько же, которых гостей...») [26], копиист изменил текст, в результате чего получилось: “*Wojewoda moskiewski na Kijów idę w stu tysięcy nimcow po desiat tysięcy moskwy, tylkoż których hostej...*” («московский воевода идет на Киев со ста тысячами немцев, по десять тысяч² москвы, столько же которых гостей...») [26]. Также в списке дана информация, которая могла появиться не ранее середины февраля 1654 г. – упоминание застав, «стоящих всюду» и связанной с этим опасности, грозящей протопопу. Царский приказ «от польсково и от литовско-го рубежа по всем дорогам, и по малым стежкам, и по приметным по всем местам учинити заставы и сторожи крепкие» для ловли, дальнейших пыток и казни лазутчиков поступил воеводам только 30.01 (9.02).1654 г. (до выхода русских войск из Путивля)³.

В списке Русецких днем приезда Кукина (В. Кикина) в Чернобыль называется 24 января. Вероятно, новая дата была включена в текст вместе с новой запиской протопопы, занявшей место просьбы о поповиче Иванке. Преодолевший заставы протопоп, пребывающий в Чернобыле «под страхом смерти», прощался в записке «последним плачем» со своими господами, умолял не отправлять к нему больше никаких листов, «чтобы не сгинуть напрасно» [26].

Примечательно, что в отредактированном тексте нет противоречащих друг другу фраз «не знаю, что будет с Чернобылем, верно то же самое будет» в начале списка и «много было плачу, когда мещан гнали к присяге» в его конце. Их удалением редактор решил проблему кажущегося смыслового несоответствия, возникшего в результате разрыва текста первого письма о киевской присяге «молением» о поповиче Иванке (которое начиналось сообщением о приезде Белошерстова (В. Кикина) в Чернобыль), а в списке Русецких – «по-

¹ На это же обращает внимание и публикатор списков Ю.А. Мыщык [1].

² В исходной копии числительное малороссийского диалекта п'ятдесят передано польскими буквами, поэтому вместо правильного польского pięćdziesiąt стоит piet desiat. Во время копирования в список Русецких (вероятно, сделанное поляком или литовцем, недостаточно знавшим малорусский диалект) было «исправлено»: po desiat. Затем «для смыслового соответствия» копиист исправил пунктуацию (примером аналогичной проблемы с пунктуацией является хрестоматийная фраза «казнить нельзя помиловать»).

³ До этого времени (в связи с чумой, вспыхнувшей в Малороссии и по ряду других причин) осенью 1653 г. Б. Хмельницким и русскими властями были «учинены заставы» по границе с Московским государством. Эти заставы не имели отношения к границе между территориями, подвластными гетману, и польско-литовским властям [28; 29; 30].

следним плачем» протопопа (с сообщением о приезде Кукина). Вместо предположений о судьбе Чернобыля в начале списка (после сцены киевской присяги) появилось: *«а тут все места и местечки присягали»*. Но теперь возникло новое несоответствие – противоречие задачам, которое было вложено в письмо составителем списка Замоиских, создавшим из двух одновременных сообщений протопопа сказку о сопротивлении присяге в Чернобыле. В списке Русецких получилось, что в Киеве *«только духовенство не присягало, а тут (в районе Чернобыля. – Ю. В.) все места и местечки присягали»* [26].

В списке из собрания Чарторийских, который составлен как на основе списка Замоиских, так и списка Русецких, дается другая дата приезда стольника – 6 января, причем уточняется, что это был четверг. Хорошо видна ошибка редактора, забывшего при правке даты с 24 на 26 января¹ и переводе ее на новый стиль сменить январь на февраль. Это подтверждается тем, что из возможных вариантов (26.01 и 6.02), с учетом выезда В. Кикина из Киева после 17 января [2, с. 480], четверг выпадает только на 26.01.1654 г. по новому стилю².

Неудачно введенная поправка должна была решить проблему датировки. Проблему смыслового противоречия копии Русецких задачам исходной копии Замоиских третий редактор «закрыл» тем, что оставил в тексте все три фразы – как включенную, так и ранее удаленные. В результате этого в списке Чарторийских получилось, что гетман *«угрозой карания мечом»* заставил присягнуть не только Киев, но также *«все места и местечки»*, включая Чернобыль, в котором *«много было плачу, когда мецан гнали к присяге»*. При этом сомнения «автора» текста остаются в силе: *«Не знаю, что с Чернобылем будет делаться, вероятно, это же собираются сделать»* [26].

Для того чтобы решить проблему авторства и порядка редакции текстов «письма протопопа», большим подспорьем является уже упомянутое письмо С. Павши от 11 (21).02.1654 года. В нем шляхтич сообщает князю Я. Радзивилу: *«Сегодня мне принесли этот лист. Прочитав его, я тут же посылаю ради лучшей осведомленности... как сам оригинал мне выданного листа, так и его копию, которую я переписал»* [24]. На первый взгляд речь идет о письме, а также копии, сделанной С. Павшей с оригинала. Однако, как уже показано выше, «оригинал» выданного шляхтичу текста, представлявший не слишком удачно скомпилированные послания протопопа, вероятно, создавался и редактировался в период между 22.01 и 11.02 1654 г. (по старому стилю) и как единый документ не существовал. Наличие предшествующих писем С. Павши, тон которых говорит о близких отношениях с князем, позволяет утверждать, что Я. Радзивил хорошо знал почерк своего респондента. Поэтому, в том случае, если шляхтич отсылал первичную копию, не имело особого смысла добавлять, что он был ее создателем; князь догадался бы об этом сам. Окончание фразы С. Павши имеет смысл в случае, если вместе с «оригиналом» письма он получил изготовленную кем-то копию, содержащую новые, расходящиеся с прежними сведения. При редакции текста, не соответствующего представлению о широком сопротивлении присяге царю на Украине, шляхтич мог очистить документ от «украинизмов», а также перевести даты на новый стиль, сделав документ более понятным для восприятия адресатом³.

Таким образом, лист из библиотеки Чарторийских отождествляется с копией, созданной С. Павшей на основе «оригинала» и присланного с ним списка. В свою очередь, этот список, редактором которого мог быть чернобыльский подстароста, служивший при С. Павше, отождествляется со списком Русецких. После введения застав, между подстаростой и протопопом не было прямой связи; ее поручили некоему лицу, встреча с которым произошла в Чернобыле. Опасность была настолько велика, что протопоп просил не отсылать к нему больше никаких листов. Неизвестный посредник в условиях широко развернутой деятельности запорожской и московской контрразведок [12; 13; 33] также должен был свести риск передачи к минимуму, скомпилировав для этого сведения протопопа в один до-

¹ Точная дата приезда В. Кикина в Чернобыль неизвестна.

² Сверка дат 1654 г. произведена с помощью программы «Вечный календарь» и по «Літописцу» Дворецких, где есть «опорная» дата 1654 г., связанная с астрономическим явлением: *«Того ж року м[ісяця] августа второго дня в середу слонце мінілося з полудня на три годин»* [31; 32, с. 230].

³ Ошибки при переводе дат со старого на новый стиль, сходные допущенной в списке Чарторийских, встречаются также в письмах С. Павши от 1(11) и 7(17).02.1654 г.

кумент, чтобы переправить его через поставленные заслоны. Эта компиляция известна нам как список (вероятно, с оригиналов посланий протопопа) из собрания Замойских¹.

Насколько редкими для поляков были удачное получение и отправка разведанных, показывают письма самого С. Павши. Шляхтич убеждает Я. Радзивила, что от засланной в Киев агентуры тот может иметь верные сведения – «как если бы своими глазами изволил все это видеть» [17; 23]. Но и во второй половине февраля С. Павша не знал правильных имен и званий русских послов, даты и хода переяславской присяги², времени приезда В. Бутурлина в Киев, времени выезда стольника (а не воевод) в Чернобыль и т. д.

Шляхтич путался даже в информации, которая, по словам издавшего его письма Ю.А. Мыщыка, «должна быть ему известна как человеку, знающему киевскую округу как свои пять пальцев»³. Так, С. Павша явно смешивал информацию о событиях и местах в Переяславе и Киеве, чему способствовало совпадение некоторых обстоятельств. На рыночных площадях, которые в этих городах располагались вдоль береговых обрывов, граничащих с пустырями, к 1654 г. были отстроены церкви, посвященные Богородице. В Киеве это был кирпичный доминиканский костел св. Николая (бывш. Девы Марии) [36, 37]. После пожара 1651 г. он был отстроен в виде православного собора Пресвятой Богородицы. Именно там «давали веру» киевские «мещане и народ» (посполство), что подтверждает «Летописец» участника событий киевского полковника В. Дворецкого (писавшего также, что казаки присягали в церкви Воскресения Господня – то есть церкви Богоявления в Братском монастыре)⁴. В письме С. Павши от 7 (17).02.1654 г. говорилось о двух киевских церквях: церкви Пречистой Богородицы на рынке⁵, в которой присягал киевский магистрат, и церкви Пречистой Богородицы «на Барезки»⁶, где присягала часть киевских мещан. В Переяславе каменный собор, лежавший в развалинах с 1239 года [38], в середине XVII в. был использован как фундамент нового Успенского войскового собора Пречистой Богородицы⁷. Согласно письмам С. Павши, туда насильно сгоняли на присягу переяславских мещан.

Обратим внимание: как с польского, так и украинского языка слово «отстроенный» («murowanej» и «мурованій» соотв.) можно перевести и как «кирпичный». Однако восстановление здания не предполагает обязательное использование кирпича, а Переяславский собор был отстроен из дуба на старом кирпичном фундаменте [40]. Таким образом, совпадение топографических деталей в донесениях польских резидентов могло усугубиться двойным значением некоторых слов (кроме этого, бросается в глаза использование

¹ Публикатор списков Чарторийских и Русецких Ю.А. Мыщык утверждает, что все ошибки в датировке и описании событий, а также различия в языке текстов «письма чернобыльского протопопа» являются результатом случайных ошибок польских копиистов XVIII века. Однако комплексный анализ списков документа и сопоставление их с другими источниками (письмами С. Павши, статейным списком В. Бутурлина, «Реляцией» М. Крыницкого и др.) выявляют определенную систему несоответствий, дающую возможность выяснить обстоятельства возникновения и порядок редакции списков, а также их авторство. Косвенно это подтверждается тем, что М.С. Грушевский, давая «усредненный и объединенный» перевод списков «послания», вместо того, чтобы опубликовать их на 70 лет раньше Ю.А. Мыщыка, намеренно удалил именно те «случайные ошибки», которые давали возможность перекрестного сопоставления источников. Примечательно, что современные публикаторы текста, уже отредактированного М.С. Грушевским, провели его очередную редакцию [16, с. 768-769; 34].

² О состоявшейся раде в письмах С. Павши, как и в письме чернобыльского протопопа, информации нет.

³ Опубликовавший письма С. Павши Ю.А. Мыщык, стремясь придать дополнительный вес сведениям шляхтича, подчеркивает, что тот был православным украинцем. Однако в генеалогическом справочнике украинских шляхетских родов В. Кривошеи (рецензентом которого был сам Ю.А. Мыщык) такой шляхтич не упомянут. В польских документах С. Павша значится либо как ротмистр, либо как полковник королевского войска [1; 6, с. 62; 35].

⁴ «А в Києві генваря шестогонадцят дня Боярин Василей Василович Бутурлин присяги казаков и мещан слухав. Козаки присягали у Воскр[е]с[е]н[и]я Г[оспо]дня, а мещане з посполством всім у Соборной ц[е]ркви Пресвятой Б[огороди]ци на rynku умуровляной» [32, с. 229].

⁵ В варианте письма от 11(21).02.1654 г. из собрания Замойских С. Павша, говорит о присяге «на рынке в Переяславе» [24].

⁶ Что скрывается под этим названием неясно. Скорее всего, имелась в виду береговая полоса над Днепром, где на рынке и стояла церковь Пресвятой Богородицы.

⁷ Подробное описание этого неоднократно горевшего, перестраивавшегося, заметно обветшавшего ко второй половине XIX в. здания и его расположения, во многом сходного с расположением киевской церкви Пречистой Богородицы (рынок, берег, пустырь) дали историки М.А. Максимович и Н.И. Костомаров [39; 40].

С. Павшей названий церквей, которых не было в Киеве и Переяславе – например, «церковь Св. Микиты»¹).

Выдвинутое предположение подтверждается датировкой событий в письмах С. Павши. По его утверждению, присяга в Переяславе состоялась 27 января, а приезд В. Бутурлина в Киев – 6 февраля. Нетрудно понять, что шляхтич, имея дело со сведениями, полученными из разных источников, в первом случае перевел с Юлианского на Григорианский календарь дату киевской (а не переяславской!) присяги мещан – 17 января. Во втором случае С. Павша явно имел дело со сведениями из третьих рук, так как дата приезда В. Бутурлина в Киев была дважды переведена со старого на новый стиль².

Основанные на слухах письма С. Павши по достоверности материала о переяславских событиях проигрывают даже «Реляции» М. Крыницкого. Если монах верно говорил, что гетману передали от царя хоругвь, булаву и богатое жалованье, то у С. Павши знаки власти превратились в личные подарки. У него вместо булавы гетман получает булатную саблю (в письме от 7 (17).02 1654 г. уже все-таки булаву!), а о знамени не говорится совсем [17; 18; 23]. Монах лучше ориентировался в именах старшины. Он не именовал киевского полковника³ (что странно для киевлянина) и считал разными людьми П. Тетерю и переяславского полковника, но все же не путал, как С. Павша, П. Тетерю с нежинским полковником И. Золотаренко, шурином гетмана.

Несмотря на многочисленные неточности в «Реляции» М. Крыницкого, а также письмах С. Павши и отредактированном им «письме черныбыльскаго протопопа», сравнение содержащейся в них информации со статейным списком посольства В. Бутурлина дает важные результаты.

Черныбыльский протопоп утверждал, что был свидетелем приезда В. Бутурлина в Киев, однако его описание встречи послов отличается от статейного списка. В. Бутурлин говорил, что его встреча с митрополитом и печерским архимандритом состоялась при подъезде к Киеву *«не доезжая городского валу, от Золотых ворот версты с полторы»*. Дальше *«митрополит поехал к церкви Софеи премудрости божий, а боярин Василей Васильевич с товарищи ехали за ним в санях»* [2, с. 479]. По рассказу протопопа встреча состоялась в Золотых воротах, причем посольство передвигалось пешком [19, с. 1-2]. Однако В. Бутурлин не мог позволить урон чести государя, которого представлял; речь шла о благополучии посла и его семьи. Расхождение в версиях говорит о том, что протопоп, следуя указаниям митрополита и архимандрита, завуалировал перед поляками торжественность встречи послов. Положение, в котором оказалось малороссийское духовенство, опасавшееся и короля, и царя, и гетмана (с трудом воплотившего «московский проект»), отразилось на посланиях протопопа, как и на «Реляции» М. Крыницкого.

В духе взятого иерархами курса в письме говорится, что Б. Хмельницкий, который *«сам присягнул со своим войском»* затем *«сурово привел город Киев под угрозой карания мечом к тому, чтобы присягли»*, а также подчеркивается, что *«только духовенство не присягало»* [26].

Согласно статейному списку сопротивление присяге в Киеве было только со стороны митрополита С. Косова, архимандрита Печерского монастыря И. Тризны, их челяди, части «антимосковски» настроенной шляхты и мещан. Сам митрополит объяснял: *«...шляхты де, и слуг, и всех дворовых людей к вере прислать ему нельзе, — под паствою де моею многие епискупы и всякое духовенство в литовских во многих городех. И как де уведает про то литовской король, что он шляхту и дворовых своих людей к присяге посылал, и тех епискупов и духовенство все велит порубить, и тех де души всех бог взыщет»* [2, с. 482]. Однако из текста можно понять, что рядовое духовенство, во всяком случае, в Киеве, «веру учинило» еще 17 января [2, с. 480-481].

¹ По аналогии с именованием Василия Васильевича Бутурлина «Микитой Микитичем» в письмах С. Павши возможен вариант именования церкви Св. Василия (Братского монастыря) церковью Св. Микиты.

² В ранних письмах С. Павши говорится о 22 января и 3 февраля. Вероятно отсчет событий здесь (с теми же ошибками перевода с Юлианского на Григорианский стиль) ведется от даты прихода сведений о переяславской присяге в Киев (12 января) и даты выезда В. Бутурлина из Переяславля (14 января).

³ Киевским (наказным) полковником был в то время некий Ефтифей [2, с. 478].

В первом письме С. Павши говорится, что поскольку «управление и весь народ противились, то казаки гнали их к присяге». В следующем уточняется: «Весь киевский магистрат и народ весьма противились и не хотели идти, но их, как быдло, гнали козаки», а также что «они, присягая, не назывались своим собственным именем, которое дано было им при крещении» [17; 23].

На первый взгляд, сведения С. Павши и здесь противоречат сведениям В. Бутурлина. Ситуация осложняется тем, что в статейном списке утрачена часть информации о событиях 18.01.1654 года. Рассказ о визите подьячего И. Плакидина к митрополиту с убеждениями не препятствовать присяге неожиданно обрывается; затем идет окончание фразы «...свою выконали, а которые бы не были зычливыми, тогда таковые не уйдут с роково каранья». В переводе на современный русский язык это означает: «...свою закончили, а те, кто не были искренними, не избегнут роковой кары». После этого рассказывается, как И. Плакидин призывал, чтобы митрополит и архимандрит «однoлично (собственноручно. – Ю. В.) шляхту, и слуг, и дворовых людей, и мещан к вере прислали не мешкая, чтоб они по гетманскому письму присягу свою все выконали» [2, с. 480]. Тем же днем к митрополиту ездил думный дяк Л. Лопухин, угрожавший, что сопротивление может повлечь гнев гетмана.

Разгадка кроется в описании 19 января, когда (считается, что неожиданно) «к боярину к Василью Васильевичу Бутурлину с товарищи киевской митрополит Селивестр и печерской архимарит Иосиф прислали к вере шляхту, и слуг, и дворовых своих людей и имяна им все прислали ж» [2, с. 482]. Окончание записи проясняет то, о чем говорил агент С. Павши. «Приняв веру» основной части киевлян, русский посол ожидал присяги от окружения митрополита и архимандрита, о чем сообщил им вечером 17 и утром 18 января. Ответа не последовало и казаки (об этом говорит С. Павша и протопоп) принудили несогласных к присяге¹. Тогда клявшиеся киевляне, воспользовавшись отсутствием «чиновных книг», «не назывались своим собственным именем».

Почему активно противилась присяге часть киевского мещанства и дворянства, в особенности, если учесть слухи о подтверждении их прав и вольностей присягой послов и договорными статьями в Переяславе? В отличие от церковных иерархов, они не имели выраженных мотивов сопротивления. Русские послы прямо обвиняли митрополита и архимандрита в «наговаривании мирских людей к развратью» [2, с. 480]. Сведения польских агентов в окружении митрополита (в их числе был черныбыльский протопоп), говорят нам, какие слухи распространялись в то время среди народа. Недовольство киевлян объясняется ими тем, что «московиты» после присяги якобы выставили ряд невыносимых условий: запрет продажи табака и спиртного, смена сапогов на лапти и дорогого платья на домотканые сермяги, необходимость заново перекреститься всем малороссиянам² и т.п. Но следа таких требований нет ни в одном из документов, связанных с переговорами русских послов.

Едва ли С. Павша намеренно лгал, но для составления донесений он использовал неверные слухи. Без должной проверки им отбиралась любая информация, которая говорила бы о растущем на Украине недовольстве «Москвой». Не имея точных сведений о раде в Переяславе, а также о принесенной там и в Киеве присяге, С. Павша незаметно для самого себя информацию о кратковременном киевском инциденте постоянно интерпретировал с предшествующими и последующими событиями в других местах. Так, имея только неоднократно редактированное «письмо протопопа», скрывавшегося на литовской границе³, а также (возможно, изустно) переданные слухи, шляхтич делает вывод, что «силою взяли присягу у черныбыльцев, и то у небогатых», что жители города разбежались по местам и местечкам в ожидании, «как Бога», войск Речи Посполитой. Более того, он всерьез полагал, что «и вся Украина мечтает о том же самом» [24]!

¹ В письмах С. Павши речь шла о запорожских казаках; в составе посольства В. Бутурлина российских казаков не было. [2, с. 424].

² С 1652 г. в Московском государстве была введена государственная монополия на продажу спиртного (распространение табака каралось), гарантировавшая стабильность цен. Был также в силе указ Филарета Никитича о перекрещивании всех переселенцев, которые заявляли о себе, что крещены через обливание, а не через троекратное погружение. Но русское правительство воздерживалось от навязывания требований, которые могли препятствовать принятию в подданство целого народа [25; 41].

³ Другие источники информации о присяге в Черныбеле в письмах С. Павши не упоминаются.

Позиция черныбыльскаго протопопа объясняется в его посланиях. Как родственник подстаросты – представителя ненавистных восставшим польско-литовских властей, он едва ли мог рассчитывать на сохранение должности после перехода Малой Руси в русское подданство. Близкий к С. Косову, источнику и гаранту его благ, протопоп не мог не действовать в русле избранной митрополитом тактики заигрывания с властями Речи Посполитой. Нельзя забывать и о том, что сын протопопа превратился в заложника у покинувшего Черныбыль старосты. Поддерживая из-за этого связь с бежавшим шурином, протопоп обрекал себя на роль изгоя, которому грозила смерть не за отказ от присяги, а за «воровское лазучество» в пользу поляков [30]. Учитывая сложность его положения, нельзя не отметить, что протопоп, хотя и говоря в тоне, который более всего устраивал поляков, в основном, рассказывал о том, что видел¹. В «послании» не говорится о Переяславе, только предполагается возможность принуждения к присяге в Черныбыле. Вообще, для города, существование которого было тесно связано с отрезанными войной селениями за литовской границей, было нормой недовольство части населения военными мерами «московитов». Не случайно большую часть «московфобских» слухов С. Павша получал от жителей и купцов Брагина, Лоева, Остера, Кролевца, Любеча и других пограничных городов [23].

Так стараниями части малороссийскаго духовенства, лавировавшего между Варшавой, Москвой и Чигирином, и благодаря не слишком успешной работе польской агентуры, получавшей слухи из вторых и третьих уст, шаг за шагом создавалась легенда о всеобщем сопротивлении присяге царю. Ошибочное представление, сформировавшееся у властей Речи Посполитой, проявилось в бесплодных воззваниях польскаго короля «к украинской черни, казакам и мещанам». Первое было написано 28.02, второе 6.06.1654 года [43; 44]. К этому времени король и сейм убедились в безуспешности расчетов на недовольство широких масс Россией и начали активные боевые действия. Примечательно, что тот же С. Павша уже в письме от 28.03 (7.04).1654 г. сетовал Я. Радзивилу, что верность его осведомителей и простых черныбыльцев сомнительна, так как они «начали просить за царя Господа Бога», а также «исполнять все московские требования и церемонии» [45].

Таким образом, ни «Реляция» М. Крыницкаго, ни «послание черныбыльскаго протопопа», ни письма С. Павши не могут считаться достоверными свидетельствами о взаимоотношениях Малой Руси и Московскаго государства в начале 1654 года. Однако они дают дополнительную информацию о киевском инциденте 17-19.01.1654 г., которая говорит о принуждении к присяге части мещан и высшего духовенства со стороны казаков, а также о поддержке курса И. Тризны и С. Косова некоторыми представителями низшаго духовенства. Также письма С. Павши и «послание черныбыльскаго протопопа» разъясняют недовольство «московским» подданством (вернее действиями русских воевод, поставивших с казаками пограничные заслоны) со стороны мещан и купцов в городах Малой Руси на границе с Речью Посполитой.

Кроме введенных в научный оборот разночтений листов С. Павши и «черныбыльскаго протопопа», Ю.А. Мыцьком недавно опубликована копия листа черниговскаго воеводы Е. Тышкевича к коронному канцлеру С. Корицинскому от 1 марта 1654 года (нов. ст.). В прилагаемом переводе на украинский язык выделяется отрывок, в котором шляхтич говорит о разрешении, данном русским правительством всем несогласным с присягой царю на свободный переход границы. Е. Тышкевич называл царские обещания «жалованья и всяких вольностей» добровольно перешедшим на сторону «Москвы», «смерти подобными». Однако из начала его письма совершенно ясно, что шляхтич говорил об угрозе существованию Речи Посполитой, а не Украины [46]. В целом послание интересно только как пример отношения поляков к переходу народа Малой Руси в подданство русскаго государя.

Что касается других новых источников о раде, то таковыми украинский источниковед и историограф Ю.А. Мыцьк называет немецкие периодические издания, в частности, гамбургскую газету «Ordinari Dienstag-Zeitung» и немецкую хронику «Театр Европы» (информация в которой базировалась на тех же газетных статьях). Однако сам Ю.А. Мыцьк при-

¹ Сохранились свидетельства о том, что некий черныбыльский поп передавал сведения для С. Павши (то есть польско-литовской разведки) через черныбыльскаго подстаросту еще в 1651 году. Не исключено, что под черныбыльским попом и протопопом в источниках подразумевался один человек [42].

знает, что эти источники основаны либо на слухах из Польши о «неадекватных» требованиях русского правительства, либо на «логических выводах» авторов о том, что, по их мнению, должно было происходить на Украине, либо на материалах, официально переданных из Москвы [47].

Таким образом, у историков нет оснований оказывать недоверие свидетельствам статейного списка В. Бутурлина и сопутствующих ему документов лишь на том основании, что они противоречат сомнительным сведениям некоторых источников, связанных с деятельностью польско-литовского правительства.

С другой стороны, с учетом всех особенностей возникновения этих источников (и при сопоставлении их с другими документами), они могут служить вспомогательным материалом по истории процесса вхождения Малой Руси в подданство московского государя в 1654 году.

Источники и литература:

1. Мицик Ю.А. Джерельна база Переяславської ради 1654 р. [Электронный ресурс] // Сайт Ю. Мицика. Режим доступа: <http://mytsyk.iatp.org.ua/inshi/novdo/htm>
2. Статьиный список русского посольства во главе с В. Бутурлиным (9.10.1653 г. – 5.02.1654 г.) // ВУР. М., 1954. Т. III. С. 423-490.
3. Выписка о бывшей в Переяславле у запорожских казаков явной раде, на которой они торжественно объявили желание свое быть в подданстве российского государя царя Алексея Михайловича (8.01.1654 г.) // СГГД. Ч. III. М., 1822. С. 494.
4. Похвальная грамота Государя Царя Алексея Михайловича Ближнему Боярину В. Бутурлину, окольному И. Алферьеву и Думному Дьяку Л. Лопухину, за усердную службу, оказанную ими при принятии в Российское подданство Гетмана Богдана Хмельницкого с Войском Запорожским (23.01.1654 г.) // СГГД. Ч. III. С. 502-503.
5. Благоволение, объявленное царем Алексеем Михайловичем А. Иванову и В. Бутурлину (29.03.1654 г.) // СГГД. Ч. III. 1822. С. 514-515.
6. Переяславська рада 1654 року. Історіографія та дослідження. (Під ред. Соханя П., Дашкевича Я.). К., 2003. 890 с.
7. Літопис Самовідця (Під ред. Скаба А., Гуржія І., Дядиченка В.) К., 1971. С. 66-67.
8. Літопис гадяцького полковника Г. Грабянки. К., 1992. С. 93-95.
9. Величко С.В. Летопись событий в Югозападной России в XVII веке... В IV т. Т. I. К., 1848-1864. С. 171-173.
10. Оглоблин О.П. Українсько-Московська угода 1654. Київ-Львів, 2005.
11. Котошихин Г. О России в царствование Алексея Михайловича. СПб., 1884.
12. Око всей великой России. Об истории русской дипломатической службы XVI-XVII вв. М., 1989.
13. Кудрявцев Н. Государево око. Тайная дипломатия и разведка на службе России. СПб., М., 2002.
14. Рогожин Н.М. Посольский приказ и его роль в проведении внешней политики России // История внешней политики России. Конец XV – XVII век. М., 1999. С. 343-406.
15. Яковлів А. Українсько-московські договори в XVII-XVIII вв. Варшава, 1934. С. 9.
16. Грушевський М.С. Історія України-Руси. Т. IX (друга половина). К., 1931. 1631 с.
17. Лист пана Сімеона Павші, ротмістра його королівської мості, до князя й мості віленського воєводи Я. Радзивіла від 1(11).02.1654 р. // Мицик Ю.А. Нові документи до історії Переяславської ради 1654 р. [Электронный ресурс] // Сайт Ю. Мицика. Режим доступа: <http://mytsyk.iatp.org.ua/inshi/novdo/htm>
18. Донесение чернеца Печерского монастыря, Макария Крыницкого который отправился из Киева 15 Января 1654 года, по старому календарю // ЧОИДР. М., 1861. Кн. III. С. 5-8.
19. Копия с письма его милости, отца протопопа черныбыльского (22(27).01.1654 г.) // ЧОИДР. М., 1861. Кн. 3. Разд. V (Смесь). С. 2-4.
20. Летопись событий на Украине с 1506 по 1654 г. // Хрестоматия по русской военной истории (Под ред. Л.Г. Бескровного). М., 1947. С. 98-105.
21. Лист Б. Хмельницкого, посланный из Переяславля царю Алексею Михайловичу (8.01.1654 г.) // Акты ЮЗР. СПб., 1878. Т. X. С. 261-262 (Примечание).
22. Отписка В. Бутурлина Алексею Михайловичу о торжественной встрече русского посольства населением г. Переяслава (1.01.1654 г.) // ВУР. М., 1954. Т. III. С. 514-515.
23. Лист шляхтича С. Павші до віленського воєводи князя Я. Радзивіла від 7(17) або 2(12).02.1654 р. // Мицик Ю.А. Нові документи до історії Переяславської ради 1654 рік [Электронный ресурс] // Сайт Ю. Мицика. Режим доступа: <http://mytsyk.iatp.org.ua/inshi/novdo/htm>
24. Лист шляхтича С. Павші до віленського воєводи князя Я. Радзивіла (11(21).02.1654 р.) // Мицик Ю.А. Нові документи до історії Переяславської ради 1654 р. [Электронный ресурс] // Сайт Ю. Мицика. Режим доступа: <http://mytsyk.iatp.org.ua/inshi/novdo/htm>

25. Митрополит Макарий (Булгаков) История Русской церкви. Т. VII. М., 1996. С. 43-44.
26. Лист чорнобильського протопопа до чорнобильського підстарости від 6.02 (27.01).1654 р. // Мицик Ю.А. Нові документи до історії Переяславської ради 1654 р. [Електронний ресурс] // Сайт Ю. Мицика. Режим доступа: <http://mytsyk.iatp.org.ua/inshi/novdo/htm>
27. Список украинских полков и городов, в которые были посланы представители русского правительства для приведения населения к присяге на верность Русскому государству (перв. пол. января 1654 г.). // ВУР. М., 1954. Т. III. С. 517.
28. Отписка боярина В.Шереметьева с товарищами о черкасских, волошских и польских делах (18.10.1653 г.) // АМГ. СПб., 1894. Т. II. С. 343.
29. Отписка боярина В.П. Шереметьева с товарищами о получении вестей про моровое поветрие в черкасских городах, и об учреждении застав (18.10.1653 г.) // АМГ. СПб., 1894. Т. II. С. 344-345.
30. Наказ из Посольского приказа воеводам Ф. Куракину и Ф. Волконскому (30.01.1654 г.) // ВУР. М., 1954. Т. III. С. 530-532.
31. Вечный календарь [Электронный ресурс]. Режим доступа: <http://calendarium.narod.ru>
32. Мыцык Ю.А. «Літописец» Дворецких – памятник украинского летописания // Летописи и хроники АН СССР (ред. Буганов В.И.). М., 1984. С. 219-234.
33. Джеджула Ю. Таємна війна Богдана Хмельницького: Історіко-документальна оповідь. К., 1995. 224 с.
34. Лист чорнобильського протопопа чорнобильському підстарості від 27.01.1654 р. // Тисяча років Української суспільно-політичної думки. К., 2001. Т. 3. Кн. 1. С. 260.
35. Кривошея В. Генеалогія українського козацтва: Нариси історії козацьких полків. К., 2004. 391 с.
36. Артюх Л.А. и др. Комментарии // Боплан. Описание Украины. М., 2004. С. 384-387.
37. Целларий А. Описание польского королевства // Сборник материалов для исторической топографии Киева и его окрестностей. К., 1874. С. 99.
38. Каргалов В.В. Свержение монголо-татарского ига. М., 1973. С. 36-37.
39. Максимович М.А. В поисках мечты о Украине. Избранные украиноведческие произведения. К., 2003. С. 238.
40. Костомаров Н.И. Исторический памятник в Переяславле 1654 г. // Русские инородцы. М., 1996. С. 568-581.
41. Меж двух огней. Два документа о взаимоотношениях таможенных и кабацких откупщиков с местным населением Курска // ИА, №3, 2003. С. 205.
42. Из табірною щоденника князя Я. Радзивілла (публ. Ю. Мицика) // УІЖ, №4, 2007. С.185.
43. Универсал польского короля Яна Казимира к бурмистрам, райцам, лавникам, атаманам и всей черни Малороссийской: о неследовании за гетманом Б. Хмельницким в Российское подданство и бытии по прежнему под его королевскою державою (28.02.1654 г.) // СГГД. Ч. III. СПб., 1822. С. 506.
44. Универсал польского короля Яна Казимира старшинам и казакам Войска Запорожского, коим, обличая в измене подавшегося России гетмана Б. Хмельницкого, советует возвратиться по прежнему в подданство Короны Польской (6.06.1654 г.) // СГГД. Ч. III. СПб., 1822. С. 523.
45. Лист С. Павші до князя Я. Радзивіла від 28.03 (7.04).1654 р. // Мицик Ю.А. Нові документи з історії Переяславської ради 1654 року [Електронний ресурс] // Сайт Ю. Мицика. Режим доступа: <http://mytsyk.iatp.org.ua/inshi/novdo/htm>
46. Лист чернігівського воєводи Єжи Тишкевича до коронного канцлера С. Корицінського (1.03.1654 р.). [Електронний ресурс] // Сайт Ю. Мицика. Режим доступа: <http://mytsyk.iatp.org.ua/inshi/novdo/htm>
47. Мицик Ю.А. Переяславська рада 1654 р. у висвітленні гамбурзької «Ординарної вівторкової газети». [Електронний ресурс] // Сайт Ю. Мицика. Режим доступа: <http://mytsyk.iatp.org.ua/inshi/novdo/htm>

НА ГОРОДСКОЙ ОКОЛИЦЕ. ХРИСТИАНСКАЯ ТОПОГРАФИЯ ОКРАИНЫ ГОРОДИЩА ЭСКИ-КЕРМЕН В ЮГО-ЗАПАДНОМ КРЫМУ

Гайдуков Н.Е.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)

В статье речь пойдет по преимуществу о пещерных храмах, расположенных на юго-восточной оконечности городища Эски-Кермен в юго-западном Крыму (Бахчисарайский район АРК), их устройстве и положении в городе.

Городище Эски-Кермен напоминает «головку сыра», практически на всем своем протяжении изрытую пещерами. Сейчас их насчитывается около 600. Причем, функции всех пещерных сооружений весьма разнообразны - от подвалов до пещерных церквей.

История городища в настоящее время представляется следующим образом. На первом этапе существования были созданы не связанные с позднейшими усадьбами зерновые ямы. В VI в. здесь была сооружена византийская крепость. Впоследствии, при хазарах, крепость потеряла оборонительное значение и была частично разобрана. После 840 г., когда регион вновь вернулся под власть Византии, была произведена частичная реконструкция стен, перестроена главная городская базилика, а также сооружены некоторые пещерные храмы. На последнем этапе городище было застроено жилыми кварталами. Окончательно город погиб и был заброшен в конце 13 века [1, с. 178-179].

В западной части городища, в районе проездных ворот, сохранился целый комплекс оборонительных сооружений, который относится к первому этапу существования городища¹. Кроме того, здесь есть несколько пещерных храмов. По крайней мере, один из них – храм «Судилище» (первоначальные названия всех наших храмов неизвестны, а существующие даны крымскими краеведами 20-х годов XX века) относится к первому этапу существования городища. Остальные храмы («Трех всадников», «Большой пещерный храм» и «Пещерный храм у городских ворот») сооружены позднее, когда оборонительные сооружения практически не играли никакой роли.

Приведем краткие характеристики храмов, находящихся в составе комплекса проездных ворот:

1. Храм «Судилище» – расположен к северо-востоку от городских ворот. Построен одновременно с ранним оборонительным комплексом. Но впоследствии был значительно расширен. Основная часть имеет триконхальную форму. В центральной конхе расположен алтарь, причем, алтарная преграда выдвинута вперед. Сохранился также синтрон со скальным креслом-кафедрой посередине, а также подрубка под престол. С юга к алтарю примыкает небольшое помещение - пастофорий, которое первоначально было внутри алтарной преграды. В южной и северной конхе были вырублены скальные скамьи. Позднее храм был расширен, с севера был прирублен обширный неф, а с юга - галерея, которая соединила «Судилище» с храмиком, первоначально существовавшим независимо от «Судилища».

В целом, храм похож на небольшой кафедрал с мемориальными элементами. Возможно, он был связан как с «палладиумом» города - иконой, так и с городской площадью, которая была с внутренней стороны ворот.

¹ В данной работе мы пользуемся литургическими датировками храмов (подробнее об этом см. в: [2, с. 72–80]). Литургические датировки отличаются от археологических. Они основаны на том, что каждому периоду в истории развития храма присущ строго определенный набор литургических устройств. Археологический материал пещерных храмов крайне скуден и невыразителен, и к тому же каждый раз при перестройке или обновлении храма этот материал полностью удалялся. Некрополи также не могут служить надежным репером при датировке храмов, поскольку существовали не вместе, но параллельно с храмами, а иногда использовались уже после того, как храмы были брошены.

2. «Большой пещерный храм» у подъемной дороги, находится в начале третьего марша подъемной дороги на городище. Ко времени его постройки сложная система фортификации, перибол и т.п. уже не существовала, хотя сами ворота города сохранялись вплоть до XVII-XVIII веков. Храм входил в комплекс небольшого монастыря, от которого сохранился ряд вырубленных в скале могил, несколько скальных костниц, а также небольшое вспомогательное помещение к северу от храма. Храм также имеет триконхиальную форму. Алтарная преграда в нем не сохранилась, но сохранились подрубки под нее. Вероятно, она была выдвинута вперед, также как и алтарная преграда храма «Судилище».

3. «Пещерный храм у городских ворот» расположен на том же марше подъемной дороги, но значительно ближе к воротам, чем предыдущий. Храм неправильной триконхиальной формы. К югу от основного объема к храму было прирублено небольшое помещение прямоугольной формы. Ни алтарной преграды, ни престола в храме не сохранилось. Однако ряд приспособлений свидетельствует о назначении храма: это, с одной стороны, наличие двух полок в северной и юго-восточных частях, а с другой - оригинальное устройство для слива воды: водосток у порога храма. И то, и другое могло использоваться в обряде погребения. Таким образом, мы имеем дело со специальным погребальным или «кладбищенским» храмом.

4. Храм «Трех всадников» расположен в 300 метрах к юго-востоку от городища в отдельно стоящем валуне. Храм с двумя входами и сквозным проходом имеет выраженную триконхиальную форму. Внутри прекрасно сохранилась алтарная преграда, а также подрубка под каменный престол. В один из столбиков преграды была вмонтирована реликвия, ради которой и создавался храм. Хочется отметить также, что храм находится на краю обширного раннесредневекового могильника, который ко времени его сооружения уже не функционировал.

Строгая археологическая датировка трех храмов невозможна. Дело в том, что археологический материал в пещерных храмах уничтожался при каждой перестройке или обновлении. Зато здесь прекрасно сохранились архитектурные формы. Мы называем их литургическими устройствами. Такие устройства, а вернее, их наборы, позволяют достаточно надежно датировать храмы. Наборы литургических устройств это как бы часы, на которых есть только одна большая стрелка. Не вдаваясь в излишние подробности, заметим, что на основании изучения наборов литургических устройств (выдвинутая вперед алтарная преграда, отсутствие жертвенника) храм «Судилище» отнесен нами к периоду VI-VIII вв. [2, с. 72-80.], а остальные три храма к X-XI вв. [2, с. 72-80.]. Заметим, однако, что существуют и иные, более поздние датировки [3, с. 40-46, 49-51].

Итак, все четыре пещерных храма были созданы в разное время и обладали различными функциями. Однако, бросается в глаза одна любопытная деталь - выраженная триконхиальность всех трех храмов. В наземной, кафедральной (?) трехапсидной базилике Эски-Кермена нет и следа триконхиальности. А впрочем, эта базилика не очень ранняя, и не был ли триконхиальным первоначальный храм, стоявший здесь? Казалось бы, различные функции должны порождать и различные независимые формы. Но формы наших храмов зависят друг от друга. Заманчиво было бы предположить здесь влияние триконхиального «Судилища» на все остальные. А что тогда повлияло на «Судилище»? Две такие базилики есть в Херсонесе. Это базилика Крузе, сооружение которой можно отнести к VI в. [4], а также небольшая триконхиальная базилика VI в. на территории комплекса Уваровской базилики, которая была разобрана к XI-XII вв. [4, с. 719-723, 777]. Но откуда пришли триконхи в Херсонес? Видимо своеобразную архитектурную моду на триконхи задал храм Рождества Христова в Вифлееме, алтарной части которого в VI в. была придана триконхиальная форма. Сама триконхиальная форма алтаря использовалась и до Вифлеема в IV-V вв., но, вероятнее всего, идея перестроить храм пришла не из периферийной египетской или палестинской архитектуры, а из римской гражданской архитектуры. Триконхи в римской архитектуре использовались, например, при строительстве бань. Так,

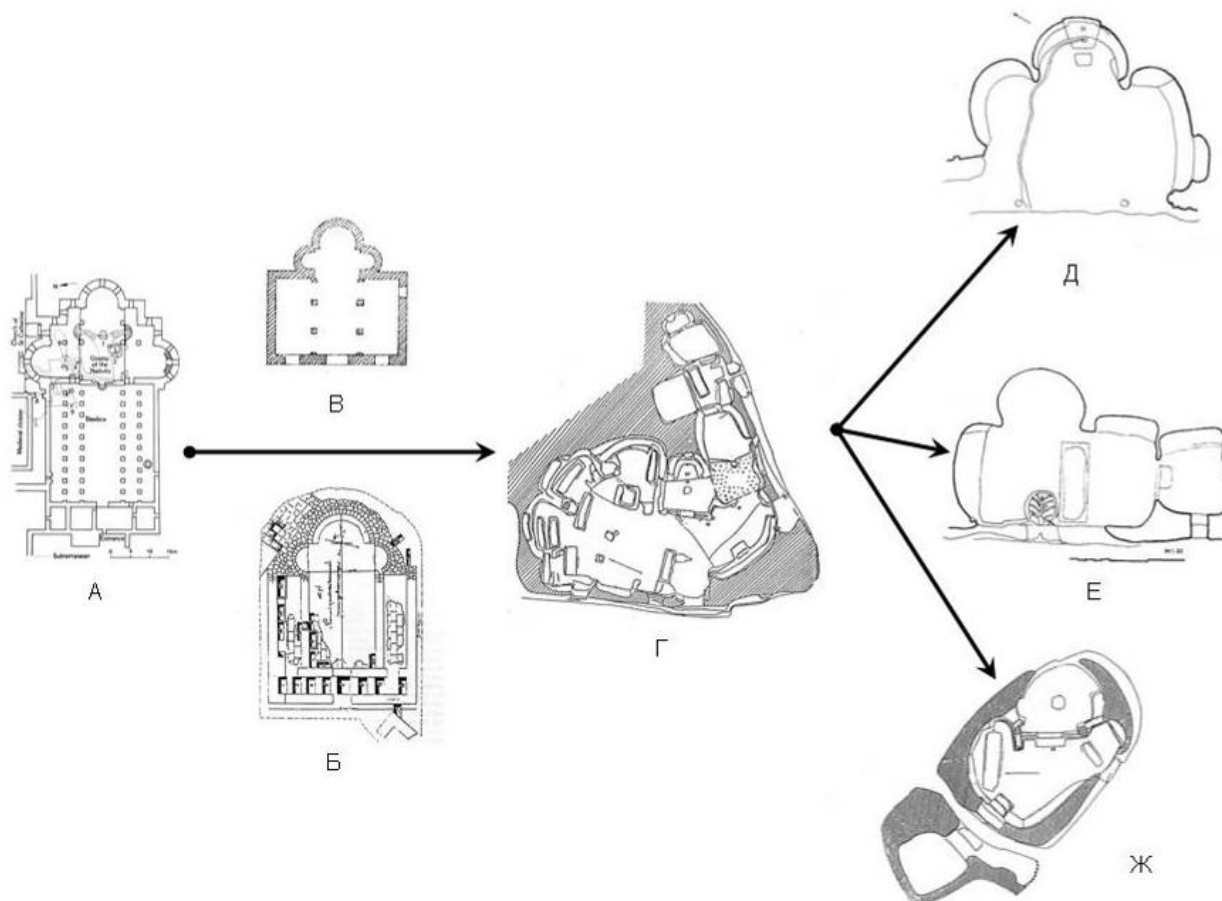


Рис. 1. Схема, демонстрирующая преемственность триконхальной формы начиная от базилики Рождества Христова в Вифлееме VI в. (А) через триконхальные храмы Херсонеса (Б- базилика Крузе VI в., В- базилика «А» в составе комплекса Уваровской базилики VI в. (?)) к пещерному храму «Судилище» VI-VIII вв. (Г) и более поздним триконхам городища Эски-Кермен в Крыму («большой пещерный храм» у подъемной дороги (Д), «пещерный храм у городских ворот» (Е), храм «Трех всадников» (Ж).

МІСЦЕ ТА РОЛЬ СКОМОРОХІВ ТА ПОВОДИРІВ ВЕДМЕДІВ В РЕЛІГІЙНОМУ ЖИТТІ СТАРОДАВНІХ СЛОВ'ЯН

Козлов М.М.

**Севастопольський інститут економіки і права
Міжнародної академії праці та соціальних відносин**

Жоден народ не може існувати без своїх власних релігійних культів і традицій. Практична відсутність літописних відомостей про наявність у наших предків дохристиянської доби служителів язичницького культу – носіїв знань, знавців вірувань та обрядів свідчить лише про старанне свідоме знищення важливих аспектів вітчизняної історії.

Деякі сторінки з історії східних слов'ян просто викреслені з літописів та замінені благочестивими розповідями у руслі візантійської агіографії. Так, великою загадкою у наш час, зокрема, залишається частина служителів язичницького культу, яку наші предки називали «скоморохами». У давньоруській мові слово «скоморох» (жіночий варіант «скоморошка») означає — музикант, дудник, сопільник, волинщик, гусяр, людина яка заробляє собі на життя танцями, піснями, жартами, актор. «Скоморошій» байки — веселі пісні, потішні, забавні. «Скоморошити» й «скоморошничати» — заробляти скомороством, музикою або танцями, піснями, смішити й веселити людей [4, с. 336; 9, с. 593].

Писемні джерела XI-XVII ст. свідчать про те, що даним терміном наші предки називали бродячих музикантів, танцюристів, співаків, поводитирів ведмедів, біснуетих, без яких, імовірно, не обходився жодний язичницький ритуал. Особливо поширені були ігри скоморохів під час деяких свят. Заборона наймати «нечестивих танцюристів» та «танці на траві» під час русалій згадується майже у всіх слов'янських кормчих книгах до XVIII ст.

Відповідно до давньоруських письмових джерел скоморохи приходили завжди зі своїми музичними інструментами, наряджалися у маскарадний одяг, співали, танцювали, кривлялися й творили різні «глуми». Саму активну участь приймали скоморохи у слов'ян-язичників у святах та релігійних обрядах (весіллях, похованнях і поминках).

Карамзін М.І. вважав, що давньослов'янські скоморохи були частиною жрецького стану [15, с. 58]. На думку Афанасьєва О.М., скоморохи становили собою окрему суспільну групу, причому досить численну, але до жерців не стосовну [4, с. 336]. Оригінальну точку зору щодо походження інституту скоморохів висловив Забілін М. Відповідно до його думки скоморохи походять від якогось міфічного народу «скомахів», які нібито жили на нижньому Дунаї в V і VI ст. і становили собою різновид циганів [11, с. 55-56]. На думку Рібакова Б.О., скоморохи та гусярі були особливим різновидом волхвів [27, с.81].

Досить авторитетною в дореволюційний період була гіпотеза про запозичення інституту скомороства нашими предками в інших народів, зокрема греків. Так, Максимов Е. висловив припущення, що скоморохи вперше прийшли на Русь при княгині Ользі, одночасно із християнськими ченцями [19, с.5].

Між тим, як свідчать писемні джерела й дані археології, інститут скомороства утворився ще задовго до виникнення слов'янської державності. Можливо, що східнослов'янські скоморохи знаходилися ще серед воїнів - слов'ян у війську царя гунів Атіли. Так, відповідно до повідомлень грецького історика V ст. Пріска Ритора, що перебував у грецькому посольстві, посланому до Атіли (близько 450 р. н.е.), серед гунів перебували й дивні люди, зі слов'янськими іменами - Борис, Влад, Боян, Скотан, не схожі з іншими кочовиками. Вони стригли собі волосся в кружок, носили сорочки, вишиті візерунками (крашениною), парилися у лазнях, освітлювали свої житла лучиною, зустрічали свого государя хлібом-сіллю, пили мед і квас. Цих людей за словами Пріска Ритора розважали спеціальні скоморохи й піснярі [18, с. 83].

Відповідно до «Історії» візантійського автора кін. VI-VII. ст. Феофілакта Симмока візантійці ще на початку VII. ст. зустріли у Фракії кілька бродячих музикантів, які прийшли з півночі. Музиканти заявили, що воювати вони не вміють, а заробляють на життя тим, що грають на лірах [37, с.140].

До VI століття відносять археологи й фігурки танцюючих чоловічків з Мартинівського скарбу, знайденого на Пороссі. Чоловічки одягнені в сорочки, розшиті ритуальними візерунками слов'янського типу, на голові в них були чудні головні убори, що не мають аналогів серед інших подібних знахідок. Ноги розставлені в танці, руки впираються в боки [29, с.72].

Фігурки танцюючих чоловічків або їхні зображення на пам'ятниках матеріальної культури в сорочках, вишитих сакральними символами в ритуальних головних уборах зустрічаються в різних культурних археологічних шарах слов'янського світу. Прикладом щодо цього може слугувати новгородська свинцева фігурка танцюючого чоловіка з великими вусами в довгій сорочці, знайдена в культурному шарі XII століття, псковське зображення танцюючого чоловічка з піднятими нагору руками на невеликій свинцевій бляшці XII століття, металева фігурка танцюючого чоловічка, у сакральній сорочці до колін з городища Зубцова на Волзі XI століття й інші [29, с.286]. Відомі були подібні металеві мініатюрні культові фігурки й у західних слов'ян [8, с.330].

Деякі дослідники дійшли висновку, що дані фігурки символізують іноземних божеств - фінно-угорських, аланських або аварських [1, с.286-287; 2, с. 10-23; 24, с.100; 40, с. 42-55].

Рішуче виступив проти теорії іноземного походження ритуальних танцюючих фігурок у давніх слов'ян Рибakov Б.О. На його думку, дані фігурки символізували у наших предків домовиків [26, с.81].

Можна припустити, що ряд подібних зображень має стороннє, неслов'янське походження, але більша їхня частина, безумовно, пов'язана зі слов'янською традицією. На користь даної гіпотези свідчить по-перше, фіксація подібних пам'ятників на всій східнослов'янській території - від Поросся й Наддністрянщини на півдні до території новгородських словен і кривичів на півночі, по-друге, відносна стійкість традиції (деякі фігурки були знайдені в культурних шарах XII ст.), по-третє, наявність подібних фігурок у різних культурних археологічних шарах балтійських слов'ян.

Деякі дослідники бачать у цих фігурках зображення громовержця - Перуна [29, с.226]. Між тим, згідно із цілим рядом письмових джерел Перун у свідомості наших предків був грізним караючим божеством. Його звичайно зображували зі зброєю в руках, але ніяк не танцюючим.

Не знаходить підтвердження й гіпотеза Рибакoвa Б.О., відповідно до якої дані фігурки зображують предків-домовиків. У письмових джерелах, зображеннях на пам'ятниках матеріальної культури, народних віруваннях і традиціях заступники роду – домовики-берегині, так само як і зловмисні упирі, ніде не зображувалися танцюючими в сакральних сорочках і в ритуальних головних уборах. Радзивілівський літопис, наприклад, малює нам «навьїв» - мерців, що винищують мешканців Полоцька у вигляді демонів-птахів. Схожим образом описуються предки - берегині й у слов'янському глосі до «Слова Григорія Бого-слова про ідолів». Численний етнографічний матеріал, що характеризує вірування східних слов'ян у домовиків, ніде не повідомляє про сакральні танці останніх. Швидше за все, танцюючи чоловічки, знайдені в різних областях слов'янського миру зображували скоморохів під час ритуальних танців.

Зображення танцюючих людей у скоморошичих вбраннях можна знайти на срібних і золотих боярських скарбах XII-XIII ст. Так, наприклад, в 1966 році в західній частині старої Рязані був знайдений скарб срібних речей. Серед них були виявлені браслети із зображеннями танцюристки, гусяра, дудника. На одному із браслетів зображена ціла композиція - у лівому куті браслета - танцюристка, у середньої – гусяр та чоловік, що п'є із чаші. Танцююча дівчина одягнена в сорочку, прикрашену вишивкою. Дівчина п'є із чаші, орнаментованої крапками й одночасно танцює (її одна нога, взута у витончений чобіток, поставлена на каблук). Біля жіночої фігури, у її колін, зображена левова маска.

Чоловік - русалець показаний сидячим на пні. На ньому ковпак і короткий каптан, покритий візерунком із пташиних лабетів. У лівій руці він тримає короткий жезл або сопілку, а правої підносить до рота чашу [10, с. 211].

Певний інтерес становить також мініатюра з Радзивіловського літопису, що зображує язичницькі ігрища. У центрі композиції має місце зображення дівчини в довгому одязі з рукавами, що звисають нижче кистей рук приблизно на довжину ліктя. Вона танцює, розмахуючи рукавами як крильми. Перед нею танцює з піднятими руками юнак. Художник зробив фігуру дівчини у півтора рази крупніше, ніж юнака, підкреслюючи цим верховенство дівчини в цьому танці-обряді. Двоє музикантів сидять на пагорбах неподалік і грають на сопілках-флейтах; один музикант із барабаном знаходиться поруч із дівчиною й, можливо, теж бере участь у танці [39, л.8.].

Відповідно до матеріалів Московського Стоглавого Собору скоморохи збиралися в артілі й ходили по широкій Русі великими ватагами, іноді нападали на шляхах на подорожан і проїзних і грабували. Вони, вочевидь, мали досить складну структуру, устав і ієрархію. Основною функцією скоморохів, імовірно, було за допомогою музики й танців приводити людей у стан екстазу під час народних свят і ритуалів. Для цієї мети скоморохи використовували хмільні напої, і наркотичні речовини. Пияцтво під час ігрищ скоморохів стало головним об'єктом нищівної критики з боку представників християнського духовництва. Зображення ритуальних чаш можна знайти у всіх композиціях, що зображують скоморохів.

Важко сказати в яких відносинах перебували скоморохи стосовно професійних жерців. Вони не були прикріплені до яких-небудь язичницьких храмів і вели бродячий спосіб життя. Разом з тим, ритуальні ігри й танці скоморохів становили невід'ємну частину східнослов'янського язичницького культу.

Музичні інструменти грали в наших предків роль оберегів. Не випадково їх знаходять у деяких східнослов'янських похованнях дохристиянської епохи. Відповідно до повідомлень арабського мандрівника Ібн-Фадлана під час поховання «знатного руса» у могилу до нього поклали балалайку [13, с.97].

У давньоруській билині про новгородця Садко - гусяра розповідається про те, як головний герой - намагався своєю грою на гусях вмилювати морського царя. Відповідно до джерела, своєю грою перед Ільменським озером Садко «потішив» його владика й того на подяку зробив Садко заможним купцем [5, с. 455-457]. Купець Садко Ситіч історична особистість. Він згадується в декількох літописах як меценат, що фінансує будівництво православної церкви Бориса й Гліба на Волоській вулиці, де колись функціонував храм Велеса [25, с. 300].

Особливий інтерес представляють маски скоморохів - так звані «лічини» і «харі» які вони одягали під час своїх виступів. Вони становили собою зображення диких і свійських тварин - корів, свиней, овець, кіз, ведмедів, вовків і лисиць. Залишки цих масок фіксують археологи в культурному шарі багатьох давньоруських міст. Імовірно, скоморохи, таким чином, повинні були імітувати поведінку істот - мешканців «іншого» світу - світу тварин, органічно пов'язаного з культом Велеса. Ритуальні маски зображувалися на срібних браслетах, відомі й справжні маски, викроєні зі шкіри, знайдені при розкопках у Новгороді [25, с. 306].

У світовій історії перевдягання служителів культу в спеціальні маски - зображення язичницьких богів було досить розповсюдженою практикою. Наприклад, на території нинішньої Данії в північних германців X століття існувало язичницьке свято за назвою Йоль на честь божества на ім'я Тор. Під час цього свята жерці одягалися у вивернуту шкірами нагору одяг і одягали маски із зображеннями Одина, Тора й різних тварин. Ігрища з піснями, танцями й скоморохами існували й у західних слов'ян. Зокрема про це повідомляє середньовічний хроніст Ебо, описуючи язичницькі звичаї дохристиянського Волина [8, с.326]. Вочевидь, якимось ритуальним значенням мали й ритуальні танці скоморохів під час свят і торжеств. У багатьох районах Європи танці й високі стрибки нібито повинні були позитивно впливати на погоду й сприяти гарному врожаю [35, с.34].

Обов'язковим була присутність скоморохів на весіллях, при чому не лише в дохристиянський період, але й довгий час після прийняття християнства. От що, наприклад, повідомляє невідомий автор «Слова якогось Христолюбця» - «И егда же оу кого ихъ боудеть бракъ, творять съ бубны и съ сопелами и многими чюдесы бесовскими [3, с.375].

В «Слові про мудрість» Кирила Туровського джерелі -XIII ст., знаходимо: «бесстудная словеса и плясание, еже в пиру и на свадьбах и в павечерницах, и на игрищах и на улицах... и еже басни бают и в гусли гудуть [33, стб.371].

У матеріалах Московського Стоглавого собору має місце наступне: «в мирских свадьбах играют глумотворцы и арганники и смехотворцы и гусельники, и бесовские песни поют; и как к церкви венчаться поедут, священник со крестом едет, а перед ним со всеми теми играми бесовскими рыщут, а священники им о том не возбраняют [28, с. 391].

В дохристиянський період за даними арабських авторів X ст., зокрема Гардізі, скоморохи-музики були присутні на похованні померлих і грали на своїх інструментах під час спалювання тіла небіжчика [20, с.395].

Схожі дані подає й Ібн-Даста. Згідно його «Книги дорогоцінних скарбів» руси веселяться при спалюванні небіжчиків і грають на музичних інструментах. Сопілки їх за даними того ж автора довжиною у два лікті, лютия восьмиструнна [12, с.265].

Через шість століть у Матеріалах Московського Стоглавого собору втримуються наступні рядки – В тролицкую субботу по селом и по погостом сходятся мужи и жены на жальниках (кладбищах) и плачутся по гробом с великим кричаньем, и егда начнут играти скоморохи, гудцы и прегудницы, они же от плача преставше начнут скакати и плясати и в полони бити и песни сотонинские пети» [28, с. 391].

Скоморохи-музики знаходили собі притулок у палацах східнослов'янських князів вже в ранньохристиянський період. Останні не бачили особливого гріха в іграх скоморохів. Принаймні, так затверджує невідомий автор «Слова про царів, князів і володарів» - джерела сер. XII ст. Автор давньоруського глоса до «Слова про князів» засуджуючи у першу чергу на свого князя Романа, стверджує, що східнослов'янські князі проводять все своє життя з «с раби й рабами, смехе и веселии, с игрецами», які не відходять від них навіть коли князі сплять» [22, с.227].

У «Житті св. Феодосія» розповідається про те, як святий докоряв князеві Святославу за «мусикийские гласы»: «во един от дней прииде к нему (князю) преподобный, и яко вииде в храм, идеже сядяше князь, се виде многих играющих пред ним: овых гуслные гласы испущающих, иных органные писки гласящих, иных же иные мусикийские, и тако всех веселящихся, яко же обычай есть пред князем. Преподобный же, подле князя сядя, зряще долу поник; та же мало восклонся, рече к нему: будет ли сице во оный век грядущий? Князь же от слова преподобного умилился, прослезился мало и повеле абие престати играющим, и оттоле аще когда повелеваше тем игры творити и услышал бы пришествие преподобного, то всегда повелеваше им паки тихо стати и молчати» [16, с.55].

Вочевидь, найчастіше скоморохи були присутні на народних святах. Головною ж метою ритуальних танців та гри на музичних інструментах під час народних свят, імовірно, був позитивний вплив на родючість землі й врожай. Представники християнського духовництва відносилися з ненавистю до музики, пісень, танців та переодягнень під час народних свят, бо справедливо вважали їх обов'язковою складовою частиною язичницьких обрядів. Починаючи з джерел XI століття й аж до кінця XVII століття християнські письменники піддавали нещадній критиці народні ігрища, але інститут скомороства виявився напорчуд живучим і проіснував майже до сер. XVII століття. В «Повісті временних літ», наприклад, знаходимо наступне - «люди, нарицающиеся христианами, живут поганьскы; дьявол, соблазняет лъстьми, превабляя ны от Бога трубами и скоморохы, гуслими и русальи. Видим бо игрища утолчена и людий множество, яко унихати начнут друг друга, позоры деюще от беса замышленого дела, а церкви стоятъ (пусті) [21, с.73].

Під час язичницьких свят як свідчить ряд письмових джерел відбувалося строге суперництво між православним духовництвом і гусярами, що керували грищами. У «Слові про твар», наприклад, автор констатує, що народ неохоче ходить до церкви. Але якщо лю-

ди побачать «плясцы или гудци, или игрецъ позоветъ на игрище или на какое сборище идольское - то вси тамо текут и радуются [7, с.82].

Суворо засуджує «бубенное плескание, свирельный звук, плясанье сотонино» й невідомий автор давньоруського глоса до «Слова Григорія Богослова про ідолів» [3, с.380]. У «Слові про казні божі» засуджуються «трубы, скоморохи и иные игры, гусли, свирели, плясание, смехи и т.д. [3, с.34]. Щось подібне знаходимо і у «Слові якогось Хри-столюбця»: пісні, танці і музика віднесені до одного розряду з «ідолоською службою» - «не подобает крестьяном игр бесовских играти, еже есть: плясанье, гуденье, песни мирь-ские и жертвы идольские [3, с.374].

Засуджується скомороство й у слов'янських глосах до «Слова про повернення назад на язичницькі справи Єфрема Сирина» - джерелі другої половини XI ст.: «не подобает играти и глумиться... яко ходити на игрище со идолослужители имать часть. И паки той же рек: Христу зовущу пророки и апостолы и евангелисты, и от многих людей мало прихо-дят; егда же диавол позовет гуслими и плясцы и песьми неприязненными, тогда мнози собираются на то... Егда заповестся пост и бдение, то вси ужаснутся и отпадут, и вси яко мертви будут; и аще нарекутся пирове или вечера, или гусли, или свирели, или песни не-приязне иныя, то вси готовы будут и убудятся и потекут, друг друга зовый, и стекутся на злый той путь и борются на злем том собрании, не якоже Христианом подобает, но якоже поганым» [32, стлб. 30-36].

Ситуація зовсім не змінилася у XIV-XV ст. У «Сказанні про русалок», святого Ни-фонта (джерелі XIV в.), читаємо: «якоже труба гласящи собирает вой, молитва же твори-ма совокупляет ангели божий; а сопели, гусли, песни неприязньскы, плясанья, плесканья сбирають около себе студные бесы; держай же сопелника, в славы любляй гусли и пенья, плесканья и плясанья, чтить темного беса». Далі описується розповідь про бачення св. Нифонта, як біси радіють при зустрічі із «сопільником», тягнуть слідом за ним юрби на-роду й приваблюють «овы плясати, а другие плескати вспевающе»; разом з ними танцю-ють і біси. Гроші, що даються за гру й танець, - за словами сказання, є жертва дияволів [30, с. 207-209].

Інший представник християнського духовництва того часу - ігумен Памфіл в «Посланні до намісника міста Пскова» обвинувачує свою паству у тому, що у день «Різдва Предтечева» увесь Псков відзначає «кумирное празнование, радость и веселие сотонин-ское... тому яко же жертва приносится всяка скверна и незаконное богомерзкое праздно-вание. Еда бо приходит велий праздник день Рождества Предтечева, а тогда во святую ту ночь мало не весь град взмается и взбесится бубны и сопели, и гудением струнным, и всякими неподобными играми сотонинскими, плесканием и плясанием... встучит бо град сей и возгремят в нем людие си беззаконием и погибелью лютою, злым прелщением пред Богом, стучать бубны и глас сопелий и гудут струны, женам же и девам плескание и пля-сание и главам их наживание, устами их неприязнен кличь и вопль, всескверненные песни, бесовская угодил свершахуся, и хребтом их вихляние и ногам их скаканье и топтание» [31, с. 320].

Досить популярні скоморохи залишалися й через кілька століть. В «Повчанні філософа - єпископа Білгородського», авторство якого приписують руському ченцю Григорію, який жив у XVII ст., розповідається про те, що під час свят наші предки «упи-ваються, а затем играют, пляшут, в сопели сопут, кличут бесов» [34, с. 255].

Вочевидь, християнської церква мала змогу знищити інститут скомороства у східних слов'ян лише в XVIII ст. Принаймні, із цього періоду в пам'ятках християнського духов-ництва припиняється засудження «сатанинських танців і пісень».

Особливим різновидом скоморохів були поводиті ведмедів. Ведмідь як один із символів бога Велеса вважався гарним засобом від нечистої сили. У випадку, якщо хтось із наших предків вважав, що в його будинку або господарських будівлях завелася зло-вмисна нечиста сила, він запрошував до себе в гості скомороха з ведмедем. Звір обходив володіння хазяїна й нібито виганяв з них злу силу. Є підстави припускати, що ведмедів у спеціальних клітках поміщали при храмах бога Велеса. Так, у «Сказанні про побудову града Ярославля» розповідається про те, як мешканці «Ведмежого кута», які поклонялися

богові Велесу, спустили на князя Ярослава Володимировича ведмедя, коли той підійшов до язичницького капища [17, с.7-8].

На Русі доби раннього середньовіччя скоморох - поводитир ведмедя був досить пізнаваною фігурою. У давньоруському варіанті «Саги про Тидріка Бернського» - джерелі кін. XI- поч. XII ст. розповідається про те, як двоє героїв джерела, вирішивши не відрізнятись від місцевих східних слов'ян переодяглися скоморохами. Один з них Вільдивір одяг ведмежу шкіру й став рачки, інший - Ізунг одяг на нього нашійник і повів начебто ведмедя, граючи по черзі на арфі, скрипці й дудці [6, с. 161-162].

Поводирі ведмедів знаходили собі роботу згідно з «Повчанням Митрополита Данила» і на початку XVI ст. У цьому документі митрополит категорично забороняє «водити ведмедів для забави» [23, с. 20].

Проти тих же звичаїв застерігає й царська окружна грамота 1648 року; яка вимагає, щоб православні не призивали до себе скоморохів з домрами, волинками й усякими іграми, щоб ведмедів не водили й ніяких бесівських дійств не творили, і по ночах на вулицях і полях, і під час весіль пісень не співали й не танцювали й у долоні не били, і скоморошичи плаття й личини на себе не вдівали. Всі ці дії, за словами грамоти, вказує на забуття Бога й православної віри; а тому воєводам пропонувалося відбирати у всіх музичні інструменти, ламати й палити, а тих, у кого вони найдуться, бити кийками й засилати в околіні міста [28, с. 99-100].

В 1636 році, за указом патріарха Йосипа, дана була пам'ять попівському старості й тивуну спостерігати, щоб на християнські свята не було в Москві бешкетувань; бо замість «духовного торжества и веселия восприимше игры и кошуны бесовские, повелевающе медведчиком и скомрахом на улицах и на торжищах и на распутиях сатанинские игры творити и в бубны бити, и в сурны ревети и руками плескати, и плясати и иная неподобная деяти» [4, с. 343].

Втім, «ведмежі забави» були популярні не лише серед простого люду. Цькування людини ведмедем була улюбленою розвагою руських царів. От що, наприклад, розповідає Джильс Флерчер - англійський купець, який приїздив до Росії в XVI столітті: «Велика потіха є бій з дикими ведмедями яких ловлять за допомогою ям та капканів й тримають у залізних клітках, доки цар не побажає бачити це видовище. Бій з ведмедем відбувається в такий спосіб: у коло обнесене стіною, ставлять людину, що повинна битися з ведмедем, як вміє, тому що бігти нікуди. Коли спустять ведмедя, то він прямо йде на свого супротивника з розкритою пащею. Якщо людина з першого разу дає промах і підпустить до себе ведмедя, то піддається великої небезпеці; тому що дикий ведмідь досить лютий, та ця властивість дає перевагу над ним мисливцеві. Нападаючи на людину, ведмідь піднімається звичайно на задні лапи та йде до нього з ревінням і розкритою пащею. У цей час якщо мисливець встигне йому всадити рогатину в груди між двома передніми лапами (він звичайно встигає) і затвердити інший кінець її в ноги так, щоб тримати його в напрямку до рила ведмедя те звичайно з одного разу вбиває його. Але часто трапляється, що мисливець дає промах, і тоді лютий звір або вбиває, або роздирає його зубами й пазурами на частині. Якщо мисливець добре витримає бій з ведмедем його ведуть до царського палацу, де він напивається доп'яна на честь государя, і в цьому вся його нагорода за те, що він жертвував життям для потіхи царської. Щоб користуватися цим задоволенням, цар годує ловчих, певних для лову диких ведмедів» [38, с. 143].

Вже в XIX ст. селяни запрошували до себе скоморохів з ведмедем, якщо вважали, що десь у їхньому будинку або господарській будівлі завелася нечиста сила. Подібний звичай зберігся майже до нашого часу в Білорусії. Ведмежатника вводили спочатку в почесний кут будинку, потім він наказував ведмедеві поклонитися всім домашнім і вів його по всіх завулках і хлівам [28, с.38].

До нашого часу в деяких областях східнослов'янського миру язичницьке свято вшановування ведмедя як володаря потойбічного світу - «комоедиці». Відзначають його звичайно навесні на Благовіщення під час пробудження ведмедів від зимової сплячки. Селяни,

що відзначають свято, переодягалися у ведмежі шкіри й вивернуті хутром нагору кожухи [36, с.89].

Таким чином, можливо, дійти висновку, що скоморохи - поводити ведмедів відігравали вагому роль у релігійному житті наших предків як у дохристиянський період, так і через багато століть після прийняття християнства.

Серед скоморохів, вочевидь, існувала ще одна категорія - так звані «біснуваті» або «каліки» тобто люди які страждали на епілепсію, або мали певні психічні відхилення або фізичні вади. В силу своєї неповноцінності ці люди не могли приносити користь суспільству й жити повноцінним життям і тому знаходили собі їжу, збираючи милостиню подорожуючи з ватагами скоморохів. Наші предки вважали, що ці люди мали надприродні здібності. Зокрема, їм приписували можливість знати майбутнє, впливати на погоду, накласти прокльони або навпаки, допомогти людині використовуючи свої надприродні можливості.

В українській та російській мовах слово «каліки» означає — хворі або виродки; позбавлені якого-небудь члена, внаслідок хвороби, нещасного випадку, або від народження. «Калічище», «каліка» в піснях і казках — жебручий; прочанин, мандрівник; милосердний богатир, у злиденності й богоугодних справах; каліка перехожий — у вигляді смиренності, шукач милостині, гостинності й у той же час богатирських пригод; нині жебрак, що співає вірші, псалми, духовні пісні [9, с.305].

Так звані «біснуваті скоморохи» згадуються в деяких письмових джерелах раннього середньовіччя. В «Слові про словеса», джерелі сер. XII ст., наприклад, автор обурюється на те, що все місто (імовірно Рязань) під час якогось язичницького свята наводнили п'яні люди, що грають на сопілках і біснуваті [22, с.233-234].

Деякі дослідники бачать в «каліках перехожих» лише прочан, що йдуть на святу землю для поклоніння святим місцям. У цілому ряді фольклорних джерел «каліки перехожі» дійсно направляються в Єрусалим. Разом з тим у всіх варіантах билини про зцілення Іллі Муромця повністю відсутні атрибути християнства. Гості богатиря не хрестяться й не божаться а згадують лише «матір сиру землю». Наприкінці билини вони зникають «начебто їх і не було», що більше нагадує поведінку язичницьких «віщунів» чим християн. Можливо, що християнськими мандрівниками у свідомості наших предків «каліки» стали під впливом християнства, до цього ж вони були невід'ємною частиною язичницьких культів.

Після прийняття нашими предками християнства й утворення так званого «двовірства» культ «біснуватих скоморохів» увібравши у себе традиції християнського аскетизму, перетворився в культ так званих «юродивих», що існував у східних слов'ян майже до XVIII ст. Про «юродивих» повідомляється зокрема в «Києво-Печерським патерику» - в «Житті святого Ісакія», у багатьох літописах і інших письмових джерелах.

Англійський купець Джильс Флетчер, що побував у Росії у часи правління Бориса Годунова приводить у своїй книзі «Про державу Руську» наступні дані – «Крім ченців, у них є особливі блаженні. Вони ходять зовсім голі, навіть зимою в найдужчі морози, крім того, що по середині тіла перев'язані лахміттям, з довгим волоссям, розпущеним й висячим по плечах, а багато хто ще з веригами на шиї або по середині тіла. Їх уважають пророками й святими людьми, чому й дозволяють їм говорити вільно все, що хочуть, без усякого обмеження, хоча б навіть про самого Бога. Якщо така людина явно дорікає комусь у чому б то не було, то йому ніхто не заперечує, а лише говорять, що заслужили це по гріхах; якщо ж хто з них, проходячи повз крамницю, візьме що-небудь із товарів, для віддачі куди йому заманеться, то купець, у якого він у такий спосіб що-небудь взяв, вважає себе досить улюбленим Богом і бажаним святому чоловікові» [38, с. 118-119].

У Москві й інших великих російських містах убогих брали в палаци знаті й називали «верховними прочанами». Ці старці співали духовні пісні, вірші й розповідали казки. У царя Олексія Михайловича старці жили біля його кімнат. Коли один з них (Венедикт Тимофєєв) помер в 1669 році, його відпивали два патріархи, два архімандрити, десять священників, дванадцять дияконів і без ліку півчих. Сам цар був на похованні й роздавав щедро милостиню [19, с. 224-225].

Великий інтерес в світлі нашої теми, становлять скоморохи – поети. Вони складали особливі вірші - слави, що описують подвиги східнослов'янських князів. Один з них -

«Слово полку Ігоровім» дійшло до нашого часу. Відгомони віршів-слав містяться також у східнослов'янських билинах.

Рибаков Б.О. висловив припущення, відповідно до якого східнослов'янські поети - скоморохи вели язичницькі літописи, уривки з яких увійшли до «Повість временних літ» та інших письмових джерел. Зокрема, дослідник звернув увагу на той факт, що в літописних легендах, що розповідають про загибель князя Олега й помсту княгині Ольги застосовується епічний роздільник "І", що розмежовує дрібні епізоди й етапи розвитку дії. Цей самий роздільник використовувався поетами - сказителями при переказі билин [27, с.452]. На думку Рибакова Б.О. спеціальні поети - сказителі складали міфологічні сюжети, один із яких, зокрема, був відбитий на турячих рогах із чернігівського кургану «Чорна могила» [27, с.422].

Поети - сказителі знайшли собі застосування й у християнську епоху. Так, у «Слові о полку Ігоровім» згадується поет-розповідач казок Боян. Є підстави припускати, що він був досить заможною людиною. Так, великий напис, що складається з 14 рядків на стіні Київського Софійського собору, повідомляє про покупку княгинею Всеволожею якоїсь Боянкової землі, за яку вона сплатила величезну на той час суму грошей - сімсот гривень. Десята частина цих грошей - сімдесят гривень - була внесена в Софійський собор як церковна десятина, що, можливо, і послужило приводом записати на стіні цю торговельну угоду [14, с.152]. Майже до XVII ст. сліпі розповідачі казок жили у кожному багатому будинку. Селяни теж з любов'ю й повагою ставилися до цих старців.

Таким чином, можливо, зробити висновок, що давньоруські скоморохи були невід'ємною частиною східнослов'янського язичницького культу. Інститут скомороства мав досить складну структуру й не втратив своєї популярності протягом багатьох століть після прийняття християнства, з успіхом конкуруючи із християнською церквою. Скоморохи у своїй основі були творчими людьми. Вони стали родоначальниками народного пісенного мистецтва й хореографії, міфологічній поезії й, можливо, навіть літописання.

Источники и литература:

1. Алешковский П.М. Языческий амулет-привеска из Новгорода. //СА.1980. № 4. С.284-287.
2. Амброз А.К. Дунайские элементы в раннесредневековой культуре Крыма (VI-VII вв.) // КСИА.1968. Вып.113. С. 10-23.
3. Аничков Е.В. Язычество и Древняя Русь. СПб.1914.
4. Афанасьев А.Н. Поэтические воззрения славян на природу: В 3 т. М.1865. Т.1.
5. Былины. М., 1989.
6. Веселовский А.Н. Русские и вилькины в саге о Тидрике Бернском. // ИОРЯС. Т.11.Кн.3. 1906. С. 5-190.
7. Гальковский Н.М. Борьба христианства с остатками язычества в древней Руси. Харьков, 1916. Т. 2. 354 с.
8. Гензель Витольд. Культура и искусство польского Поморья в эпоху раннего средневековья (VI-XI ст.) // Славяне и скандинавы. М.: Прогресс, 1986. С.313-338.
9. Даль В.И. Толковый словарь русского языка. М., 2003.
10. Даркевич В.П., Монгайт А.Л. Старорязанский клад 1966 г. // СА. 1967. №2. С. 207-225.
11. Забылин М. Русский народ. Его обычаи, обряды, предания, суеверия и поэзия. М., 1992.
12. Ибн-Даста. Книга драгоценных сокровищ // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / Собрание, перевод и объяснения Гаркави А.Я. СПб.1870. С.260-270.
13. Ибн-Фадлан. Записки. // Сказания мусульманских писателей о славянах и русских с половины VII до конца X в. / Собрание, перевод и объяснения Гаркави А.Я. СПб. 1870. С.82-116.
14. История Киева в 3-ох томах. Т.1. Древний и средневековый Киев. К., 1982.
15. Карамзин Н.М. История государства Российского в 2-ух томах. М., 2003.Т.1.
16. Києво-Печерський патерик / Під ред. Д.І.Абрамовича. К., 1991.
17. Лебедев А. Храмы Власьевского прихода в Ярославле. Ярославль, 1877.
18. Макарий (архиепископ Харьковский). История русской церкви. СПб. 1868. Т.1.
19. Максимов Е. Бродячая Русь. Христа – Ради. СПб., 1877.
20. Новосельцев А.П. Восточные источники о восточных славянах и Руси VI - XI ст. // Древнерусская держава и ее международное значение. М., 1965. С. 391-419.
21. Повесть временных лет. / Под ред. и с пред. В.П. Адриановой-Перетц. М.-Л., 1950.
22. Покровский Ф.И. Словеса из святых книг собранные. Четыре сборные поучения с русскими вставками // ИОРЯС.Т.12. Кн.1.1907. С. 219-249.
23. Поучение митрополита Даниила // ПЛДР. Т.3. Конец XV - пер. пол. XVI ст. М., 1987. С. 318-322.

24. Приходнюк ОМ. Археологічні пам'ятки середнього Придніпров'я VI-IX століття н.е. Київ: Наукова думка, 1980.- 150 с.
25. Рыбаков Б.А. Культура средневекового Новгорода// Славяне и скандинавы.- М.: Прогресс, 1986.- С. 298-312
26. Рыбаков Б.А. Первые века русской истории. - М., Наука, 1964. – 240 с.
27. Рыбаков Б.А. Язычество Древней Руси. - М., Изд-во Академии Наук СССР, 1987. – 783 с.
28. Сахаров И.П. Сказания русского народа.- М.: Наука.-1989. -397 с.
29. Седов В.В. Восточные славяне в VI-XIII вв.-М.: Наука, 1982.- 327 с.
30. Сказание о русалиях святого Нифонта. // Художественная проза Киевской Руси X—XIII веков. - М.: Художественная литература, 1957.-С. 207-209.
31. Слово игумена Панфила к наместнику города Пскова о дне Иоанна Предтечи // ПЛДР.- Т.3. Конец XV-пер. пол. XVI ст. М.: Наука, 1987. С. 318-322.
32. Слово блаженного Ефрема Сирина о том как возвращаются вспять на языческие дела // Сведения и заметки о малоизвестных и неизвестных памятниках И. Срезневского. // Сборник ОРЯС. 1867. Т.1. Вып.1. Стлб. 30-36.
33. Слово истолковано мудростью.// Историческая хрестоматия церковно-славянского и древнерусского языков. / Под ред. А. Буслаева. М.,1861. Стлб.530.
34. Соболевский А.И. Два русских поучения с именем Григория // ИОРЯС. СПб. 1907.Т.12.-Кн.1. С.254-260.
35. Тайлор Э.Б. Первобытная культура. - М.: Изд-во политической литературы, 1989.
36. Успенский Б.А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского.) М., 1982.
37. Феофилакт Симмокатта. История. М., 1957.
38. Флетчер Джильс.- О государстве Русском // Россия XVI века. Воспоминания иностранцев. Смоленск, 2000. С.14-152.
39. Фотомеханическое воспроизведение Радзивилловской (Кенигсбергской) летописи. СПб. 1902.
40. Laszlo G. Etudes archeologiques sur l'histoire de la société des avars. Budapest, 1955.

Сокращения:

ИОРЯС – Известия отделения русского языка и словесности Академии наук.

КСИА – Краткие сообщения Института археологии.

СА - Советская археология.

ПЛДР – Памятники литературы Древней Руси.

Сборник ОРЯС – Сборник отделения русского языка и словесности Академии наук.

НОВЫЙ ТИП МОНЕТНОГО ЛИТЬЯ ХЕРСОНА

Чореф М.М.

Тюменский государственный университет

Известно, что одним из важнейших источников для изучения истории Херсонеса являются монеты. Их исследование продолжается уже более 200 лет. Однако ввод в научный оборот огромного количества монет чекана и литья этого города, поступивших в музейные собрания и частные коллекции, продолжается до сих пор.

В 1986 г. историком-археологом и бахчисарайским краеведом М.Я. Чорефом в окрестностях городища Эски-Кермен была найдена медно-свинцовая монета Херсона. К сожалению, находка не заинтересовала исследователя и не была им своевременно издана. Уже в настоящее время она была нами изучена.

Перейдем к ее описанию. Монета (рис. 1), диаметром 1,76 на 1,55 см., весом 2,55 г, была отлита из медно-свинцового сплава (в дальнейшем для удобства изложения мы будем называть его бронзой). Просматриваются следы двух литников. Соотношение осей ее аверса и реверса 6 ч.

На лицевой стороне монеты различимы элементы монограммы. Определенно читается «w», выше и правее ее расположена угловатая буква «a». От первой из них идет вверх линия, заканчивавшаяся кружком. Похоже, что это зеркально развернутая буква «g». Левее и ниже последнего элемента надписи просматривается наплыв металла, вероятно, след плохо переданной буквы «m». Как видим, были соединены только «g» и «w».

После внимательного осмотра этой надписи, сложилось впечатление, что штамп для аверса данной бронзы был изготовлен с нарушением технологии, принятой на монетном дворе Херсона во второй половине IX-X вв. Хорошо заметно, что мастер не смог прорезать надпись линиями одинаковой толщины и глубины: видно, как рельефно он передал «w» и как слабо выступает над поверхностью едва читаемая «a». Вероятно, он был вынужден работать не с мягким, податливым материалом, а с уже обожженной глиной. В противном случае трудно объяснить наличие хорошо различимых точек на линиях, образующих букву «a». Складывается впечатление, что резчику пришлось царапать по керамической поверхности, прилагая при этом большие усилия, причем особо твердые частицы ему пришлось выковыривать. Только в результате этого процесса на поверхности штампа могли появиться хорошо заметные многочисленные царапины и выщерблины. К примеру, под «w» заметны две пересекающиеся линии, образовавшиеся как результат ошибок резчика, не сумевшего аккуратно выбрать материал. Как видим, мастер по пока не понятным причинам правил уже использованную форму.

Проведем графологический анализ определяемых букв. Известно, что на аверсах херсонских выпусков Романа I Лакапина (920-944 гг.) есть монограммы, в которых буква «p» была зеркально развернута [2, с. 169, *м, о*, табл. XXVII, № 409, 410, табл. XXVIII, 423, 424, 426], а использование «a» такой конфигурации было свойственно монетному делу Херсона второй четверти X – нач. XI вв., т.е. как при вышеупомянутом правителе [2, с. 169, *л, м, н*, табл. XXVII, №408-410, табл. XXVIII, №419-421], так и при его преемниках Романа II (959-963 гг.) [2, с. 169, *н, р*, табл. XXVIII, №428-432] и Иоанне I Цимискисе (969-976 гг.) [2, с. 169, *ф*, табл. XXIX, № 438-440], а также при Василии II Болгаробойце и Константине VIII (совместное правление без узурпаторов в 976-1025 гг.) [2, с. 169, *ц, ч*, табл. XXIX, № 441-444].

Таким образом, проведя анализ различных элементов легенды аверса, мы имеем право предполагать, что она является весьма неудачно выполненной монограммой «Rwma», похожей на аббревиатуры, свойственные монетному литью Херсона времен Константина VII Багрянородного (913-959 гг.) и его соправителей Романа I Лакапина [2,

с. 169, м, н, табл. XXVII, № 408-413, табл. XXVIII № 419-421] и Романа II [2, с. 169, н, табл. XXVIII, №428-430].

На оборотной стороне монеты видна хорошо известная монограмма титула «desp $\acute{\omicron}$ thj» (греч.: «деспот»)¹, характерная для херсонских выпусков Иоанна I Цимискиса (969-976 гг.) [2, с. 169, ф, табл. XXIX, № 438-440] и его ближайших преемников Василия II и Константина VIII [2, с. 169, ц, табл. XXIX, 441-444]. По В.А. Анохину, выпуски с оформленными таким образом оборотными сторонами лили до 988 г. [2, с. 121]. Вероятно, сам штамп реверса мог быть сформован в результате оттискивания соответствующей стороны одной из монет вышеупомянутой разновидности, вернее всего, судя по изогнутой перекладине «t» и написанию «е», № 438 по каталогу В.А. Анохина [2, табл. XXIX, № 438].

Как видим, использовавшиеся при литье штампы были изготовлены по разным технологиям. В таком случае, можем предположить, что только форма для оборотной стороны могла быть оттиснута с находившейся тогда в обращении городской бронзы.

Продолжим исследование монеты. Как мы уже выяснили, на ней было размещено доселе не встречавшееся сочетание разновременных монограмм на аверсе и реверсе. Попытаемся дать объяснение этой ситуации.

Как уже говорилось выше, монограмма титула «desp $\acute{\omicron}$ thq» в таком написании появилась впервые на выпусках Херсона в правление Иоанна I Цимискиса и использовалась при его ближайших преемниках: Василии II Болгаробойце и Константине VIII [2, с. 110-130]. При этих императорах в Херсоне регулярно отливалась монета, об обилии производства которой свидетельствует огромное количество ее разновидностей, выделенных к настоящему времени. Кроме того, городские выпуски предшественников этих правителей также оставалась в обращении [2, с. 121; 3, с. 158].

Однако, кроме мелкой бронзы, в конце X - начале XI вв. в денежное обращение Херсона поступили крупные литые монеты. В настоящее время из их массы уверенно выделяются две группы, хорошо отличимые по монограммам «kBw» и «Rw» на аверсе. К сожалению, слабая изученность монетного материала не позволяет точно их датировать. К примеру, первую из них В.А. Анохин посчитал возможным выделить в отдельную эмиссию Василия II и Константина VIII [2, с. 122-123], а И.В. Соколова отнесла к литью Василия I Македонянина и его сына Константина (867-886 гг.) [5, с. 42]. Не меньше споров вызывает и датировка монет с аббревиатурой «Rw». Так, по В.А. Анохину, их могли начать лить при Романа III Аргире (1028-1034 гг.) и изготавливали до начала XIII в., а по И.В. Соколовой, эмиссия этой серии бронзы проходила в XIII в. [2, с. 163, 165, табл. XXVIII, № 423, табл. XXX, 452, 453; 5, с. 61-63, табл. XII, №1, I тип, табл. XIII, № 3, 7, VIII, IX тип]. Мы не будем вдаваться в этот научный спор. Считаем только нужным отметить, что крупные литые бронзовые монеты Херсона в любом случае вытеснили мелкие выпуски IX-X вв. уже в начале XI в. и обращались еще в первой половине XIII в.²

Так как для датирования нашей бронзы важно установить ее номинал, то мы совершим небольшой экскурс в монетное дело Византии. Как известно, в империи в конце VIII-X вв. прекратился выпуск меди иных номиналов, кроме фоллиса [9, р. 301-343]. Был изменен и его монетный тип. Если ранее, со времен денежной реформы Анастасия I (491-518 гг.), на реверсе византийской меди помещали информацию о номинале, дате и месте ее выпуска [9, р. 37-43], то уже при Никифоре I (802-811 гг.) в обращение поступают фоллисы с портретами самого императора и его сына Ставракия, причем, на этой меди заметны монограммы правителей и нет обозначения номинала [9, р. 307]. Монеты этого типа выпускают и их преемники [9, р. 312, №1635, р. 313, №1637, 1638, р. 319-320, №1667, 1668, р. 322, №1685, р. 324, №1693]. Но так как в обращение в тот период поступала медь такого же веса и диаметра с обозначением номинала, можно считать все эти

¹ В монограмме было зашифровано слово desp $\acute{\omicron}$ ton (греч.: «деспота»).

² В качестве примера приведем факт обнаружения клада из 250-300 монет с «Rw» на аверсе и с „голгофой” на реверсе, схороненного в окрестностях г.Дюрупинска (Поднепровье). Судя по археологическим данным, эти выпуски Херсона находились в обращении еще в нач. XIII в. (см.: [6, с. 61]).

выпуски фоллисами. Но уже со второй половины IX в., т.е. при первых императорах Македонской династии (Василии I Македоняnine, Льве VI Мудром (886-912 гг.) и Константине VII Багрянородном (913-959 гг.)) монетный двор Константинополя стал выпускать, кроме золота и серебра, только именные фоллисы без обозначения номинала [9, р. 327, №1709, р. 328, №1710-1713, р. 329, №1721, 1722, р. 331, №1728, 1729]. При этих правителях активизировалось и монетное литье в Херсоне, на бронзах которого появляются монограммы правителей и кресты. Следовательно, мы можем уверенно считать, что в этом городе, как и по всей империи, перешли к выпуску разменной монеты одного номинала, т.е. фоллиса.

Уже в конце X в. мелкая медь выпадает из обращения. Известно, что при Иоанне I Цимисхии в денежном обращении Византийской империи появились крупные медные монеты, называемые в нумизматической литературе «анонимными фоллисами» [6, с. 60; 8, р. 17-19; 9, р. 375-380; 11, р. 480]. Такое наименование они получили, т.к. на их аверсах выбивали изображения Иисуса Христа или Богородицы, а на реверсах размещали богословские тексты или крест [9, р. 375-380, 383, №1900-1903a]. На большей части разновидностей этих монет нет ни портретов, ни упоминаний о правящих в момент их выпуска императорах. Эмиссия такой меди в Византии продолжалась до денежной реформы, проведенной в 1092 г. при Алексее I Комнине (1081-1118 гг.) [6, с. 58; 9, р. 383, №1900-1903a].

К сожалению, мы не знаем ничего ни о причинах этих преобразований, ни о номиналах монет, поступивших в ходе реформы в обращение. Известно, что в конце X в. разразился серебряный кризис. Вероятно, в результате его в денежном обращении большинства государств появились медные монеты – заменители серебра [4, с. 24]. Можно предполагать, что в Византии в обращение поступила новая медь пока неизвестного номинала, вытеснившая прежде выпущенные фоллисы и ставшая, в свою очередь, объектом подражания в ряде мусульманских государств, в которых чеканили т.н. «медные дирхемы» [1, с. 187-191; 8, р. 162]. В противном случае мы не сможем объяснить массовую перечеку при Иоанне I Цимисхии на «анонимные фоллисы» меди его предшественников [6, с. 60; 9, р. 375-380; 10, р. 73-74]. А заметные отличия в оформлении этих монет от ранее выпускавшихся серий разменных денег позволяет считать, что они поступили в обращение в качестве нового номинала. Только этим мы можем объяснить выделение их в отдельные монетные типы, при разработке оформления которых преднамеренно не были использованы стандартные для византийской меди обозначения достоинства и изображения императоров. Отметим, что отсутствие указаний на номинал этих выпусков не является основным признаком «анонимных фоллисов». Известно, что немногие правители XI в. возобновляли выпуск именной меди, но того же веса и с принятым для вышеупомянутой серии меди изображением Христа [8, р. 95; 9, р. 363, №1853, 1854, р. 373, №1888, р. 374, №1890, 1890a]. Кроме того, периодические перечеканки крупной меди, связываемые со сменой правителей Византии, свидетельствуют против самой идеи анонимности медного чекана в тот период. Как видим, название, принятое в современной нумизматике, совершенно не характеризует эту группу меди.

В связи с этим, следует заметить, что сама идея видеть в аббревиатурах на аверсах поздней бронзы Херсона монограммы императоров представляется глубоко ошибочной. Ведь, как уже было сказано выше, в Византии с кон. X в. до кон. XI в. практически перестали выпускать именованную медь. В таком случае, если выпуски Херсона были одновременны общеимперским, то на них уже не было смысла размещать монограммы правителей [2 с. 123, табл. XXIX, №445-448]. А выявленная смена номиналов должна была привести и к изменению стиля оформления бронзы этого города.

Следовательно, мы можем обоснованно предполагать, что в кон. X – нач. XI вв. в Херсоне стали лить крупную бронзу общеимперского номинала¹. А вскоре после этого

¹ В ближайшее время мы планируем издать статью, в которой вынесем на обсуждение наше прочтение этих монограмм.

санкционированный столичными властями выпуск мелкой медно-свинцовой монеты, привычной населению этого города, полностью прекратился.

В то же время, в крупных торговых городах Византии ранее выпущенные разменные деньги могли использоваться и в первой трети XI в. Вероятно, что при их недостатке, городские власти могли проводить собственную эмиссию. По крайней мере, нам известны малые бронзы Херсона, отлитые при Иоанне I Цимискисе и при его преемниках Василии II Болгаробойце и Константине VIII. Следовательно, наша монета является фоллисом, выпущенным в X – начале XI вв.

Теперь попытаемся определить, является ли монета продуктом официального монетного двора Херсона или подражанием какому-либо широко известному типу городской бронзы. Действительно, в настоящее время нет единой точки зрения на природу многочисленных выпусков Херсона. К примеру, значительная группа исследователей склонна видеть в них продукцию официального городского монетного двора, а их оппоненты стараются выделить бронзы, изготовленные, по их мнению, частными лицами. Но, судя по преемственности разновидностей монетного литья Херсона, городскую монету могли изготавливать только на официальном монетном дворе. Само наличие нашей монеты подтверждает это предположение. Ведь, судя по ее редкости, она не могла быть отлита частником, который, стремясь выпустить копии привычных денег, явно не мог разрабатывать новый монетный тип. Кроме того, как уже было отмечено, мастер был хорошо знаком с технологией, принятой на монетном дворе Херсона: он стандартно формовал реверс и подрезал штамп, вероятно, ранее использованный для оттискивания аверсов прежде выпускавшихся монет.

Теперь, после того, как мы установили место изготовления нашей бронзы, попытаемся разобраться с оттиснутыми на ней монограммами и датировать ее. Мы знаем, что императоры, правившие в конце X – начале XI вв., считали нужным перечеканивать медь своих предшественников [6, с. 60-61; 7, р. 197-221; 10, р. 73-74]. В таком случае, монетчики, работавшие в провинциальных центрах, должны были учитывать перемены, происходившие в верхних эшелонах власти в Константинополе. Известно, что штампы для аверсов херсонской бронзы изготавливались с учетом этих изменений, причем их реверсы могли оттискивать и старыми формами.

Если вышеуказанные предположения верны, то наша монета могла быть изготовлена после смерти Василия II Болгаробойцы, но в любом случае, только при каком-то Романе – ближайшем его преемнике, при котором в городском обращении могло еще находиться большое количество мелких выпусков его предшественников, правивших в конце X - нач. XI вв.

Попытаемся, в таком случае, определить этого императора. Как мы знаем, на престол империи всходили четыре правителя, носивших данное имя. Причем только два из них: Роман III Аргир (1028-1034 гг.) и Роман IV Диоген (1067-1071 гг.) правили в XI в. Сразу отметим: только первый из вышеупомянутых императоров смог заставить по приходу к власти в Херсоне монетное обращение, насыщенное мелкой бронзой X в.

Следовательно, наша монета могла быть отлита только во время правления Романа III Аргира, о чем говорит как единство идей ее оформления и известных нам херсонских выпусков предшественников данного правителя, так и уверенность в том, что при преемниках этого императора мелкая медь прежних типов уже не выпускалась.

В таком случае следует полагать, что нами выявлена бронза Романа III Аргира, отлитая в Херсоне, причем сама ее редкость свидетельствует о кратковременности выпуска. Можно предполагать, что литье фоллисов в этом городе прекратилось при этом правителе, а городская мастерская перешла на выпуск т.н. «анонимных фоллисов».

Источники и литература:

1. Алексеев Н.А. К вопросу о деятельности херсонесского монетного двора в XIII столетии // ХСб. 1996. Вып. VII. С. 187-191.
2. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до – XII в.). К., 1977.
3. Гилевич А.М. Новый клад херсоно-византийских монет // ВВ. М., 1964. Т. XXIV. С.148-158.

4. Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система (XII-XV вв.). М., 1983.
5. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
6. Столярик Е.С. Очерки монетного обращения Северо-Западного Причерноморья в позднеримское и византийское время (конец III – начало XIII в.). К., 1992.
7. Dimian I. Cu privire la cronologia si atribuirea monedelor anonime bisantine de bronz // Stidii ş i cercetari de numismatica. Bucureşti, 1960. №3.
8. Sayles Wayne G. Ancient coin collecting. Iola, 1998.
9. Sear D.R., Bendall S., O'Hara M.D. Byzantine coins and their values. London, 1987.
10. Thompson M. Athenian Agora. Vol. II. Coins from the Roman through the Venetian period. Princeton, 1954.
11. Wroth W. Catalogue of the Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. Vol. II

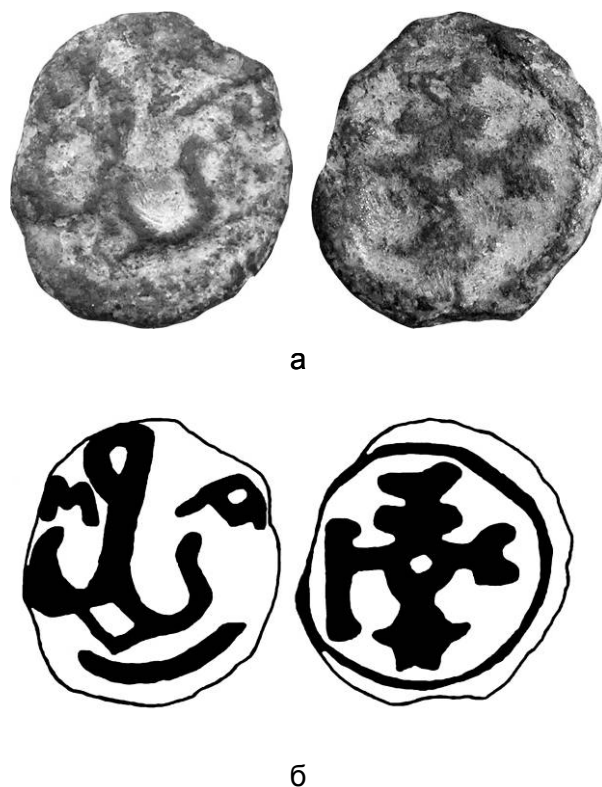


Рис. 1. а – фото монеты, б – прорисовка.

К ВОПРОСУ ОБ АТРИБУЦИИ МОНОГРАММ НА ГЕМИФОЛИСАХ ХЕРСОНА ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЫ IX В.

Чореф М.М.

Тюменский государственный университет

Уже не первое столетие изучается нумизматика Херсона. За века исследования в научный оборот было введено множество разновидностей монет литья и чекана этого города. Однако до сих пор так и не удалось определить значительную часть бронз его эмиссии. Речь не идет о позднейших монетах Херсона с «**Rw**» на аверсе, длительность выпуска и обращения которых создала определенные сложности при атрибуции [10]. И сейчас нет единой точки зрения на расшифровку монограмм «**M**», «**MB**» и «**P**», известных на аверсе бронз, относимых к эмиссиям последних столетий полисного и первым годам фемного периодов, т.е. к VIII – третьей четверти IX вв.

Попытаемся разрешить эту задачу, так как считаем ее не только нумизматической, но и исторической. Ведь расшифровка перечисленных аббревиатур позволит осветить наименее изученный период в истории Таврики. Мы уже обращались к исследованию монетного дела Херсона этого периода [6, с. 121–122; 7, с. 161–165; 8, с. 138–140]. Продолжая ранее начатое исследование, попытаемся найти, обосновать и ввести в научный оборот логичное прочтение заинтересовавших нас монограмм.

Первым делом приведем краткую справку по истории изучения монет с аббревиатурами «**M**», «**MB**» и «**P**». Известно, что еще Г.К.Е. Кёллер выделил часть их разновидностей [12, S. 18, 22. № 17–20. Pl. II, 27–30] (рис. 1, 5–8). Им же были предложены расшифровки надписей, размещенных на их аверсе и реверсе. По мнению исследователя, аббревиатура «**MB**» представляла собой первые буквы неизвестных имен протевона и его отца. Монограмму «**P^oC**» он предложил читать как | **Prwtevwñ Cers[^]no** – «протевон Херсона». Г.К.Е. Кёллер допускал, что аббревиатуры «**P**» и «**P^o**» являются сокращениями все того же слова **Prwtevwñ** – «протевон» [12, S. 22]. По его логике, монеты с монограммой «**M**» могли быть выпущены при том же неизвестном протевоне.

Как видим, гипотеза Г.К.Е. Кёллера вроде бы учитывает все факторы и выглядит вполне логичной. Однако у нее есть слабые стороны. По мнению Г.К.Е. Кёллера, заинтересовавшие нас монеты следует относить к выпускам автономного Херсона, поступавшим в обращение при неизвестном протевоне, время жизни которого установить практически невозможно. Именно эти положения и вызывают наибольшее число возражений. Дело в том, что ни в одном из известных нам письменных источников нет сведений об особом статусе Херсона в полисный период. Зато известно, что его жители были, как правило, лояльны василевсам–иконоборцам, не опасавшимся сослать под их надзор своих политических врагов. У нас есть все основания считать, что Херсон при Исаврах и их ближайших преемниках не вышел из под контроля Константинополя. Кроме того, допущение о невозможности установить лицо, в честь которого прошла эмиссия, лишает нас возможности датировать сами монеты.

Заметим, что к настоящему времени выработана иная концепция этого вопроса. Считается, что монеты Херсона в первой половине VIII в. выпускались только от имени императоров. Первым обратил на это внимание Б.В. Кёне. Ученый считал, что на бронзах Херсона не могли появиться инициалы городских магистратов или чиновников [2, с. 184. № 1–3. Табл. 6, 8; 3, с. 197; 13, S. 170. № 1–3. Taf. 6, 8]. Исследователь по-новому прочитал монограммы. По его мнению, в аббревиатуре «**MB**» были зашифрованы имена правителей: **Mica\I** и **Basjleio**~. Б.В. Кёне датировал эмиссию монет с этой монограммой совместным правлением Михаила III (842–867) и Василия I (867–886). В монограммах «**P^o**» и «**P**» историк увидел сокращения фразы | **Porfurglñmhto**~ – «Порфиородный» [2, с. 185; 13, S. 171]. Каких либо предложений о прочтении аббревиатуры «**P^oC**» он не выдвинул.

Ученый считал, что последний символ в этой монограмме представлял собой не букву, а крест.

Однако и у Б.В. Кёне нашлись оппоненты. Не все исследователи согласились с его датировкой монет с монограммой «МВ» на аверсе. Ведь исключительное изобилие их находок свидетельствует о длительности эмиссии. По мнению В.А. Анохина, эту аббревиатуру можно расшифровывать как **Mica\I basilev~** – «*Михаил василевс*», а эмиссию монет с ней следует датировать всем периодом правления Михаила III [1, с. 114]. Правда, его оппонент И.В. Соколова все же считает, что в «МВ» была зашифрована фраза «**Mica\I Basileio~**» [5, с. 37–38]. Столь же активно дискутируется прочтение монограмм «М» и «Р». Если часть исследователей, придерживающихся точки зрения В.А. Анохина и Г.К.Е. Кёллера, относят их к выпускам городских магистратов, то их оппоненты склонны выделять эти монеты в эмиссии императоров, имена которых начинались с буквы «М» или во все считать их анонимными полисными. Зато все они поддерживают гипотезу В.В. Роса, согласно которой монограмму «Р°С» следует читать как **p3li~ Cers^no~** – «*Полис Херсон*» [14, р. 434. Com. 3].

Как видим, все существующие на настоящий момент прочтения аббревиатур «М», «МВ» и «Р» явно противоречивы, а доводы их сторонников не единожды опровергнуты. Понимая важность проблемы, предложим наше прочтение этих монограмм.

Начнем с самой пространной из них – с «МВ» (рис. 1,8). Если наша теория чтения линейных аббревиатур верна [9], то она представляет собой сокращения двух слов. Первое из них, бесспорно, имя императора. Но второе не может быть сокращением имени, так как в Византии не было пары василевсов, имена которых начинались бы с «М» и «В». Тривиальный пример Михаила III и Василия не уместен, так как соправитель последнего Амореяца был Rex – «царь» [11, Pl. 45,812; 14, р. 432. № 11, 12. Pl. L,2]. Предполагаем, что вторым словом надписи мог быть только титул **basilev~**.

В таком случае, монограмму «М» также следует считать сокращением имени. Вернее всего, ее следует читать как **Mica\I**. Но датировать монеты с ней правлением Михаила III было бы опрометчиво. Дело в том, что монетное дело Херсона не знает случая использования нескольких аббревиатур на монетах одного номинала, выпущенных во время одного правления. В результате расшифровки аббревиатур «LA» и «LE» было установлено, что сам факт модификации монетных легенд являлся важнейшим знаковым явлением. А раз Михаил III не был лишен трона до последнего дня своей жизни, то бронзы с «М» на аверсе следует датировать правлением какого-то другого, возможно, одноименного василевса.

Попытаемся определить имя этого правителя. Как известно, в разное время империей управляли Михаилы и Мануилы. Причем только имя первых могло появиться на гемифоллисах. В период обращения монет этого достоинства, кроме Михаила III, правили Михаил I Рангаве (811–813) и Михаил II (820–829). А так как к моменту прихода к власти Феофила (829–842) контроль империи в Херсоне практически не ощущался, то у нас есть веские основания отнести эмиссию монет с аббревиатурой «М» на аверсе к царствованию Михаила I Рангаве.

Убедительным доводом, подтверждающим наше предположение, является сам факт наличия анонимных монет Херсона с монограммой «Р» на аверсе. Дело в том, что оборотные стороны первых разновидностей этих бронз были оттиснуты еще не выработанными штампами, использованными при формовке гемифоллисов с «М» на лицевой стороне. Одинаковые греческие кресты видны на реверсе монет, приведенных на рис. 1,1,3 и рис. 1,2,4. На монетах первой группы этот культовый символ не имеет перекадин на плавно расширяющихся концах, а на второй – определенно восьмиугольный. В результате выработки первоначальных форм, в обращение поступили монеты, оттиснутые новыми штампами реверса (рис. 1,5–7). Первым их выпуском были бронзы со смещенным вниз «Р» на аверсе и с подрезанным крестом на реверсе (рис. 1,5). Предполагаем, что их формы были оттиснуты монетами, находящимися в обращении, а после небрежно подрезаны. Понятно, что эмиссия столь примитивно оформленных гемифоллисов не могла продолжаться долго, и на смену им поступили чеканные, а после и литые бронзы с «Р» на аверсе

и с «С» на реверсе (рис. 1,6). У нас есть все основания согласиться с мнением В.В. Роса и прочитать их аббревиатуры как «**p3li-**» и «**Cers^no-**». В результате выработки штампов реверса в обращение поступили небрежно оформленные литые монеты. Обратные стороны этих гемифоллисов или формовали штампами аверса, или оставляли гладкими (рис. 1,7). Использование анонимных монет всех этих разновидностей завершилось ко времени выпуска бронз с монограммой «**МВ**» [4, с. 16–25].

Таким образом, проведя небольшое нумизматическое исследование, мы установили, что в Херсоне в начале IX в. прошла денежная эмиссия от имени Михаила I Рангаве и Михаила III. В период между их правлениями в городе лили и чеканили анонимные полисные монеты, четкая смена разновидностей которых позволяет установить порядок и обстоятельства их эмиссии. Сам факт выпуска этих бронз свидетельствует об ослаблении контроля Константинополя над Херсоном. Предполагаем, что выпуск городских монет в начале IX в. является убедительным доказательством существования кондоминиума.

Источники и литература:

1. Анохин В.А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э.–XII в. н.э.). Киев, 1977.
2. Кёне Б.В. Исследования об истории и древностях Херсонеса Таврического. СПб., 1848. С. 181–182;
3. Кёне Б.В. Херронес (Севастополь) Окончание // ЖМНП. СПб., 1855. Третье десятилетие. Ч. LXXXVIII. Декабрь.
4. Соколова И.В. Клад херсонских монет середины IX в. // ТГЭ. Л., 1971. Т. XII. Вып. 4.
5. Соколова И.В. Монеты и печати византийского Херсона. Л., 1983.
6. Чореф М.М. К вопросу о номиналах литых бронз раннесредневекового Херсона // МАИАСК. Симферополь, 2008. Вып. I.
7. Чореф М.М. Монетное дело Херсона в первой половине VIII в. // Русь и Византия. Место стран византийского круга во взаимоотношениях Востока и Запада. Тезисы докладов XVIII Всероссийской сессии византистов. М., 2008.
8. Чореф М.М. Монетное дело Херсона первой половины VIII в. // Материалы Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2008 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2008» / Под ред. В.А. Трифонова, В.А. Иванова, В.И. Кузищина, Н.Н. Миленко. Севастополь, 2008.
9. Чореф М.М. Монетное дело Херсона при Льве VI Мудром // Сугдейский сборник. Киев–Судак, 2010. Вып. IV. (в печати).
10. Чореф М.М. Позднейшие эмиссии Херсона или к атрибуции монет с монограммой «**Rw**» // Вестник ТГУ. Тюмень (в печати).
11. Grierson P. Byzantine Coins. London, 1982.
12. Köhler H.K.E. Description des médailles de Chersonésus, ville de Chersonèse-Taurique, auxquelles sont ajoutées deux médailles de Cherson // Serapis. H.K.E. Köhler's Gesammelte Schriften im auftrage der Kaiserlichen Akademie der Wissenschaften / Herausgegeben L. Stephani // St. Petersburg, 1850. Theil I. Band I.
13. Köhne B. von. Beiträge zur Geschichte und Archäologie von Chersonesos in Taurien. St. Petersburg, 1848.
14. Wroth W. Catalogue of the Imperial Byzantine Coins in the British Museum. London, 1908. Vol. II.

Сокращения:

- ЖМНП – Журнал Министерства Народного просвещения.
 МАИАСК – Материалы по археологии и истории античного и средневекового Крыма.
 ТГУ – Тюменский государственный университет.
 ТГЭ – Труды Государственного Эрмитажа.

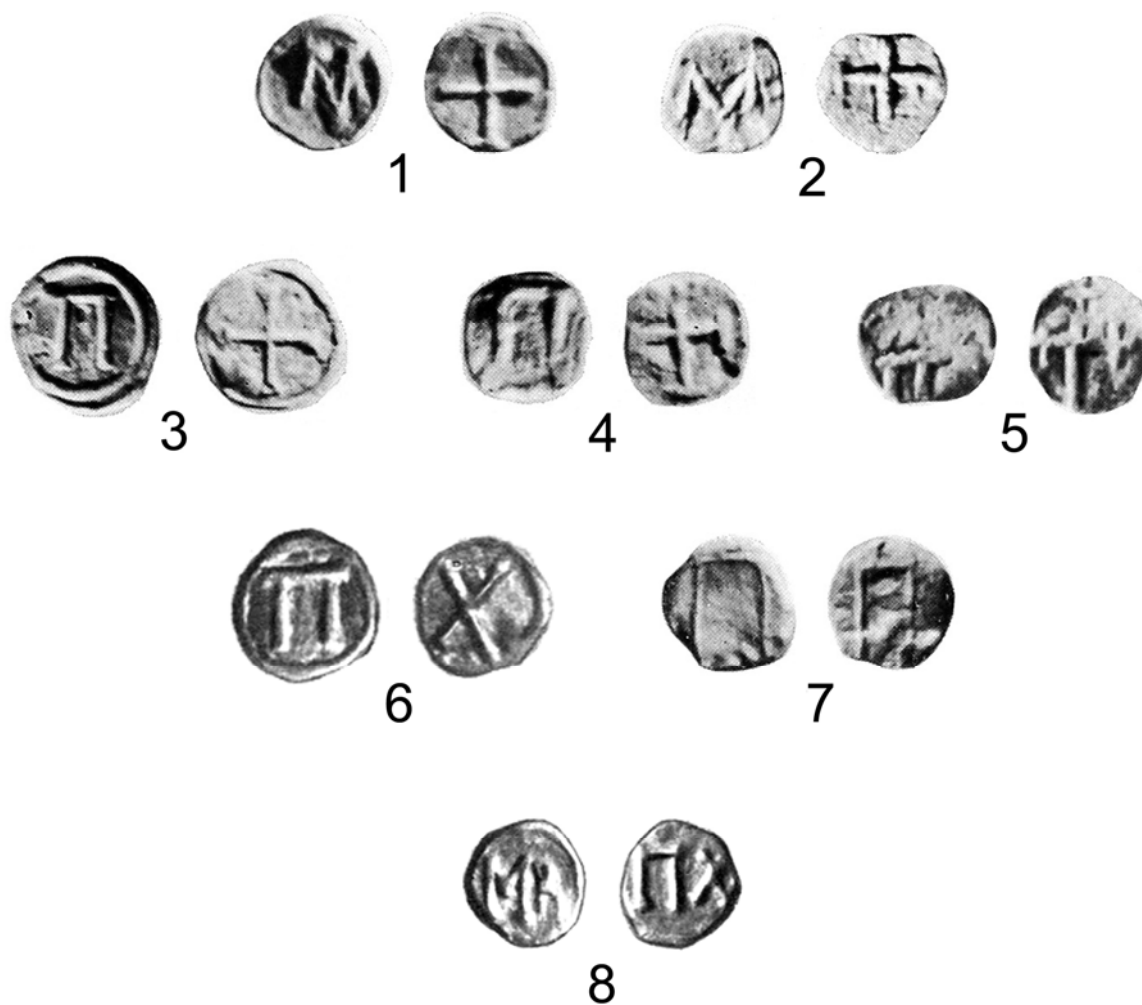


Рис. 1. Херсоно-византийские монеты IX в.

IV

ПЕРЕВОДЫ И ПУБЛИКАЦИИ

**СТАТЬЯ ИТАЛЬЯНСКОГО СЕЙСМОИСТОРИКА ДЖИУСТО ТРАЙНЫ
«ИЗ КРЫМА В СИРИЮ. ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО
ИСТОРИЧЕСКОГО ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 63 Г. ДО Н.Э.»:
ПЕРЕВОД И КОММЕНТАРИЙ**

ХАПАЕВ В.В.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Представление о землетрясении 63 г. до н.э., якобы случившегося на Боспоре и имевшего катастрофические последствия для городов и селений по обе стороны пролива, является одной из историографических констант. Сведения о нем в отечественной литературе считаются надежными и проверенными, как по данным письменных источников, так и археологии.

Информация об этом событии содержится в сейсмологической литературе, в том числе – в изданных в СССР общесоюзных и региональных каталогах [1; 6; 7].

Источником письменной информации о землетрясении служили не прямые и поздние источники – сообщения Диона Кассия (Dio Cassius, 37.11.4), жившего на рубеже II-III вв. н.э. и Павла Орозия (Orosius 6.5.1) - IV-V вв.н.э. Сведений о землетрясении от современников этого события не сохранилось.

Тем не менее, ученые, как отечественные, так и зарубежные, вплоть до конца XX в., однозначно относили это событие к Крыму, точнее – к Боспорскому царству. Разрушения в городах и на поселениях Керченского и Таманского полуостровов, фиксируемые археологически с 1945 г. и относящиеся к I в. до н.э., традиционно связывали именно с этим землетрясением [2; 3, с. 171; 5; 8].

В 1995 году вышла публикуемая ниже в нашем переводе статья итальянского сейсмоисторика Джуесто Трайны «Из Крыма в Сирию. Переопределение предполагаемого исторического землетрясения 63 г. до н.э.» [9], обоснованно ставящая под сомнение сам факт землетрясения на Боспоре в 63 г. до н.э. По мнению Дж. Трайны, историографическая традиция, «породившая» это землетрясение, связана с неверным прочтением и интерпретацией письменных источников.

Данная публикация в отечественной исторической науке замечена не была: ссылки на нее и комментарии в литературе отсутствуют. В новейших публикациях, затрагивающих историю Боспора I в. до н.э., землетрясение 63 г. до н.э. по-прежнему подается как событие безусловно достоверное (см. например: [4]).

Дж. Трайна, анализируя как вышеупомянутые источники, так и данные Страбона, Помпея Трога, Аппиана, Флора, Юстина, Иоанна Малалы, доказывает, что землетрясение, помешавшее Митридату VI совершить поход на Рим по Дунаю и через Альпы, произошло не на Боспоре в 63 г. до н.э., а в Сирии в 65 г. до н.э. Боспорского же землетрясения вовсе не было.

Более того, автор использует данный пример для широких обобщений: «This example confirms the need to reject a strict regional perspective in historical seismology, at least as far as A.D. 1500» (Этот пример подтверждает необходимость признать отсутствие сугубо региональных перспектив у исторической сейсмологии, по крайней мере, для событий ранее 1500 г. н.э.).

В связи с вышеизложенным, существует необходимость введения статьи Дж. Трайны в научный оборот русскоязычной историографии для критического анализа и аргументированного оппонирования. В этих целях и публикуется приводимый ниже перевод статьи итальянского сейсмоисторика.

Поскольку первоисточник опубликован в малотиражном (и малодоступном) научном издании «Annali di geofisica», которое затруднительно найти в наших библиотеках, в публикуемом ниже переводе сохранены (и выделены красным цветом в круглых скобках) но-

мера страниц оригинального издания статьи. Воспроизведены все иллюстрации. При этом, карты приводятся «как есть», а схема «взаимоотношений» (термин Дж. Трайны) анализируемых автором письменных источников публикуется в переводе на русский язык.

Это позволит авторам, заинтересовавшимся острополюмической статьей Дж. Трайны, сослаться как на перевод, так и на страницы оригинального текста.

Источники и литература:

1. Ананьин И. В. Сейсмичность Северного Кавказа. М., 1977.
2. Аракелян П. О. Изучение раскопок древних памятников на Керченском полуострове для возможного определения интенсивности разрушительных землетрясений // Изв. АН Армянской ССР. 1983. № 36 (4). С. 40-49.
3. Блаватский В. Д. Новые данные о строительстве Пантикапея: по материалам раскопок 1945-1949 гг. // СА. 1953. Т. 17. С. 163-182.
4. Вахонеев М.В. Мирмекий в римское время // Сугдейский сборник. К.- Судак, 2008. Вып. III. С.16-27.
5. Голенко В. К. Исследования на поселении Полянка // Скифия и Боспор. Археологические материалы к конференции памяти академика М. И. Ростовцева. Новочеркасск, 1989.
6. Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времен до 1975 г. / [Отв. ред. Н. В. Кондорская, Н. В. Шебалин]. М., 1977.
7. Попов И. И. Землетрясения в Крыму и прилегающих к нему частях Черного моря // Геология СССР. VIII, Крым. М., 1969. С. 447-459.
8. Guidoboni E., Comastri A., Traina G. Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area up to 10th Century. Bologna, 1994.
9. Traina G. From Crimea to Syria. Re-defining the alleged historical earthquake of 63 B.C. // Annali di geofisica, vol. XXXVIII, № 5-6, November-December 1995. P. 479-489.

ИЗ КРЫМА В СИРИЮ.
ПЕРЕОПРЕДЕЛЕНИЕ ПРЕДПОЛАГАЕМОГО ИСТОРИЧЕСКОГО
ЗЕМЛЕТРЯСЕНИЯ 63 Г. ДО Н.Э.¹

Джиусто Трайна (Giusto Traina)
SGA (Storia Geofisica Ambiente),

Перевод с английского и комментарии В.В. Хапаева

РЕЗЮМЕ

(Р. 479): При изучении исторической сейсмики Крымского полуострова, проводившегося SGA (SGA Report, 1990), наш интерес был сфокусирован на землетрясении 63 г. до н.э. Согласно местным сейсмическим каталогам, а также – исторической и археологической литературе, два позднееримских источника – Дион Кассий и Павел Орозий – предположительно содержат свидетельства о землетрясении, случившемся в Крыму в этом году; это событие связывалось со смертью Митридата VI Евпатора, последнего понтийского царя. Местные археологи утверждали, что нашли подтверждение этого события на раскопках Пантикапея (современной Керчи). На самом деле данные выводы стали результатом недостаточного анализа письменных источников. Так возникла своеобразная «vulgata», в настоящее время принятая ученым миром, но все же не подкрепленная доказательствами. Повторное изучение вопроса в целом, включая анализ всех имеющихся источников о землетрясениях в Восточном Средиземноморье, показало, что в этот период никаких сейсмических событий в Крыму не происходило. Свидетельства Диона и Орозия относятся совсем к другому землетрясению, случившемуся в Сирии, и известному из других источников. Этот исторический случай является примером методологических проблем, возникающих при анализе доказательств в исторической сейсмологии, и не только событий античного периода, но и вообще – предшествующих Новому времени.

Ключевые слова: историческая сейсмология – Восточное Средиземноморье – Крым – Сирия

1. МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ ПРИМЕР

Десятилетнее исследование сейсмики Средиземноморского региона в античности и раннем средневековье (основные результаты см. в Guidoboni 1989; Guidoboni et al., 1994) проливает свет на недостатки традиционных сейсмических каталогов, относящихся к этой территории. Говоря об античности, мы полагаемся на письменные свидетельства древних авторов. Однако эти свидетельства требуют особого внимания из-за специфических «шифров» античной культуры, часто рассматриваются неполно, а порой – неправильно.

Однако, эти ошибки объяснимы. Фактически важнейшие каталоги были составлены, в большей или меньшей степени, между 1850 и 1930-м годами. В это время историки, изучающие античность, не выказывали реального интереса к древним землетрясениям. Методы исторических сейсмологов, таких как Маллет (Mallet), Баратта (Baratta) или Сибберг (Sieberg) являются недостаточными, поскольку они сопоставляли свидетельства, порой очень сомнительные и

¹ Traina G. From Crimea to Syria. Re-defining the alleged historical earthquake of 63 B.C. // Annali di geofisica, vol. XXXVIII, № 5-6, November-December 1995. P. 479-489.

иллюзорные, но не сталкивались с критической проверкой со стороны историков-античников.

В последние два десятилетия сотрудничество между сейсмологами и историками-классиками (а также археологами) значительно расширилось. Тем не менее, многие ошибки и умозрительные идеи все еще признаются большинством ученых как истинные факты, поскольку они до сих пор не удалены из каталогов, на которые делаются ссылки. Некоторые из этих погрешностей порождены банальными причинами, такими как грубые ошибки в хронологии и «дробление»; их обычно порождают неточности перевода, и даже опечатки в «классических» каталогах, которые затем некритически перепечатываются в более поздних изданиях. Такие ошибки могут быть легко исправлены непосредственным (Р. 478): прочтением источника и пересмотром предыдущей поверхностной и, в основном, фантастической оценки интенсивности древнего землетрясения.

Гораздо труднее исправить неверные данные, когда они порождены не тривиальными неточностями, а неправильной методологией исследования. Особенный интерес представляет одна из самых серьезных методологических ошибок в исторической сейсмологии, ограниченная как историческим временем, так и географическим регионом. Такие «ограничения» особенно опасны в региональных каталогах, когда исторические данные концентрируются на доказательстве «позитива», а исторический и литературный контекст источников рассматривается недостаточно. Однако при изучении античности необходимо учитывать более широкий контекст, чтобы понять саму логику текстов.

Более того, методологические ошибки могут быть особенно опасны, когда они являются результатом неверных оценок историков-«классиков» и/или археологов, а исторические сейсмологи принимают эти оценки как бесспорное доказательство; на деле ограниченный местный кругозор часто ведет профессиональных ученых-античников к повторению тех же ошибок, которые совершают маститые исследователи. С давних пор традиционные сейсмические каталоги стали наиболее полным справочным материалом не только для сейсмологов, но и для исследователей античности. В результате, *faute de mieux*, историки и археологи слепо полагаются на общие и местные сейсмические каталоги как на «научное» доказательство, фактически опираясь на наивное, некритическое понимание исторических данных.

Соответствующим примером этой методологической процедуры является землетрясение, зарегистрированное сейсмическими каталогами бывшего СССР в Пантикапее, ныне Керчи, на северо-востоке Крыма (Украина) с датировкой 63 г. до н.э. (Смирнов, 1931; Попов, 1969; Ананьин, 1977; Кондорская и Шебакин, 1982). Согласно исторической и сейсмологической традиции, это землетрясение случилось в Крыму и затронуло, в основном, город Пантикапей - важное поселение в Восточном Крыму, а с первой половины V в. до н.э. - политический центр греческого царства Боспор Киммерийский (Гайдукевич, 1971; новую литературу см. в Hind, 1993, pp. 102 f.; см. также Горбунова, 1972).

Эта запись, прежде рассматривавшаяся историками без особого внимания, опиралась на авторитет российского археолога Блавацкого - выдающегося специалиста по боспорским древностям, который проводил археологические исследования в Керчи (Блавацкий, 1964, 1977). Однако, по нашему мнению, историческое и археологическое доказательства этого события являются спорными из-за их больших внутренних противоречий. Поэтому, в первом каталоге средиземноморских землетрясений мы выражали в связи с этим некоторые сомнения (Guidoboni, 1989). Недавнее рассмотрение (Guidoboni *et al.*, 1994) дало нам возможность переосмыслить вопрос в целом настолько, что наш подход к проблеме значительно изменился. Настоящая статья является дальнейшим развитием этой темы: мы полагаем, что будет полезно провести по данному вопросу тщательную экспертизу, так как этот случай является наглядным примером методологических проблем, связанных с современными тенденциями в исторической сейсмологии.

2. ТРАДИЦИЯ ОСПАРИВАЕТСЯ

Традиционно сведения об этом разрушительном землетрясении в Крыму черпаются из двух позднеримских источников, а именно - Диона Кассия (III в.н.э.) и Павла Орозия (V в.н.э.). Однако единственное предположительно прямое доказательство обеспечивает Орозий, христианский историк, который около 420 г.н.э. написал моралистическую, но достаточно информативную *«Историю против язычников»*. В этой работе Орозий заботливо выделял любое историческое свидетельство о плохих предзнаменованиях, и особенно о бедствиях, известных как губительные для римлян или их языческих противников. Землетрясения, разумеется, играли значительную роль.

Пассаж Орозия, указывающий на землетрясение в городах, контролируемых Митридатом VI Евпатором, царем Понта (царствовал в 120-63 г.г. до н.э.), незадолго до его смерти, выглядит так: *«Когда Митридат находился на Боспоре чтобы отметить праздник Цереры, внезапно произошло землетрясение настолько сильное, что это, как говорят, имело катастрофические последствия в городе и сельской округе»*. (Orosius 6.5.1: In Bosphoro Mithridate Cerealia sacra celebrante terrae **(Р. 481)**: motus adeo gravis repente exortus est, ut magna clades ex eo urbium atque agrorum secuta narretur).

Землетрясение, которое кажется тем же, что и в записи Орозия, зафиксировано Дионом Кассием, правда, без какого-либо указания на то, где оно произошло: *«Так как римские силы неуклонно увеличивали свою хватку и силы Митридата постоянно становились слабее, и также частично потому что одно из величайших землетрясений, когда либо описанных, произошло и разрушило многие из их городов (Митридата), союзники уходили (вар. отклонялись – В.Х.) и армия развалилась, и были те, кто похитил некоторых из его сыновей и отвез их к Помпею»* (Dio Cassius, 37.11.4: «Οἱ δ' ἄλλοι οἱ συνότες αὐτῷ, ὥς τὰ τε τῶν Ῥωμαίων ἰοχυρότερα καὶ τὰ τοῦ Μιθριδάτου θθενέστερα ἀεὶ ἐγίνετο (τὰ τε γὰρ ἄλλα καὶ ὁ σεισμός μέγιστος διὰ τῶν πῶποτε συνενεχθεῖς αὐτοῖς πολλὰς τῶν πόλεων ἐφθειρεν), ἡλλοιοῦντο, καὶ τὰ τε στρατιωτικά ἐκινεῖτο, καὶ παῖδας τινὰς αὐτοῦ συναρπάσαντες τινες πρὸς τὸν Πομπήϊον ἐκόμισαν»).

Сведения, сообщаемые обоими историками, кажется, предполагают существование надежной связи между этими событиями и их последовательностью. Они должны быть отнесены к концу кампании Помпея против Митридата (66-63 г.г. до н.э.), которая завершилась со смертью царя в Пантикапее. Этот город фактически был последним местом пребывания Митридата перед его кончиной (источники и литературу см. в Will, 1982, pp. 501-517, для общей локализации событий см. рис. 1). По этой причине местные историки считали само собой разумеющимся, что землетрясение должно было иметь место в Крыму, возможно – в Пантикапее. Кроме того, Блавацкий (1977, 1964) принимал следы многочисленных разрушений и восстановлений, которые он находил в Керчи, за археологическое подтверждение, что землетрясение действительно произошло в Крыму.

Как мы увидим в части третьей, вышеупомянутые пассажи Диона и Орозия не исчерпывают свидетельств о землетрясениях на театре боевых действий Третьей Митридатовой войны. Мы не обсуждаем здесь то, что Дион и Орозий – источники поздние; в классической литературе мы часто находим замечательные свидетельства о древних землетрясениях у авторов, которые писали о них в более поздние времена, даже много веков спустя. Их свидетельство, тем не менее, достоверно, поскольку они использовали хорошие источники – архивные материалы или более ранние тексты, которые до нас не дошли (Guidoboni *et al.*, 1994). Проблема - в другом. Фактически все древние историки, ранние или поздние, избирательны, и обычно передают сокращенную информацию; более того, позднейшие тексты обычно содержат переработанную информацию в сокращенном виде. Поэтому, записи древних историков не могут рассматриваться даже как приблизительное доказательство фактов без предварительного тщательного анализа текстов (Finley, 1986).

Оба источника необходимо в первую очередь рассмотреть в рамках их контекста. Павел Орозий описывает себя как писателя-антиязычника (и следовательно-

но – противника римлян), но своим повествованием он во многом обязан Титу Ливию, труды которого использовал при рассказе о землетрясениях и других бедствиях, интерпретируемых им как божественная кара язычникам. В данном частном случае он мог воспринимать землетрясение как наказание, наложенное на язычника Митридата в то время, когда он совершал обряды, посвященные «Цере-ре». Дион Кассий кажется более объективным, чем Орозий, но в его повествовательном стиле нет простора для деталей.

Доказательство, опирающееся на сообщения Диона Кассия и Орозия - не такое ясное, как кажется. Даже рассматривая их по отдельности, как это делалось в прошлом, уже можно усомниться в том, что они относятся к землетрясению, случившемуся в регионе Боспора Киммерийского в 63 г. до н.э. Историки обычно пропускали этот вопрос как несущественный эпизод, которому не уделяется внимание в наиболее крупных работах по римской истории. Предполагаемое землетрясение 63 г. до н.э. рассматривалось, более или менее, только в специальной литературе. Теодор Рейнах, который описал жизнь Митридата (Reinach, 1895, p. 401), предлагает дату 64 г. до н.э., но не дает ясного обоснования этого предположения. Он лишь указывает, что боспорские Цереалии, праздник богини Цереры, могли проводиться или в апреле - по римской традиции, или в октябре, если боспоряне переняли афинское торжество, проводившееся на Элевсине. Это, однако, далеко не очевидно.

На самом деле, ни Дион, ни Орозий не дают четких указаний ни на датировку, ни на локализацию этого события. Сообщение Орозия (Р. 482):

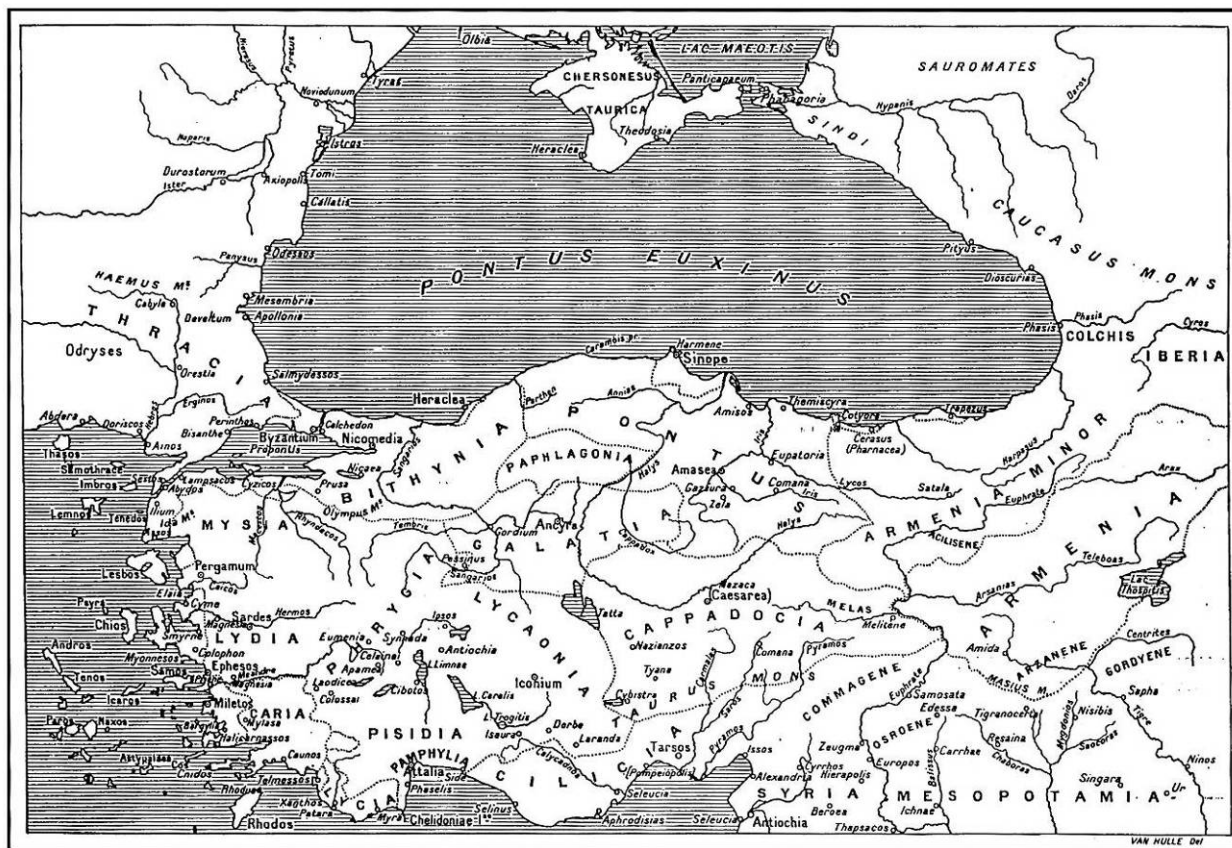


Рис. 1. Восточное Средиземноморье (источник: *Atlas Historique. I. L'Antiquité*, Paris, 1937).

(Р. 483): о кампании Помпея – быстро и кратко; он очевидно говорит о том же землетрясении, что и Дион Кассий, которое безусловно должно было произойти около 63 г. до н.э., так как это был год смерти Митридата. Оба автора помещают событие в обстановку приближающегося краха его царствования; но достоверных доказательств того, что землетрясение произошло на Боспоре, где действительно в это время находился Митридат, не существует; даже дата не является столь очевидной, ибо источники слишком коротки, чтобы можно было назвать ее с точностью до года. Кроме того, древние историки часто рассматривают землетрясения

и другие катастрофы как предвестники судьбоносных исторических событий (Guidoboni *et al.*, 1994). Смерть Митридата действительно была для Востока событием эпохальным, то есть подходящим для историков-анналистов, таких как Дион Кассий и Орозий (особенно Орозий), и они могли «уплотнить» ход событий, дабы найти в них сверхъестественную логику. Следовательно, землетрясение могло случиться несколько раньше смерти царя, даже на 2-3 года раньше.

Что же касается локализации, то свидетельства слишком скудны, чтобы утверждать, что землетрясение произошло в Крыму. Павел Орозий, кажется, черпал информацию у Ливия, великого историка Рима, умершего около 17 г.н.э. (его сведения об этом периоде, к сожалению, утрачены), и должен был суммировать гораздо более существенную литературу, поскольку он просто в краткой форме сообщает, что землетрясение произошло «*когда Митридат находился на Боспоре чтобы отметить праздник Цереры*» (по поводу критики поздних сокращений сведений Ливия, относящихся к этому периоду, см. McGing 1986, pp. 178 f.). Аргументы Блавацкого основываются преимущественно на археологическом изучении руин, но это практически невозможно признать убедительным доказательством землетрясения, т.к. интересующий нас регион в течение длительного времени подвергался военным разрушениям, отчасти вызванным осадами и набегами, а частично – обвалами городских стен из-за усиленного воздействия со стороны войск и осадных машин (см. литературу в: Гайдукевич, 1971).

Землетрясение, однако, кажется любимым аргументом пантикапейских археологов: по их утверждению, другое землетрясение «в начале III в. до н.э. локализуется в столице Боспорского царства». Об этом землетрясении говорят лишь археологические свидетельства, относящиеся к дворцу, построенному в IV в. до н.э. на городском акрополе, в центральной части горы Митридат в Керчи (Hind, 1993, p. 102). Конечно, такая гипотеза имеет право на существование, но она остается сомнительной и не может быть поддержана без надлежащих исследований, основанных на методологии сейсмической археологии (Guidoboni *et al.*, 1994).

В это «традиционное» течение, поддерживаемое многими археологами, нужно внести поправки. Археологическое доказательство разрушения не является доказательством землетрясения. Признание сейсмического события даже в качестве гипотезы, без подкрепления письменными источниками и/или без собственного анализа археологических сведений – это неправильное использование информации. Но не менее опасно искусственное сопоставление археологических и исторических данных. Для Пантикапея такое «натягивание» свидетельств очевидно, так как там нет реальных доказательств разрушений, вызванных землетрясением. Блавацкий использовал в качестве окончательного доказательства землетрясения ряд восстановленных зданий в городе, но эти восстановления датируются по крайней мере 25 годами позже смерти Митридата (Аракелян, 1983). Так как мы имеем исторические свидетельства продолжения городской жизни в Пантикапее после 63 г. до н.э., разрушение стен и построек города произошло явно позднее этой даты.

3. ИСТОРИЧЕСКИЕ ФАКТЫ И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ ОБРАБОТКА ИСТОРИОГРАФИИ

Таким образом, дата 63 г. до н.э. неубедительна. Мы видим, что Рейнах при рассмотрении контекста пассажа Диона (которого он изучал, по-видимому, более внимательно, чем текст Орозия) (Reinach, 1895, p. 401), склонялся к датировке события 64-м годом до н.э. К такому же заключению пришел и Друмманн (Drumann, 1908, p. 467), который отмечает, что землетрясение повредило царские города и деревни, и что это могло быть воспринято как знамение воли богов, однако острожно не говорит о том, где произошло землетрясение. Мак Гинг, автор **(Р. 484):** новейшей монографии о Митридате (McGing, 1986), вообще уходит от обсуждения проблемы.

Фактически, рассматривая сведения о хронологии Третьей Митридатовой войны, мы можем видеть, что обоснованно воссоздать полную картину событий невозможно, так как письменные свидетельства фрагментарны и в некоторых случаях не свободны от пропаганды. Сообщение Ливия более не существует, мы

вынуждены полагаться на Плутарха и Аппиана как на основные источники по этой войне (рис. 2). Эти авторы использовали как проримски, так и промитрида-товски настроенные источники, что и увеличило путаницу (Rizzo, 1963). «Все наши источники в конечном счете восходят к свидетельствам современников событий из одного или другого лагеря, ни одно из которых не сохранилось» (McGing, 1986, pp. 176 ff.).

Однако, по сохранившимся данным, мы можем твердо установить некоторые хронологические точки: к 66 г. до н.э. Митридат был изгнан из Понта, однако Понтийское царство было превращено в римскую провинцию лишь в 64 г. до н.э. К 63 г. до н.э. Митридат все еще стремился набрать новое войско, а его смерть была результатом заговора, организованного его собственной семьей. Источники слишком скудны для того, чтобы описать географический и социальный фон исторических событий. Малая Азия фактически была мозаикой народов и городов, и баланс сил там всегда колебался. Долговременное противостояние Рима и Митридата могло закончиться только со смертью Митридата. Поэтому неправильно думать, что землетрясение, описанное Дионом и Орозием, могло иметь место только в Крыму из-за того, что в это время он был единственным регионом, которым владел этот царь.

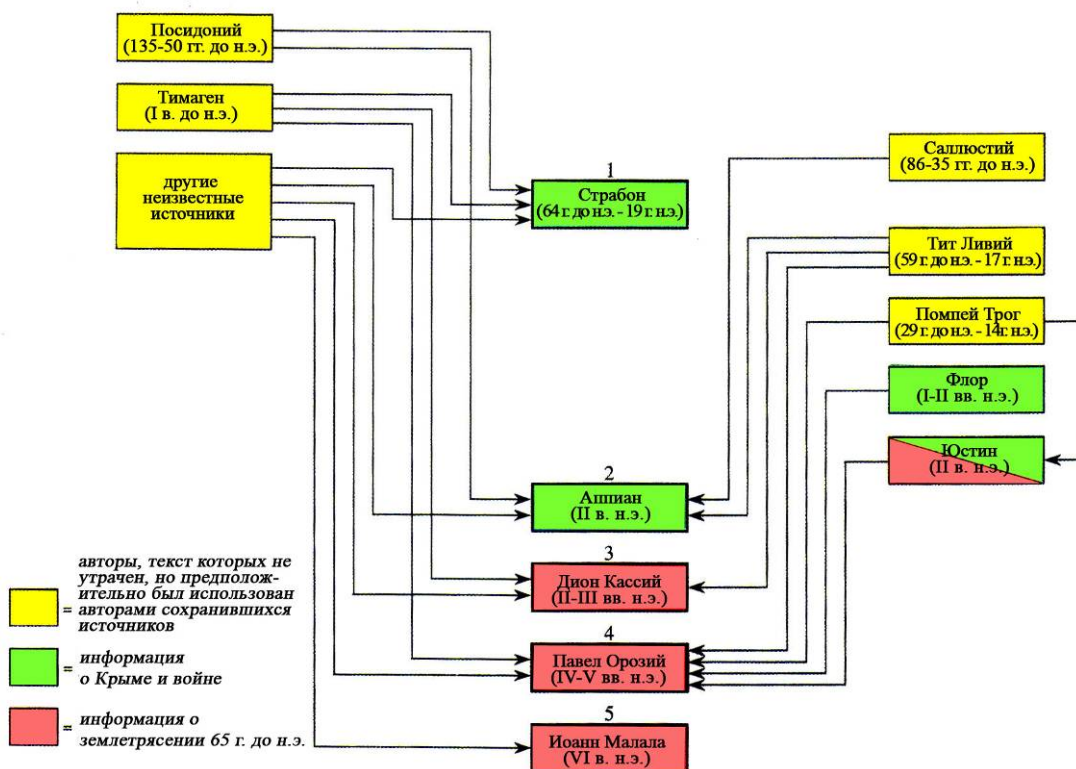


Рис. 2. Схема «взаимоотношений» между письменными источниками (источник: SGA Report, 1990)

(Р. 485): Фактически можно предложить следующий исторический сценарий: после 66 г. до н.э. и раньше 64 г. до н.э., то есть после бегства Митридата из Понта и до совещания в Амисе, когда Помпей окончательно завершил усмирение Малой Азии, Митридат мог все же надеяться, что греческие города Понта, которые при нем имели широкую автономию, при римлянах останутся его главным экономическим активом; он был уверен, что в более подходящее время возвратится в Понт, где у него оставалось много сторонников.

Кроме того, сохранившиеся письменные источники по данному вопросу вызывают серьезные сомнения. К сожалению, большинство исторических работ по Митридатовой войне погибло (Lasserre, 1975, об источниках Страбона); но и сохранившиеся тексты заставляют бросить тень на крымское землетрясение. Греческий историк II века Аппиан Александрийский (чья книга о Митридатовой войне

не только достоверна, но и является самым объемным источником из тех, которыми мы располагаем), в рассказе о восстании, организованном сыном Митридата Фарнаком (*Mithr.* 108), описывает города Боспора и Крыма, которые отrekliсь от Митридата, как находящиеся в разгаре подготовки к войне. Значит, они не могли быть разрушены землетрясением. Сам Митридат легко противостоял восстанию в Пантикапее, и город был захвачен лишь в результате заговора и обмана (Appian, *Mithr.* 110). Кроме того, Аппиан не упоминает НИКАКОГО землетрясения в Крыму.

Современная традиция фактически ограничилась интерпретацией землетрясения как одной из причин свержения Митридата. Весьма вероятно, что сам Ливий (а он, по моему мнению, послужил источником для Павла Орозия) тоже использовал труды писателей-современников событий, которые были приверженцами Митридата, таких как Тимаген Александрийский, делал выписки из сообщаемой ими информации и отбирал ту, которую считал полезной. И Дион Кассий, и Павел Орозий зависят, по крайней мере, частично, от литературной традиции, враждебной Помпею, которая восходит через Ливия к таким авторам, как Тимаген Александрийский.

Хотя Ливий (источник Орозия) и на стороне Помпея, он был серьезным историком и знал свои источники настолько, что не мог проигнорировать такое важное событие, как землетрясение. Но он помещал свою реконструкцию событий в им самим разработанный контекст, в котором Митридат предстает как человек, который спасается бегством, за которым охотятся римляне и другие его враги и который, в конце концов, вынужден найти убежище в цитадели Пантикапея, так как Понт находился в руках римлян. Это была схематичная, но эффективная историческая интерпретация, которая, по крайней мере, в основных моментах согласуется с сообщением Аппиана, но (в связи с интересом Ливия к удивительным явлениям) включает деталь о землетрясении.

Безусловно не является совпадением то, что традиция, связанная с Павлом Орозием, соотнесла землетрясение с моментом, когда Митридат совершал обряды в честь «Цереры», римского эквивалента Деметры, богини плодородия и урожая; это - указание на то, что боги отступились от Митридата, лишив его источников снабжения. Традиция, связанная с Ливием, совсем не уделяла внимания описанию этого факта, т.к. Ливий не хотел преуменьшать достижений Помпея, а то, что случилось, было, конечно, в его интересах.

Одна фраза в сообщении Диона заслуживает особого внимания. Согласно этому историку, землетрясение повредило «их» города, т.е. города «сил Митридата». Дион говорит, что сейсмическое событие было причиной ухода царских союзников. Это подразумевает, что землетрясение не воздействовало исключительно на территории, контролируемые Понтийским царством, но затронуло союзников Митридата в целом. Кроме того, если Дион не локализует территорию землетрясения, Орозий единственный высказывается предельно ясно: он говорит, что землетрясение произошло, когда Митридат находился на Боспоре, но не говорит, что землетрясение произошло на Боспоре¹.

Землетрясение могло поэтому усилить кризис среди врагов Рима и, в конце концов, разрушить альянс между Митридатом и Тиграном. Резонно также предположить, что землетрясение в Сирии не только создало внешнеполитические проблемы для Митридата, но также помешало городам продолжать сопротивление Риму. Основываясь на скудных историографических свидетельствах, историки (Р. 486): утверждают, что последние годы царствования Митридата полностью ограничены Боспором, где он был вынужден укрыться в результате военных кампаний Помпея между 67/66 и 65/64 г.г. до н.э. Отсюда родилось представление, что со-

¹ Хотя, если следовать английскому переводу этой фразы, помещенному в оригинале статьи Дж. Трайны, то получается, что землетрясение произошло именно на Боспоре, т.к. в тексте стоит слово «there» - «там»: «When Mithridates was in the Bosporus to celebrate the feast of Ceres, *there came a sudden earthquake* so violent that it is said to have had disastrous effects in town and country alike». По-латыни это место звучит так: ...*terrae motus adeo gravis repente exortus est*... (прим. пер.).

общения Диона Кассия и Павла Орозия о землетрясении, которое разрушило «города Митридата», не могут быть отнесены к Понту.

Однако этот аргумент не является решающим. Как предполагает Аппиан (*Mithr.* 107-108), Митридат действительно до последнего момента имел основания надеяться на возвращение. Нет сомнения, что он был вынужден отступить в Крым по стратегическим соображениям, и что он должен был сделать это около 66 г. до н.э. Он должен был чувствовать поддержку на территории своего бывшего царства, особенно когда обстоятельства в 66 г. до н.э. вынудили Помпея передислоцировать часть своей армии на завоевание Сирии и нейтрализацию царя Армении Тиграна II.

4. СВЯЗЬ С СИРИЕЙ: СВИДЕТЕЛЬСТВА ТРОГА И МАЛАЛЫ

Теперь важнейшим союзником Митридата фактически был армянский царь Тигран. Его царство в этот период простиралось до Палестины (Chaumont, 1982, pp. 97-103; см. рис. 3). Мы располагаем сведениями о разрушительном историческом землетрясении, датируемом этим временем, которое произошло в зоне влияния Тиграна – в Сирии. Источник, сообщающий об этом землетрясении – латинский писатель III в. Юстин, который написал сокращенную версию «Истории» Помпея Трога, жившего в I веке: *«Хотя Сирия была защищена от вражеских атак, она была опустошена землетрясением, которое убило 170 тысяч человек и разрушило многие города. Гаруспики объявили, что это знамение предсказывает изменение положения вещей»*. (Pomp. Trog. *apud* Iust. *Epit.* 40.2.1: *Sed sicut ab hostibus tuta Syria fuit, ita terrae motu vastata est, quo centum septuaginta milia hominum et multae urbes perierunt. Quod prodigium mutationem rerum portendere aruspices responderunt*).

Этот весьма сжатый отрывок, однако, небеспроблемен. Он относится к последнему периоду правления Тиграна в Сирии. Тигран был побежден Лукуллом в 69 г. до н.э. и должен был сначала вернуть себе власть над собственными провинциями, исключая Армению. Все это наводит на мысль, что землетрясение датируется примерно 65 г. до н.э., поскольку Трог дважды уточняет, что правление Тиграна длилось 18 лет, в то время как традиция, связанная с Аппианом (*Syr.* 69), предлагает 14 лет, следовательно отмечая, что власть Тиграна над Сирией закончилась с его поражением от Лукулла (*cf.* Rizzo, 1963, pp. 62 ff.).

Кажется, сообщение Трога/Юстина предлагает хронологию, отличную от традиции, связанной с Дионом Кассием и Павлом Орозием (и почти наверняка с Ливием), так как они упоминают о землетрясении в Сирии как о случившемся после прибытия туда Помпея. Помпей Трог в своих трудах обращает внимание на важность землетрясений в истории, он стремится сопоставлять природные явления с историческими событиями (Rizzo, 1963, p. 58; Alonso-Nunez, 1992, p. 88ff.; 101ft.), и он, не колеблясь, передвинул бы дату землетрясения вперед, чтобы увеличить силу своих аргументов.

Однако свидетельство Трога не может быть легко отвергнуто; его позиция весьма отлична от той, которую занимает традиция, связанная с Ливием (Rizzo, 1963, p. 70), и которая почти наверняка лежит в основе работ Диона Кассия и Павла Орозия. Ливий, вероятно, получил информацию о землетрясении из официальных римских источников (Rizzo, 1963, p. 74); эти документы включали списки удивительных явлений, и Ливий, видимо, полагал вполне естественным, что землетрясение близко по времени к моменту смерти Митридата.

Риццо (Rizzo 1963, с. 77) полагает, что информация о землетрясении прошла через фильтр исторического труда Страбона (ныне утраченного). Невозможно определить, так ли это на самом деле, однако в любом случае можно согласиться с точкой зрения Риццо, который говорил о землетрясении как об обоюдоостром историографическом оружии, предназначенном для того, чтобы подчеркнуть преимущества правления Тиграна для Сирии, которое Трог явно оценивает одобрительно (Rizzo, 1963, p. 63). Последствия землетрясения были таковы, что политическая картина изменилась.

То, что сообщает Помпей Трог, в любом случае важно, потому что он имел устные источники, причастные к кампании Помпея в Сирии (его дядя командовал отрядом кавалерии во (P. 487):

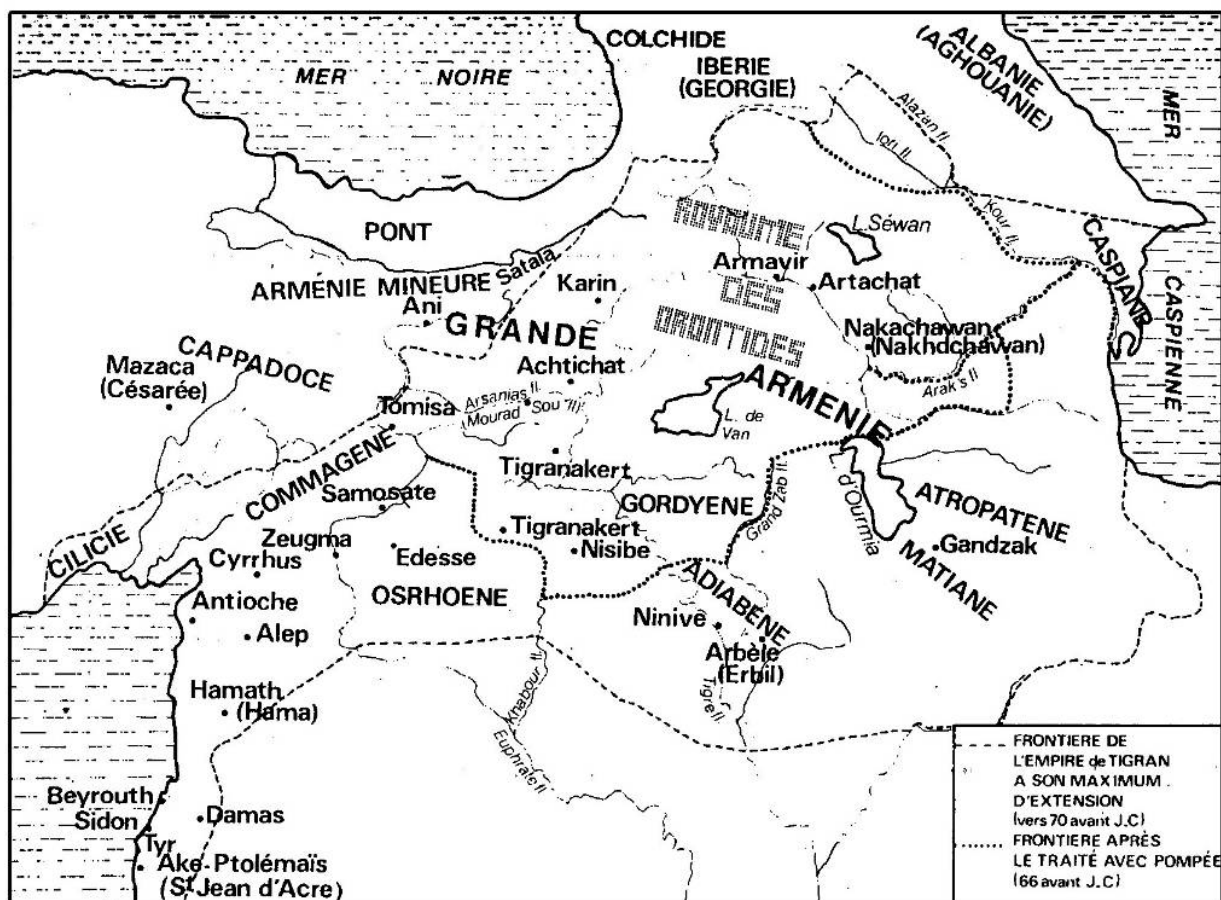


Рис. 3. Царство Тиграна Великая Армения (источник: Chaumont, 1982)

вспомогательных войсках Помпея) (Rizzo, 1963, p. 61; Alonso-Nunez, 1992, p. 16). С другой стороны, Аппиан, кажется, предпочитает отрицать, что Тигран вообще как-либо вмешивался в сирийские дела. Как отмечает Риццо (1963, pp. 64ff.), Аппиан скорее указывает на датировку конца господства Тиграна в Сирии 69-м годом до н.э.; но это не обязательно означает, что дата 65 г. до н.э., которую мы выводим из сообщения Трога/Юстина - результат ошибки с их стороны, поскольку ситуация в Сирии до прихода Помпея продолжала оставаться очень сложной. Трог мог фактически использовать информацию о землетрясении, чтобы объяснить пассаж Аппиана (Syr. 60), в котором говорится, что Помпей установил контроль над Сирией «без борьбы».

С другой стороны, Трог, пользовался ли он трудом Страбона или устными источниками, располагал более достоверной информацией, и весьма вероятно, что Ливий (или Дион Кассий или Павел Орозий после него) каким-то образом вставили сообщение о землетрясении (для которого к тому же он не сообщает ни даты, ни точной локализации) в рассказ о падении Митридата. Мы полагаем, что без более точной информации невозможно интегрировать две традиции, особенно учитывая, что они не только по-разному сообщают о землетрясении, но также отличаются почти по всему историческому контексту (общее рассмотрение этого вопроса см. в Rizzo, 1963), и демонстрируют различные направления в историографии, подгоняя информацию под собственные идеологические потребности.

Еще одно доказательство землетрясения дает ремарка Иоанна Малалы, византийского хрониста VI века, (P. 488): который использовал первоклассные источники, в том числе, без сомнения, и местную хронику Антиохии (Jeffreys, 1990; Jeffreys et al., 1986). По сообщению Малалы, после завоевания Сирии, Помпей, в основном, находился в Антиохии и «восстанавливал булевтерий, так как он раз-

рушился¹ (Mal. 211.16-9: καὶ κτίσας τὸ βουλευτήριον. πρῶτοντα ἦν γὰρ). По контексту оправданно датировать восстановление этого общественного здания немедленно после завоевания Сирии Помпеем в 65/64 г.г. до н.э. Доуни (Downey 1938a, p. 107 ff., с библиографией; 1961, p. 140 ff.) попытался определить дату землетрясения более точно. Основываясь на сообщении Малалы (Mal. 225), он указывает, что римляне выполняли общественные работы в Антиохии под руководством Кв. Марция Рекса (Downey, 1937); а так как Марций был проконсулом в Киликии в 67 до г. до н.э., Доуни предлагает датировать землетрясение 67-66 г.г. до н.э.

Этот дружественный жест римлян, несомненно, был дипломатическим шагом по подготовке последующего завоевания, и Доуни полагает, что вопрос о восстановлении булевтерия встал после землетрясения Трога, которое он датирует 69 г. до н.э., следуя хронологии Аппиана, как обычно поступают историки. Это разумно, но противоречит хронологии Трога, которую Доуни не принимает во внимание. Не подлежит сомнению, как признает и сам Доуни (Downey 1938b, p. 145), что сообщение Малалы позволяет датировать землетрясение между 69 и 64 г.г. до н.э., а Кв. Марций Рекс (который вернулся в Италию в 63 г. до н.э., чтобы добиваться триумфа), мог оставаться на Востоке по крайней мере в 65 г. до н.э. [доказательство см. в Munzer (1930, cols. 1584-5)]. Таким образом, миссия Марция могла иметь место лишь перед самой кампаний Помпея (Помпей был его непосредственным начальником), намного раньше 65 г. до н.э. Как бы то ни было, интересно отметить, что римляне спешили восстановить важнейшие здания для публичных зрелищ, и лишь позднее приступили к восстановлению зданий для политических собраний.

5. ВЫВОДЫ

Таким образом, это разрушительное землетрясение произошло, вероятно, в Сирии к 65 г. до н.э., когда Митридат находился на Киммерийском Боспоре, это могло лишить его какой-либо возможности вернуться назад, оставило его без единого шанса прорвать римскую морскую блокаду и разжечь бунт даже в греческих городах Боспора и Крыма, которые, как мы увидели, не подверглись воздействию землетрясения (Guidoboni *et. al.*, 1994).

Таким образом, никакой преднамеренной фальсификации не было, а к имеющейся информации мы можем добавить очень немного. Однако сравнение с сообщением Аппиана и археологические свидетельства позволяют утверждать: нет никаких оснований полагать, что землетрясение произошло на Киммерийском Боспоре. Поэтому мы отклоняем крымскую гипотезу как результат «провинциальной» интерпретации реальности. Этот пример подтверждает необходимость признать отсутствие сугубо региональных перспектив у исторической сейсмологии, по крайней мере, для событий ранее 1500 г.н.э.

БЛАГОДАРНОСТИ

Я бы хотел поблагодарить Э. Гвиджобони за то, что он предоставил возможность воспользоваться результатами отчета SGA (1990), касающимися ревизии крымских каталогов, проведенной в ходе исследований, выполненных совместно с ISMES по сейсмической оценке ядерного завода в Сар Зиук.² Я также признателен А. Джиардина за корректировку текста.

ССЫЛКИ

ALONSO-NUNEZ, J.-M. (1992): La Historia Universal de Pompeyo Trogo, Madrid.

АНАНЬИН И.В. (1977) ANANYAN, I. V. (1977): Сейсмичность Северного Кавказа. – М..

¹ в буквальном переводе с английского «упал вниз» - «had fallen down» - (прим. пер.).

² Имеется в виду, видимо, Крымская АЭС в г. Щёлкино, расположенная неподалеку от мыса Зюк (прим. пер.).

АРАКЕЛЯН П.О. (1983): Изучение раскопок древних памятников на Керченском полуострове для возможного определения интенсивности разрушительных землетрясений. // Изв. АН Армянской ССР. № 36 (4) – С. 40-49.

БЛАВАЦКИЙ В.Д. (1964): Пантикапей. Очерки истории столицы Боспора. – М., 229 с..

БЛАВАЦКИЙ В.Д. (1977): Землетрясение 63 г. до н.э. на Керченском полуострове. - Природа.

CHAUMONT, M.L. (1982): Tentations de l'Iran et du monde greco-romain, in Histoire des Armeniens, edited by G. DEDEYAN (Toulouse), 85-139.

DOWNEY, G. (1937): Q. Marcius Rex at Antioch, Classical Philology, 32, 144-151.

DOWNEY, G. (1938a): Seleucid chronology in Malalas, Am. J. Archaeol., 42, 106-120.

(Р. 489):

DOWNEY, G. (1938b): Imperial building records in Malalas, Byzantinische Zeitschrift, 38, 1-15.

DOWNEY, G. (1961): A History of Antioch in Syria, Princeton.

DRUMANN, W. (1908): Geschichte Roms, edited by P. GROEBE, vol. 4, 2nd edition, Leipzig.

FINLEY, M. I. (1986): Ancient History: Evidence and Methods, Cambridge.

ГАЙДУКЕВИЧ В.Ф. (1971): Боспорское царство. М., 1948. 229 с.

GORBLJNOVA, K.S. (1972): Archeological investigations on the northern shore of the Black Sea in the territory of the Soviet Union, 1975-70, Archeological Reports, 18, 48-59.

GUIDOBONI, E. (Editor) (1989): / terremoti prima del Mille in Italia e nell'area Mediterranea. Storia archeologia sismologia, ING-SGA, Bologna, pp. 765.

GUIDOBONI, E., A. COMASTRI and G. TRAINA (1994): Catalogue of Ancient Earthquakes in the Mediterranean Area, up to the 10-th Century A.D., ING, Bologna, pp. 504.

HIND, J.G.F. (1993): Archaeology of the Greeks and Barbarian Peoples around the Black Sea 1982-1992, in Archaeological Reports for 1992-1993, London, 82-112.

JEFFREYS, E. (Editor) (1990): Studies in John Malalas, Sydney.

JEFFREYS, E., M. JEFFREYS and R. SCOTT (Editors) (1986):

The Chronicle of John Malalas, Melbourne.

КОНДОРСКАЯ Н.В., ШЕБАЛИН Н.В. (РЕД.) (1977) Новый каталог сильных землетрясений на территории СССР с древнейших времен до 1975 г. М., 536 с.

LASSERRE, F. (Editor) (1975): Strabon. Geographic. To, VIH (Livre XI), Paris.

McGILL, B. (1986): The Foreign Policy of Mithridates Eupator King of Pontus, Leiden (Mnemosyne, sup 89).

MUNZER, Th. (1930): s. v. Marcius 92, in Realenzyklopädie der classischen Altertumswissenschaften Stuttgart, 14/2, cols. 1584-5.

ПОПОВ Г.И. (1969): Землетрясения Крыма и территорий, прилегающих к Черному морю // Недра. Ч. I. гл. «Крым» М., С. 447-459.

REINACH, Th. (1895): Mithradates Eupator König von Pontos, Leipzig (revised German edition: first edition Paris 1891).

Rizzo, F.P. (1963): Le fonti per la storia della conquista Pompeiana della Siria, Palermo.

SGA REPORT (1990): Historical seismicity of the Crime peninsula, coordinated by E. GUIDOBONI, in Evaluation of Operating and Design Earthquake for the Crim Nuclear Power Plants Siting, ISMES, ASP 44-: review from IAEA.

SHERWIN-WHITE, A.N. (1984): Roman Foreign Policy the East 188 B.C. to A.D.I, London.

СМИРНОВ М.В.. (1931): Каталог землетрясений в Крыму. – Симферополь.

WILL, E. (1982): Histoire Politique du Monde Hellénique (323-30 av. J.-C.), II, Nancy.

V
НАУЧНОЕ
ТВОРЧЕСТВО
СТУДЕНТОВ

**РЕКОНСТРУКЦИЯ ЛИТУРГИЧЕСКОЙ ПЛАНИРОВКИ «БАЗИЛИКИ КРУЗЕ»
В ПРОГРАММЕ 3DS MAX 2009 DESIGN**

КАРНАУШЕНКО Э.Н., КАРНАУШЕНКО А.Д.

Православный Свято-Тихоновский гуманитарный университет (г. Москва)

Воссоздание литургической планировки древних херсонесских базилик представляет собой непростую задачу – отобразить интерьер уже не существующего храма с вероятным расположением литургических устройств в нем: алтарь с престолом, синтроном и алтарной преградой, солею и амвон. Надо отметить, что эта тема не поднималась в археологических изысканиях Херсонеса, и о литургических устройствах говорилось вскользь. В основном, в археологических отчетах отмечалось, что та или иная часть алтарной преграды, амвона или синтрона была обнаружена при раскопках. Всё, относящееся к литургическим устройствам, все наиболее ценные в этом плане находки относятся к периоду первоначальных исследований конкретного храма. Подавляющее большинство их впервые было раскопано в XIX – начале XX века. Официальная археология того времени ставила одной из главных своих целей найти в Херсонесе место крещения князя Владимира, и была ориентирована на поиски храмов, которые выделялись среди других построек своими размерами и монументальностью. Таким образом, за дореволюционный период было исследовано 26 базилик и купольных зданий и 38 небольших церквей-часовен [2, с. 127]. Однако не все раскопки проводились на должном уровне, и не всегда делались рисунки или сколько-нибудь удовлетворительные чертежи. Но в том случае, когда такие рисунки, чертежи и описания имеются, они кладутся в основу реконструкции. Сама история Херсонеса свидетельствует о невозможности точно восстановить внутреннее пространство храмов, пострадавших от пожаров, войн, дальнейших перестроек и, наконец, от разворовывания мраморных архитектурных деталей и обработанного камня после полного запустения города. Итак, из-за того, что литургические устройства сохранились очень фрагментарно, можно говорить о реконструкции внутреннего пространства храма с достаточной долей условности.

Понятно, что в данной работе нельзя обойтись без планов, чертежей, фотографий, рисунков и другого изобразительного материала. Но ни один из перечисленных способов отображения не может дать полного пространственного представления о несуществующих ныне объектах. Однако такую возможность предоставляют современные компьютерные технологии, в частности, программа трехмерного моделирования 3DS Max 2009 Design.

Трехмерное моделирование имеет ряд преимуществ. В отличие от простого макета, компьютерная графика позволяет «войти» внутрь здания, сохраняя все его части. Трехмерный макет легко позволяет вносить изменения в конструкцию и свойства частей модели при поступлении новых данных по результатам продолжающихся археологических изысканий. При профессиональном уровне знаний программы 3DS Max возможно создать всю модель с помощью вершин, ребер и полигонов, что гарантирует высокую точность построения. Однако здесь приходится иметь дело не с современным зданием, а с древней постройкой, от которой сохранились лишь основания стен. Вследствие этого, реконструкция имеет большую долю приблизительности. В ходе реконструкции был привлечен весь доступный материал.

Базилика № 7 расположена в XCIX квартале северо-восточного района херсонесского городища (см. рис. 1) и ориентирована алтарной частью на восток, с отклонением продольной оси здания на 15 градусов к северу. Размеры постройки 17,8 x 25,5 м. Общая схема планировки храма, в целом, типична для херсонесских раннесредневековых базилик: нартекс, три нефа и алтарная часть. Архитектурное своеобразие ей придают пропор-

ции – значительная ширина здания почти равна его длине и, главное, – специфически оформленная алтарная часть в виде большой полукруглой апсиды, фланкированной с севера и юга двумя полукружиями – экседрами. Длина алтарной части – до 7 метров, диаметр боковых экседр – 3 м., центральной апсиды – 6 м. Боковые нефы достаточно узкие: в среднем 2,8 м. Ширина центрального нефа – 8 м..

Перед входом в нартекс сохранились две вырубленные в скале ступеньки, ведущие в храм с улицы. С улицы в нартекс вели всего два входа, кроме главного, шириной 2,25 м, еще боковой левый, шириной 1,5 м. [1, с. 236-237]. Это было обусловлено рельефом местности. Базилика стояла на склоне холма, и юго-западный ее угол высоко поднимался над землей. Во всяком случае, дверной проем здесь не обнаружен.

По замечанию А. Л. Якобсона «базилика, сохранившаяся, как и другие базилики на ничтожную высоту, носит вместе с тем ясные следы значительных более поздних перестроек» [2, с. 188] Поэтому, важной задачей было отделить первоначальный план здания от перестроек. За основу был взят план базилики, опубликованный в «Материалах и исследованиях по археологии СССР» № 63 [2, с. 187 рис. 11а] (см. рис. 2). Из описания можно было выяснить, что центральная апсида базилики была обнесена внешней стенкой, вероятно, имевшей значение контрфорса, а северо-восточный наружный угол здания был весь заложен каменной кладкой. Первоначальный план был выделен и взят за основу при построении стен. При этом, он был скорректирован в соответствии с более поздним планом, полученным украинско-австрийской экспедицией по итогам раскопок, материалы которых опубликованы в 2003 году [1, с. 234] (см. рис. 3). Также была привлечена реконструкция внешнего вида здания А.Г. Колесниковой и Г.М. Манто [3, рис. 21] (см. рис. 4). По этому рисунку видно:

1) Базилика Крузе имела одно общее перекрытие над всеми тремя нефами, т.е. средний неф, согласно этой реконструкции, не возвышался над боковыми нефами.

2) Боковые нефы имели два яруса.

3) Северная и южная стены имели два ряда окон по 3 окна в каждом ряду, причем, нижний ряд соответствовал верхнему ярусу.

Общие пропорции базилики были взяты, исходя из вычислений, произведенных исследователем В.М. Полевым. В своей книге «Искусство Греции. Средние века» В.М. Полевой предлагает систему масштабов и пропорций на основании обмеров более чем 70 базилик. Исследователь отмечает, что так как большинство базилик V-VI веков дошло до нас в руинах, то достоверно мы можем судить лишь об их планах. «Однако полностью (после ряда восстановительных работ) сохранилась базилика Ахиропойитос в Салониках. Ее измерения показывают, что высота постройки была соразмерна с ее планом. Высота апсиды и боковых нефов базилики равнялась ширине среднего нефа, высота среднего нефа – ширине среднего и бокового нефа. Следует думать, что примерно таким же образом рассчитывались и другие греческие базилики» [4, с. 26]. Таким образом, была рассчитана высота стен и высота ярусов. Итак, высота стен базилики равняется ширине среднего и бокового нефа. А высота апсиды и нижних ярусов равняется ширине среднего нефа. Археологические данные свидетельствуют о том, что здание не было перекрыто куполом. «Размещение тонких устоев в виде колонн, которые были находимы при раскопках, говорит об этом. Перекрытие было, как и в других базиликах Херсонеса, очевидно, стропильным, деревянным» [2, с. 188].

Характерной особенностью этой базилики является трехлопастное расположение апсид. Такая апсида в сочетании с базиличным планом – явление довольно редкое, а в Херсонесе – единственное. А.Л. Якобсон считает, что подобная композиция храма встречается в архитектуре Ближнего Востока, где почти все памятники с такой апсидой относятся к V веку. «Характерными чертами этих зданий, как и херсонского храма, являются, во-первых, базиличность их и, во-вторых, органическая связь, единство трех апсид, заканчивающих средний неф здания, со зданием в целом; эти три апсиды правильнее трактовать как одну апсиду, составленную из трех экседр» [2, с. 190]. Однако группа исследователей вышеупомянутой украинско-австрийской экспедиции считает, что форма трехчастной апсиды обусловлена не столько малоазийским влиянием на архитектуру Херсонеса, сколько

продиктована потребностями литургии. «Апсида с синтроном играет роль пресвитерия, северная экседра – «предложения», а южная – «диаконника» [1, с. 237].

Основания колоннад – стилобаты – были выложены из разномерных блоков известняка [1, с. 233].

Украинско-австрийская экспедиция обнаружила ранее не известное захоронение в южном нефе базилики, где среди камней, упавших от свода захоронения, найдено множество фрагментов штукатурки с росписью, покрывавших гробницу [1, с. 238]. На основании этого можно предположить, что стены храма тоже покрывала роспись.

Интересным для нас представляется свидетельство Д.В. Айналова о нахождении мраморных фрагментов. Он пишет: *«Внутри храма было найдено большое количество отдельного мрамора: плиты с крестами от алтарной преграды, 2 куса с остатками греческих надписей, резные капители и карнизы, а также мраморный порог»* [5, с. 70]. Из описания Д.В. Айналова мы узнаем, что пол был покрыт мраморными плитами, остатки которого сохранились в боковых нефх и возле главного входа. У А.Л. Якобсона говорится, что при первых раскопках этой базилики были найдены декоративные мраморы – капители и прочее, но кроме упоминаний в отчете о них нет других данных.

В описании украинско-австрийской экспедиции сказано, что особого упоминания заслуживает осколок мраморной алтарной преграды с рельефным изображением креста, найденный в самом начале работ при расчистке среднего нефа базилики. Он является единственным на сегодняшний день сохранившимся фрагментом интерьерной детали храма [1, с. 236].

В статье О.И. Домбровского «Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей» дается интересная информация о декоративных мраморах херсонесских храмов. Оказывается, большая часть херсонесского мрамора состоит из привозных изделий. Изредка встречаются произведения местных каменотесов, в основном, это базы колон. Они отличаются более грубым исполнением и сделаны, как правило, из мрамора античных архитектурных деталей и саркофагов. В период раннего средневековья *«привозные архитектурные детали – стандартная продукция проконнесских каменоломен – вполне удовлетворяли нужды Херсонеса. Обходились они сравнительно недорого, вероятно, не дороже местных изделий, ибо их могли привозить сюда в качестве балласта торговые корабли»* [6, с. 77]. Херсонесские средневековые мраморы: карнизы, наличники и опоры проемов, архивольты, сандрики, капители, импосты совпадают по размерам и рисунку с аналогичными деталями храмов Константинополя и других византийских городов. Для этого времени было в порядке вещей использовать одинаковые архитектурные детали в постройках, различных по характеру и размерам. *«Так, например, в нартексе Софии Константинопольской имеются боковые двери, наличники и сандрики которых почти повторяются в главном входе херсонесской базилики 1935 года»* [6, с. 77]. Мраморные детали резко отличались от кладки зданий, выстроенных из местного известняка с включением кирпичных поясов и арок. Стены зданий обычно были оштукатурены с обеих сторон, лишь изредка они облицовывались с лицевой стороны тесаным камнем. Соединение бутовой кладки с мраморными деталями, по мнению О.И. Домбровского, было недостаточно органичным. Одни и те же детали часто переносились из одной упраздненной постройки в другую, использовались и античные мраморы. Часто в одном храме комбинировались разностильные и разнокалиберные детали, как в той же базилике 1935 года. Это явление характерно как для византийской архитектуры вообще, так и для византийской провинции в частности, усиленное стремлением к экономии расходов на строительство. Поэтому, вполне допустимо предположение, что колонны базилике Крузе венчали так называемые феодосийские капители, украшенные зубчатым сирийским аканфом. Впрочем, возможно, это были капители более позднего времени, так называемого «византийско-коринфского» ордера, представляющие раннесредневековый вариант римского композита. К ним примыкают импосты и карнизы, украшенные мягким аканфом, крестами и монограммами. А возможно, это были капители «византийско-ионийского» ордера.

В статье А.Л. Якобсона о декоративных мраморах мы почерпнули интересующую нас информацию о мраморе литургических устройств, в частности, о фрагментах предал-

тарных преград и амвонов. Автор пишет, что плиты эти ничем не отличались от обычных проконнесских изделий, встречающихся почти в каждой раннесредневековой базилике городов Греции, Македонии и прибрежных городов Малой Азии. От декоративных мраморов константинопольских и равеннских храмов херсонские плиты отличаются лишь относительной скромностью убранства [2, с. 151]. На основании этого, можно предположить, что амвон или алтарная преграда базилики Крузе, сконструированная из стандартных проконнесских мраморов, в целом, очень напоминала сохранившиеся византийские амвоны и алтарные преграды этого времени. И мы можем с некоторой долей вероятности воссоздать типичные для того времени литургические устройства, исходя из стандартных наборов декоративных мраморов этих устройств.

Таким образом, нами была сделана реконструкция базилики Крузе, где с помощью программы 3DS Max 2009 Design была сделана попытка не только воспроизвести архитектурный облик базилики, но и литургические устройства в ней. Кроме того, с помощью этой программы отчасти воспроизведена имитация материала, из которого сделаны те или иные детали. Так, колонны, алтарная преграда, амвон и полы алтаря и среднего нефа имеют мраморную текстуру. В боковых нефах и в нартексе на полу текстура мозаики, что сделано по аналогии с Уваровской базиликой. Воспроизведена текстура дерева на стропилах под крышей и текстура черепицы на крыше. Интересная возможность предоставляется программой в освещении интерьера. Используя эту возможность, мы попытались симулировать освещение храма в ночное время суток. Для источников света использовались параметры, близкие к свойствам факелов в реальном мире, то есть цвет и мощность факела. Располагая светильники на архитраве алтарной преграды и по стенам, мы пришли к выводу, что храм, вероятно, должен был освещаться хоросом, который и был создан в схематичном виде.

Подводя итог сделанной работе, необходимо отметить, что поднятая тема мало исследована, и предложенные реконструкции выносятся на обсуждение. Изучение истории христианской базилики с ее литургическим пространством приближает нас к понятию того, каков был интерьер херсонесских храмов. Алтарные преграды, еще сохранившиеся в некоторых храмах Греции и Малой Азии, могут дать представление об алтарных преградах Херсонеса. Сохранившиеся амвоны, облицованные мрамором, помогут наглядно представить амвоны Херсонеса. Тем более что проконнесский мрамор изготовлялся по императорскому заказу в императорских мастерских и был распространен во всех городах империи. Такой мрамор амвонов был найден в Херсонесе в достаточном количестве. Но если бы даже город не был окончательно razoren, если бы последние жители не покинули его, он не простоял несколько столетий в запустении, разграбляемый и разрушающийся, все равно вряд ли можно было увидеть литургическое пространство базилик в таком виде, каким оно было первоначально.

Церковная жизнь имеет свое развитие. Согласно Роберту Френсису Тафту, богослужение с IV века приобрело «шестивенную активность» [7, с. 39]. Богослужебные шествия, возникшие в противовес еретическим шествиям, прижились в Константинополе и *«наложили неизгладимый отпечаток на богослужение суточного круга и другие обряды Великой церкви»* [7, с. 38]. Не только от ереси с помощью зрелищных шествий с распеванием антифонов желали отвратить иерархи население города, но и от соблазна светских развлечений, еще сильных в пору поздней античности. Шествия повлияли и на архитектуру и внутреннее пространство церквей. Атриум предназначался, кроме прочего, для того, чтобы народ мог собраться в ожидании иерархии и сановников для совместного входа в церковь. Непременно было несколько входов в храм, причем средний – более парадный для духовенства и правящих лиц. Внутри храма четко выделялась продольная направляющая от входа к алтарю. Амвон использовался в процессе входа в храм; с восхождения на амвон начиналось пение Трисвятого, затем процессия двигалась дальше в алтарь. Вокруг амвона и солеи сосредотачивались знатные лица и низшее духовенство. Понятно, что в Херсонесе масштабы и блеск шествия были не таковы как в столице, но, вероятно, они копировали схему богослужения Великой церкви.

С еще более раннего времени сохранилось расположение алтаря, выдвигавшегося в средний неф. Престол стоял ближе к стоящим в наосе и размещался на линии, соединяющей края абсиды. Алтарная преграда не препятствовала обзору алтаря. Высокий амвон посреди храма, примерно на пересечении диагоналей наоса, представлял собой кафедру, с которой читались священные тексты, произносились ектеньи. Если в храме был хор, который пел антифонно, то в важнейшие моменты службы он собирался вокруг амвона, который представлял собой место, где сосредотачивалась совместная церковная молитва. Заканчивалась литургия заамвонной молитвой, которая служила отпуском для народа. Позднее положение изменилось. Поэтому, говоря о выступающем в наос алтарным пространстве, выдвинутом из апсиды престоле, высоком амвоне посреди храма, соединенном с алтарем солеей, а также о невысокой алтарной преграде, имеем в виду литургическую планировку до иконоборческого периода. Как раз к этому времени относится воздвижение всех крупных базилик Херсонеса, и в их числе рассматриваемая базилика. Смуты и нестроения, охватившие империю в связи с иконоборческой ересью, затронули и Херсонес. Необходимо соотносить реконструкцию литургического пространства с конкретным периодом существования храма. Базилика Крузе воспроизводится с интерьером первоначального существования.

Итак, о литургической планировке Херсонесской базилики Крузе достоверно можно сказать немного, ввиду мало изученности данного вопроса, слабой сохранности памятника и относительности знаний современной науки о древнем богослужении. Но, сопоставив имеющиеся данные, мы взяли на себя смелость выдвинуть предположение о такой литургической планировке херсонесских базилик, которую можно видеть на реконструкции. Надеюсь, что дальнейшие исследования в этой области внесут больше ясности в этот вопрос и скорректируют наши представления о литургическом пространстве херсонесских базилик.

Источники и литература:

1. Золотарев М.И., Коробков Д. Ю., Ушаков С. В., Пилингер Р., Пюльц А. Раскопки т. н. «Базилики Крузе» в Херсонесе (украинско-австрийский проект). Памятники средневекового Крыма // Херсонесский сборник. 2003. Вып. XII. С. 229-247.
2. Якобсон А. Л. Раннесредневековый Херсонес. МИА. 1959. № 63.
3. Романчук А. И. Очерки истории и археологии византийского Херсона. Екатеринбург, 2000.
4. Полевой В. М. Искусство Греции. Средние века. М., 1973.
5. Айналов Д. В. Развалины храмов // Памятники христианского Херсонеса. М., 1905. Вып. I.
6. Домбровский О.И. Херсонесская коллекция средневековых архитектурных деталей // Сообщения Херсонесского музея. 1963. Вып. III. С. 76-86.
7. Тафт Р. Ф. Византийский церковный обряд. СПб, 2005.



Рис. 1. Панорама базилики Крузе (с оптическим искривлением)

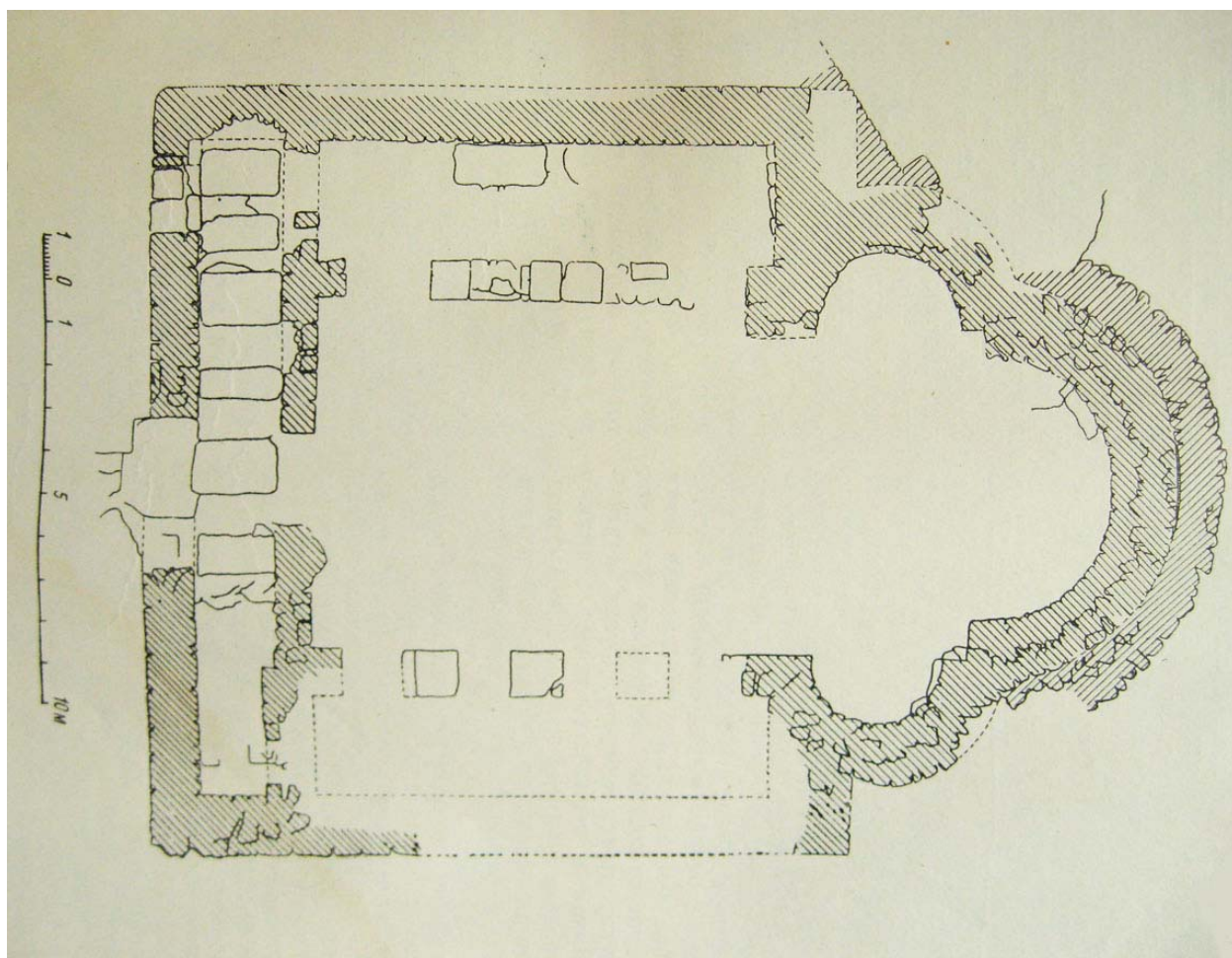


Рис. 2. План базилики Крузе по А.Л. Якобсону

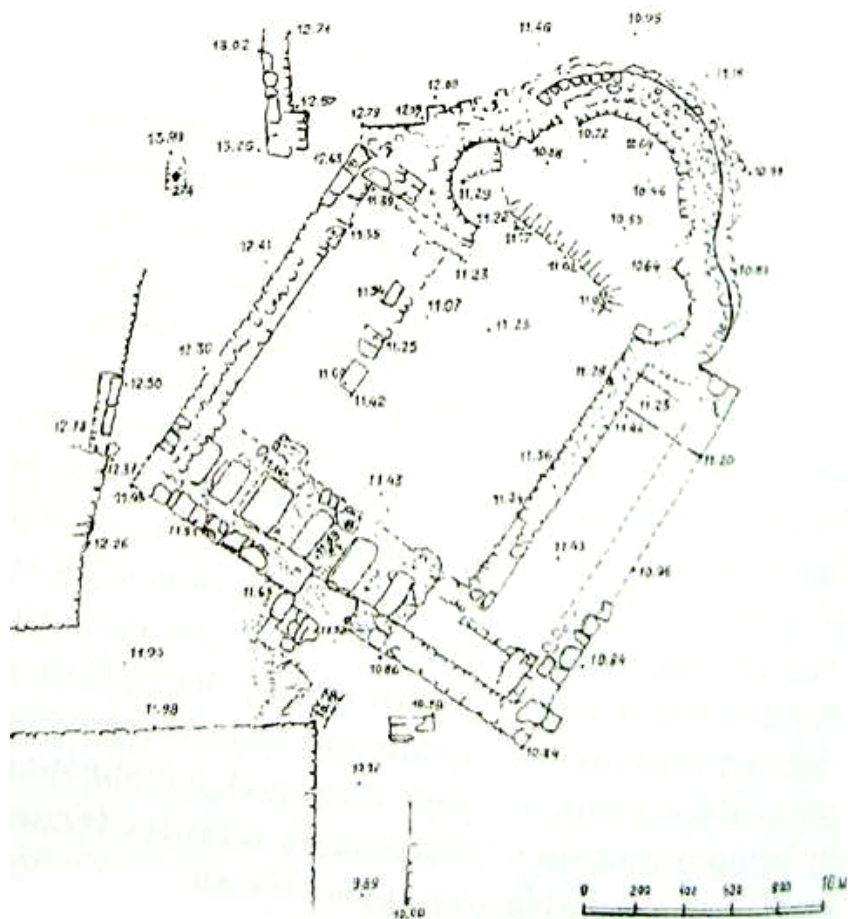


Рис. 3. План базилики Крузе по материалам украинско-австрийской экспедиции

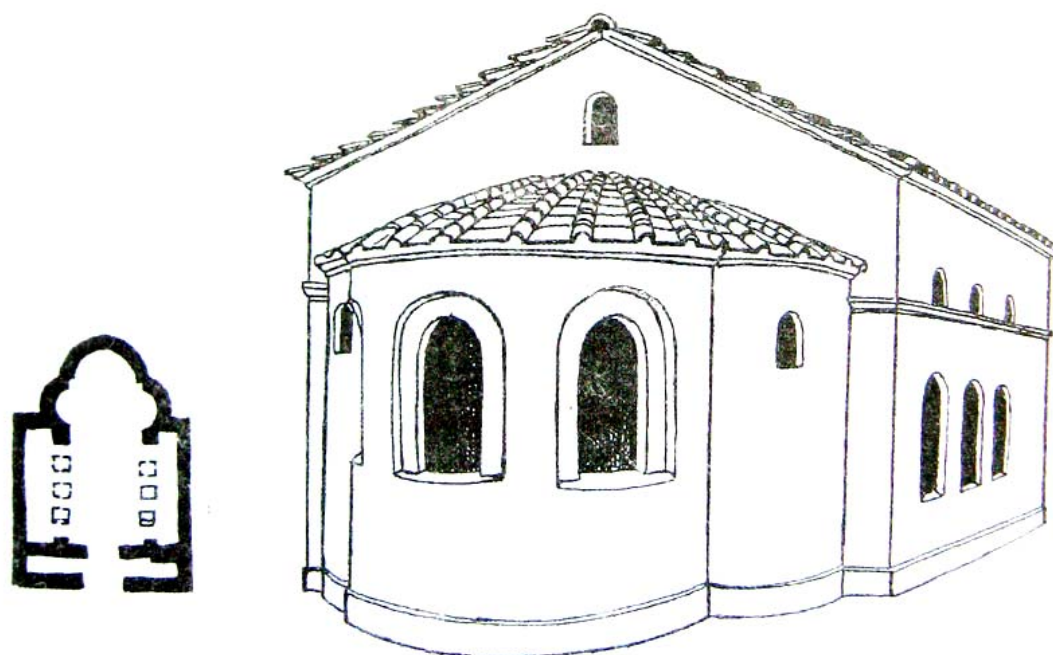


Рис. 4. Реконструкция базилики Крузе, выполненная А.Г. Колесниковой и Г.М. Манто



Рис. 5. Реконструкция интерьера базилики Крузе, выполненная в программе 3DS Max 2009 Design. Вид с высоты галерей



Рис. 6. То же. Вид из алтаря

**О МЕСТЕ И РОЛИ СЕВЕРНОГО ПРИЧЕРНОМОРЬЯ В ПРОЦЕССЕ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО КОНТИНУИТЕТА IV-VI ВВ.**

Кузнецов В.Н., Кучеренко М.И.¹

Белгородский государственный университет

Классическая античность была первым периодом цивилизации в Северопричерноморском регионе. Однако, о путях и направлениях наступления здесь новой эпохи – византийской – до сих пор продолжают споры. В последние два десятилетия наиболее распространенной стала концепция континуитета, преемственности истории не только Херсонеса, но и Боспора между античностью и средневековьем.

Понятие «континуитет», несмотря на кажущуюся ясность, нуждается в точном определении. Происходя от латинского *continuitas*, это понятие невозможно выразить по-русски одним словом, в отличие от английского *continuity* или немецкого *Kontinuität*, обозначающих простую преемственность. Поэтому представляется необходимым вывести несколько составляющих данного феномена применительно к рассматриваемой нами эпохе.

Первая составляющая подразумевает простую преемственность эпох, продолжение прошлого (или отдельных его явлений) в будущем [14, р. 9-24, 37-42]. При этом преемственность может наблюдаться в области материальной культуры, производственных традиций, отчасти в идеологии, отчасти в государственно-политической сфере. Однако для Западной Европы рассматриваемого времени (западно-римского постклассического региона) на данном уровне на смену государству античного типа приходит варварское раннегосударственное образование, которое лишь пытается имитировать позднеантичные политические институты, или делать вид, что позднеантичное государство, уже исчезнувшее, продолжает существовать («римский миф»). Для ранней Византии решающее значение имеет фактор сохранения государственности (это подчеркивает известная концепция византийского этатизма).

Вторая составляющая является темпоральной характеристикой и представляет собой непрерывность происходящих процессов, отсутствие дискретности, лакун на протяжении всей переходной эпохи (для всех регионов бывшего античного мира).

Третья составляющая включает в себя единство и качественную целостность всех эволюционных процессов.

Ныне возможно вычленить три основных потока в процессе континуитета: материальная культура, социально-политическая история, культурно-идеологические процессы при сохранении принципа комплексного подхода к источникам.

Проблемы континуитета между античной и византийской эпохами на территории восточной половины позднеантичного мира в теоретическом плане отечественными специалистами XX в. почти не рассматривались. Однако еще в дореволюционной историографии осознавалась глубокая преемственность между античной и византийской эпохами, между античной культурой и христианской. На первом месте здесь должны быть названы, бесспорно, академик Н.П. Кондаков (1844-1925) и его ученик Д.В. Айналов, показавшие глубокие классические корни восточно-христианской культуры.

Само понятие континуитета до конца 60-х гг. в СССР считалось частью «арсенала буржуазной науки». Некоторое внимание обращалось лишь на узкие хронологические проблемы более крупной переходной эпохи (максимально широкие пределы – III-VII вв.).

¹ Авторы выражают огромную благодарность своему научному руководителю доктору исторических наук профессору Н.Н. Болгову за помощь в подготовке этой статьи.

Первый хронологический узел внутри этой эпохи составляет «кризис III века», концепция которого нашла наиболее полное выражение в трудах Е.М. Штаерман и (значительно позднее) И.П. Сергеева.

Для следующего, относительно стабильного и более широкого переходного периода IV-VI вв., выделяются работы Г.Л. Курбатова о ранневизантийском городе, Г.Е. Лебедевой о политико-правовых аспектах рождения Византии. Для региона Северного Причерноморья этого времени никто из авторов в подобном ракурсе проблему не ставил (может быть, единственное исключение – Н.И. Храпунов и разрабатываемая им идея континуитета администрации ранневизантийского Херсона и Боспора).

Гораздо большее внимание эпохе VII-VIII вв. в Византии («темных веков») уделялось в связи с общими проблемами рождения Византии. Постепенно выработалось две основных точки зрения. А.П. Каждан – виднейший сторонник специфики «византийского пути» – отстаивал мысль о частичном дисконтинуитете в развитии эпохи [13, р.429-478]. М.Я. Сюзюмов последовательно утверждал идею континуитета [8], но не сводил его к известной идее «Византия – плохая копия античности». Нам представляется, что общетеоретические взгляды М.Я. Сюзюмова, перенесенные на эпоху конца III – VI вв. и на северо-понтский регион, должны стать теоретической основой концепции истории Боспора и Херсонеса переходного времени (конец III – VI вв.) как континуитета.

С точки зрения континуитета историю региона рассматривают в последние годы В.М. Зубарь, С.Б. Сорочан, в археологическом плане – А.В. Сазанов, С.В. Ушаков и др.

Итак, континуитет – это непрерывность существования и развития при сохранении качества [8, с. 16-17]. Составные части континуитета:

- континуитет государства;
- территориальный континуитет города (топография, градостроительство, система расселения, фортификация);
- континуитет отдельных категорий и всего комплекса материальной культуры;
- континуитет погребального обряда;
- континуитет производственной деятельности, торговых связей, денежной системы, ремесленно-торговых корпораций;
- континуитет социальной структуры (знать, военные, клир, ополчение);
- континуитет идеологии;
- континуитет духовной культуры и искусства.

Таким образом, для Северного Причерноморья исследование проблем континуитета между античной и византийской эпохами в обозначенном нами общеисторическом контексте до сего дня практически остается неразработанным. Более того, сегодня очевидно, что ни западноевропейский, ни византийский варианты преемственности здесь не имели места. Северный Понт – особая периферийная область, античная по происхождению, но значительно варваризованная и остававшаяся вне политической власти империи до середины VI в., а затем ставшая периферийно-византийской.

Особый интерес представляют культурно-идеологические процессы в регионе. Условия, характер и обстоятельства христианизации Северного Понта уже были достаточно полно изучены (В.Ф. Мещеряков, П.Д. Диатроптов, В.М. Зубарь и др.). Проблемы же культурной преемственности на фоне деградации позднеантичного искусства (Г.И. Соколов, Е.А. Зинько) и генезиса христианского искусства, впитавшего в себя множество античных элементов (в большинстве случаев можно определить локальные влияния отдельных районов Средиземноморья), остаются недостаточно изученными.

В территориальном отношении в Восточном Средиземноморье перерастание позднеэллинистической (постэллинистической) культуры в ранневизантийскую происходило прежде всего в Эгеиде (во главе с Константинополем), Фракии, Македонии, Греции, прибрежных районах Малой Азии, Сирии [1, с. 77-83], Палестины, Египта, Киренаики. Особо выделяется область Равенны в Северо-Восточной Италии. Этот комплекс мощно воздействовал на окружающую периферию, в том числе и на Северный Понт.

Регион Северного Причерноморья в рассматриваемую эпоху, прежде всего Таврика (с прилегающими областями), должен рассматриваться как особая локальная зона, имею-

щая свою специфику как культуры вообще, так и культурного и общеисторического континуитета в частности. Ж. Дагрон отмечал, что своеобразие каждого византийского региона (региона скорее даже в культурном отношении, нежели в политическом) во многом определяется его удаленностью от столицы [3, с. 294]. Византийская империя часто изображается как серия концентрических кругов: чем удаленнее круг, тем слабее приверженность центральной константинопольской модели и ярче местная региональная специфика.

Северное Причерноморье расположено достаточно близко к столице империи (по морю), но, с другой стороны – очень далеко по суше – 20 дней пути почти без дорог. Кроме того, значительная роль варварского элемента в культуре (прежде всего на Боспоре) ярко проявилась еще задолго до периода поздней античности [11, с. 151; 10, с. 41-42]. В ранневизантийское время варварские (или пробудившиеся местные) элементы будут оказывать серьезное влияние на политику, материальную культуру и искусство не только этого, но и каждого византийского региона.

Отметим также, что позднеантичные (впоследствии ранневизантийские) центры Северного Причерноморья находились в определенной изоляции друг от друга, сообщение между ними было в некоторой степени затруднено, что предопределило некоторые культурные отличия [12, с. 17] отдельных микрозон внутри северопонтийского региона.

Херсонес был более близок к формирующейся общевизантийской культурной модели. Боспор в большей степени испытал варварское влияние. Это проявлялось как в эстетических вкусах, так и в идеологических представлениях. Уже в III в. в искусстве Боспора имеет место лишь внешнее подражание античным образцам, но смысл деталей уже непонятен, их часто путают. Упрощаются формы рисунка, теряется реализм изображения, нарушается пропорциональность изображаемых предметов, ощущается стремление к стилизации, плоскостности и примитивности рисунка. В период от готов до гуннов (3-я четверть III в. – конец IV в.) облик культуры Боспора значительно меняется, а в послегуннский период (с V в.) она носит уже значительно варваризованный характер [7, с. 152-155], оставаясь, тем не менее, в своей основе позднеантичной. Варваризацию следует считать одним из наиболее важных факторов – слагаемых «византинизма», создания византийской культуры с отчасти универсальным и открытым для внешних восприятий характером.

Для памятников искусства этого переходного времени в целом характерны эклектика, сочетание различных не сочетаемых ранее элементов, использование элементов, потерявших функциональное значение и вследствие этого утративших смысл. Эти пережиточные явления наглядно свидетельствуют о переосмыслении форм искусства и художественных приемов.

Одна из основных проблем, с которой сталкивается исследователь культурного континуитета в Северном Причерноморье, это проблема соотношения источников – местных и привозных памятников. С одной стороны, необходимо делать анализ и приходиться к выводам на основании эволюции местного ремесла. Однако без анализа характера импорта нельзя понять художественные вкусы и интересы населения региона данной эпохи. Поэтому привозные вещи особенно интересны, так как они представляют собой также своеобразный срез культурного континуитета всей империи [6, с. 51], да и количественно и качественно – более репрезентативны, чем местные.

Импорт в позднеантичные центры Северного Причерноморья осуществлялся без перерывов на протяжении всего рассматриваемого периода (конец III – VI вв.), что само по себе уже является доказательством непрерывности материальной культуры, да и основной социальной жизни. Большая часть привозных вещей относится к мраморным деталям христианских храмов (базилик), мраморной декорации и скульптуре культового характера. Мраморная крошка из Проконнеса также шла в дело (камешки белого цвета в мозаиках Херсонеса). Привозили на Северный Понт также отдельные дорогие и роскошные предметы художественного ремесла – серебряные чаши, пиксиды, стеклянные сосуды. В составе керамического комплекса выделяется импортная краснолаковая столовая посуда (в особенности со штампами с христианской символикой), а также светильники. Можно утверждать, что в литургических целях на Боспор и в Херсонес ввозились бронзовые предметы церковного культа (паникадила, лампы и пр.), а также евлогии. Выпуск таких вещей

был хорошо налажен в основных провинциях империи и, следовательно, несмотря на относительную дороговизну перевоза через море, это было сделать проще, чем наладить качественное производство на месте.

Внешнее влияние прослеживается также в ряде видов искусства, создававшихся на месте, в Северном Причерноморье. Так, архитектура херсонесских (и, видимо, боспорских) базилик испытала константинопольское влияние, в отдельных деталях – малоазийское и сиро-палестинское. Росписи херсонесских склепов также достаточно ощутимо выдают сиро-палестинское влияние.

Таким образом, основной объем внешних связей Северного Понта, прослеживающихся преимущественно через импорт, был сосредоточен в провинциях, образующих основной комплекс территорий формирующейся Византии. Особенно ощутимым было малоазийское влияние, до этого господствовавшее во внешних связях Северного Причерноморья. В рассматриваемый период на равных с ним выступает столичное, константинопольское влияние, проявившееся, прежде всего, в наиболее важных элементах культуры – храмовом зодчестве, мраморной декорации (Проконнес – близ Константинополя в Пропонтиде), ремесленных художественных изделиях столичного круга.

Наряду с малоазийско-константинопольским, вполне отчетливо выделяется сиро-палестинское направление, сыгравшее вообще одну из определяющих ролей в ранневизантийской культуре. Оно ощущается в стилях живописи, деталях архитектуры. Среди привозных вещей здесь доминирует стекло и изделия художественного ремесла. В керамическом импорте преобладает эгейский бассейн (понтйская сигиллята) и район Северной Африки. Впрочем, последний, видимо, достигал Северного Понта опять-таки через Эгеиду и в особенности Константинополь. Гораздо меньше вещей происходит из Аттики (светильники). Совсем слабо представлен импорт из Египта.

Западно-римское направление импорта представлено лишь рейнским (рейско-дунайским) стеклом, а также провинциально-дунайскими варварскими деталями одежды, распространившимися в период интенсивных римско-гуннских взаимоотношений.

Вне импорта местное производство преобладало в области основной керамической тары – крупных позднебоспорских и херсонесских амфор. Значительная часть сырья для мозаик подбиралась на месте; из местного материала составлялись желтый, красный, черный цвета мозаичной палитры. Росписи боспорских склепов представляют собой, несомненно, финальную фазу эволюции местного стиля. На месте производились также часть светильников, детали одежды (следовавшие варваризованным вкусам), отдельные предметы христианского культа (литургические штампы и пр.). К этой же категории вещей следует отнести местное варваризованное производство лепной посуды, амулетов и др.

На протяжении позднеантичной (включая ранневизантийскую – VI – нач. VII вв.) эпохи в Северном Причерноморье мы наблюдаем постепенную смену форм искусства. Одной из важнейших причин этого был религиозно-идеологический переворот, принятие христианства и его утверждение в широких слоях населения. Этот процесс протекал, в основном, с IV по VI в. [4]. Но, кроме того, мы должны видеть здесь и общецивилизационную трансформацию культуры, исчерпание творческого потенциала, и упадок античного искусства (живопись боспорских склепов) [5, с. 13] и рождение нового, византийского, не только христианского в основе, но и впитавшего в себя варварские и восточные влияния. Северное Причерноморье в этом отношении было одной из наиболее важных и перспективных зон этнических и культурных контактов.

В эпоху Великого переселения народов регион уцелел как оазис позднеантичной (а затем и ранневизантийской) цивилизации и смог без катастрофы перейти в новое историческое измерение, новую эпоху. Мы видим здесь причудливое сочетание отмирающего, теряющего жизненную силу, но консервирующегося (естественно или искусственно) античного искусства, рождение христианского, и ощутимое варварское влияние [2, с. 132]. В своей совокупности этот сплав и является одним из вариантов периферийно-ранневизантийской культуры, которая сама по себе, в целом, представляла подобную амальгаму с добавкой разве что еще лишь восточных элементов, которые на Северном Понте ощущаются весьма слабо.

Наконец, в политическом отношении рост влияния империи на Херсонес ощущается с конца IV в. Процесс его инкорпорации в империю был постепенным [9]. Боспор оказался включенным в империю на рубеже 20-30-х гг. VI в. в результате единовременного завоевания, и весь комплекс территорий прежнего Боспора империи уже в скором времени не удалось удержать. С середины VI в. Византия удерживала здесь лишь столичный город и неширокую полосу побережья Европейского Боспора от Крымского Приазовья на севере до Киммерика на юге.

Дальнейшее изучение памятников северопонтийской материальной культуры позднеантичного и ранневизантийского времени во всем их многообразии, вкупе с другими источниками, позволит более рельефно представить процесс континуитета между античностью и средневековьем как в данном регионе, так и в целом в ранней Византии, а также уточнить специфические признаки эпохи Late Antiquity в данном регионе.

Источники и литература:

1. Банк А.В. К вопросу о роли Сирии в формировании византийского искусства // Эллинистический Ближний Восток, Византия и Иран. М., 1967.
2. Белов Г.Д. Херсонес Таврический. Л., 1948.
3. Дагрон Ж. Двуликий Крым (IV-X вв.) // МАИЭТ. VII. Симферополь, 2000.
4. Диатроптов П.Д. Распространение христианства в Северном Причерноморье. Дисс. к.и.н. М., 1987.
5. Домбровский О.И. Фрески средневекового Крыма. К., 1966.
6. Залеская В.Н. Утверждение христианства в Херсонесе и на Боспоре по данным вещественных памятников // Церковная археология. 1. СПб.-Псков, 1995.
7. Кругликова И.Т. Культура Боспора в позднеантичный период // Античное общество. М., 1967.
8. Сюзюмов М.Я. Византийские этюды. Екатеринбург, 2002.
9. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э. – VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
10. Рябцева М.Л. К вопросу о варваризации социальной сферы позднеантичного Боспора // Проблемы истории и археологии Украины. Харьков, 2008.
11. Якобсон А.Л. Византия в истории раннесредневековой Таврики // СА. XXI. 1954.
12. Якобсон А.Л. Крым в средние века. М., 1973.
13. Kazhdan A., Cutler A. Continuity and Discontinuity in Byzantine History // Byzantion. 1982. 52.
14. Riche P. Education et culture dans l'Orient barbare. IV-VII siecle. P., 1995 (4 ed.).

Список сокращений:

МАИЭТ – Материалы по археологии, истории, этнографии Таврии.
СА – Советская археология.

ХЕРСОНЕС И БОСПОР ВО ВТОРОЙ ПОЛОВИНЕ I В. ДО Н.Э.: ОТ ЗАВИСИМОСТИ К СОЮЗУ?

Тюрин М.И.

Филиал МГУ в г. Севастополе

Изучение связей Херсонеса Таврического и Боспора представляет немалый интерес для исторической науки. Тем более это касается отношений города с такими известными по сообщениям древних авторов и незаурядными правителями, как Фарнак II, Асандр и Полемон I. Однако в эпоху, когда на мировой арене действовали эти личности, политическая история Херсонеса известна довольно слабо. Тем более актуальной она становится в свете последних открытий и повторного анализа накопленных материалов.

Место обозначенного выше хронологического отрезка в истории Херсонеса определено в науке не вполне точно. С.Ф. Стржелецкий [33, с. 63-85] в своей периодизации античной истории Херсонесского государства выделил весь I в. до н.э. в т.н. «переходное» время между эллинистической и римской эпохами. В новейшей историографии за рубежом между этими периодами вполне обоснованно приняли середину I в. до н.э. [18, с. 13; 16, с. 9]. Таким образом, вторая половина столетия может рассматриваться как самое начало римской эпохи.

Включение Херсонеса в конце II в. до н.э. в состав Понтийской державы Митридата VI привело к потере полисом возможности проведения собственной независимой внешней политики и ограничению херсонеситов в решении внутренних вопросов города. В результате III Митридатовой войны с политической карты античного мира исчезло Понтийское царство, объединявшее земли как к югу, так и к северу от Черного моря. Однако идея объединения околупонтийских эллинизированных земель не была забыта. Известно не менее трех попыток восстановления единого, занимающего обе стороны Эвксинского Понта, государства. Первая исходила с севера, от Фарнака II и закончилась в 47 г. до н.э. его поражением. Вторая была инициирована Цезарем, но Митридат Пергамский, ее непосредственный исполнитель, так и не достиг этой цели. Удачей закончилось лишь следующее предприятие, приведшее к тому, что в 14 г. до н.э. часть Малой Азии, Боспор и, по видимому, Колхида, единственный раз оказались во власти одного союзного Риму царя-клиента – Полемона I. При этом если отношения Боспора и Рима поддаются примерной реконструкции, то роль Херсонеса в перечисленных событиях практически неизвестна.

После 63 г. до н.э. Херсонес остался в составе Боспора. Как следует из сообщения Аппиана, Помпей, передавая Боспорское царство во власть **Фарнака II** (63-47 гг. до н.э.), сделал только «*фанагорийцев ...свободными и автономными*» (App. Mithr., 113), а значит, остальные участвовавшие в восстании против Митридата города, в том числе и Херсонес, остались в составе Боспорского царства. Единственный выпуск херсонесской меди [2, с. 60, № 199], относящийся ко времени правления Фарнака II, вполне красноречиво говорит в пользу подчиненного положения города. Изображение головы боспорского царя (?) на аверсе монет данной серии [2, с. 60, №199; 33, с. 34] указывает отнюдь не на номинальное покровительство со стороны Фарнака II (высказывалась и иная трактовка изображения [см. 29, с. 35]). В то же время, сохранение Херсонесом полисного чекана уже можно рассматривать как доказательство определенной автономии города [18, с. 14] в составе Боспорского царства, тем более что ко времени правления Фарнака относятся лишь выпуски царского золота [3, с. 76], а в остальных городах наблюдается достаточно длительный перерыв в работе монетных дворов.

Этот период истории Херсонеса, прервавший развитие его отношений с Римом, окончился в 47 г. до н.э. после неудачного похода царя в Малую Азию и поражения на Боспоре от своего же наместника **Асандра** (46 (42)-20 гг. до н.э.), захватившего власть в

государстве на без малого тридцать лет. Последовавшая вскоре экспедиция на Боспор Митридата Пергамского, соратника Цезаря, закончилась разгромом этого римского ставленника. В сложившейся ситуации Риму было гораздо более выгодно, придерживаясь ставшей уже традиционной политики покровительства греческим городам, признать город независимым от Боспорского царства и тем самым ослабить мощь Асандра и получить нового союзника в Северном Причерноморье.

Именно в этом ключе традиционно представляется причина дарования Херсонесу элевтерии Цезарем [28, с.17; 10, с.70; 18, с.13; 37, с.37]. Знания о рассматриваемой эпохе в истории города полностью базируются на сообщениях Плиния Старшего (NH, IV, 85), Константина VII (Const. Porph. De adm. Imp., LIII) и фрагментах нескольких декретов [38]. Заметку Плиния о том, что «...римлянами ему (Херсонесу – М.Т.) была дарована свобода» (NH, IV, 85) обычно относят именно к эпохе Цезаря. Особое значение придается декрету в честь Гая Юлия Сатира (IOSPE I² № 691), найденному в 1911 г. Обычно полагают, что целью посольства Сатира в Рим было получение Херсонесом статуса свободного города. В результате в отечественной историографии твердо укрепилось мнение о том, что в свое третье консульство диктатор даровал городу элевтерию [28, с.17; 10, с.70; 18, с.13; 14, с.229], на что херсонесский монетный двор отреагировал выпуском т.н. «оболов первой элевтерии» с соответствующей легендой.

Выделяют целый период первой элевтерии в жизни Херсонеса, продлившийся не то до 44 [2, с.74], не то до 42 г. до н.э. [20, с.15]. При этом выражалась мысль [8, с.20] о синхронности посольства Сатира и боевых действий между Асандром и Митридатом Пергамским и, как следствие, даже военной помощи Херсонеса ставленнику Цезаря в виде вспомогательных отрядов (auxilia). Последнее предположение Ю.Г. Виноградова явно навеяно содержанием другой надписи (IOSPE I² № 419) с упоминанием вспомогательных отрядов, датированной исследователем временем на 80 лет позже рассматриваемых здесь событий [6, с.139]. Но вряд ли в таком случае признание свободы города Цезарем имело смысл, если к этому времени Митридат еще не потерпел поражение от Асандра. Наоборот, сохранение Херсонеса в составе Боспора, который в скором времени должен был войти в состав владений союзника Рима, представляется вполне логичным. Более того, если учесть, что война между Митридатом и Асандром была крайне непродолжительной, а ставленник диктатора, скорее всего, так и не высадился на берега обещанного ему Боспора [33, с.69], то вряд ли возможно утверждать, что посольство Сатира могло обещать Цезарю оказать какую-либо помощь Митридату. Как видим, подобное мало правдоподобно из-за скоротечности конфликта. Наличие же каких-либо договоренностей херсонеситов с Римом до похода Митридата на Боспор представляется сомнительным. К тому же, подобное предположение весьма неуклюже вписывается в датировку пребывания Сатира в Риме: третье консульство и диктатура Цезаря, упомянутые в тексте декрета, длились с мая 46 г. до н.э. [28, с.3; 10, с.60], в то время как окончательное утверждение на Боспоре Асандра относится уже к лету 46 г. до н.э. [3, с.79]. То есть времени на то, чтобы вернуться обратно из Рима до поражения Митридата у посольства было крайне мало. Все это заставляет усомниться в какой бы то ни было военной помощи херсонеситов Митридату Пергамскому в его борьбе с мятежным этнархом.

Вдобавок ко всему, последние исследования подвергают сомнению казавшиеся ранее непоколебимыми взгляды, строившиеся на основании чтения данного документа. И.А. Макаров убедительно доказал, что заслуга Г. Ю. Сатира заключается вовсе не в том, что он добился элевтерии для Херсонеса, а в том, что он только упомянул город в сенате [22, с.89]. Таким образом, поставлен под сомнение сам факт того, что Цезарь дал городу элевтерию. Упоминание же Плинием о даровании элевтерии городу, в свою очередь, может быть датировано весьма широко. Нумизматический материал с легендами «ХЕРΣ ΕΛΕΥ» и «ΕΛΕΥΘΕ [ΧΕΡΣΟΝΕΣ]», отождествляющийся обычно с херсонесской чеканкой начала второй половины I в. до н.э. [2, с.61], также нельзя уверенно приписывать этой эпохе [22, с.90].

Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что на настоящий момент традиционные представления об истории Херсонеса времен Цезаря и «первой элевтерии» города

являются беспочвенными. Но в то же время, ситуация, сложившаяся в 46 г. до н.э. в Причерноморье, заставляет признать, что какие-то шаги по отделению Херсонеса от Боспора римляне должны были предпринять. Предоставление определенных привилегий городу могло стать своеобразным инструментом давления на Асандра, попыткой ослабить неугодного Цезарю правителя, виновного в гибели сразу двух союзных Риму царей. Однако, что именно представляли действия римлян, выражались ли они во включении города в договор – *foedus* – на верность Риму [8, с. 20], предоставлением элевтерии [17, с. 17] или других привилегий, мы можем лишь догадываться. Во всяком случае, нашедший отражение в эпиграфике всплеск политической активности херсонесской общины в исследуемый период, хотя и не является прямым доказательством полной независимости Херсонеса от царства Асандра [22, с. 91], но все же дает повод задуматься о его причинах.

Еще одним доводом в пользу относительной свободы города на начальных этапах правления Асандра необходимо признать историю о Гикий, переданную в 53-й главе трактата «Об управлении империей», написанном императором Константином VII Порфирогенетом в качестве наставления своему сыну Роману II. Рассказ о Гикий, дочери Ламаха, спасшей родной город, занимает в последней главе трактата особое место. Это самое объемное и подробно описанное действие в этой части наставления. Необходимо кратко напомнить его содержание, сводящееся к следующему. Во времена, *«когда венценосцем и протевом страны херсонитов был Ламах, а над боспорянами царствовал Асандр, боспоряне, исполненные великой злобой против херсонитов...»* совершили попытку присоединить Херсонес к царству Асандра. Они *«...отправили послов(!) в страну херсонеситов»* (Const. Porph. De adm. Imp., LIII, 240) и в конце концов договорились о браке между Гикийей, дочерью Ламаха, и сыном Асандра. Через два года венценосец и протевон Ламах умирает, а еще через год дочь устраивает праздник в память об отце. *«Питающий втайне коварство и ищущий случая для предательства»* сын боспорского царя, так и не названный Константином VII по имени, находит способ, благодаря которому боспоряне захватят город. По этому плану в Херсонес посылались *«по десять или двенадцать добрых парней»*, как будто бы с целью передать дары. Через несколько дней они прилюдно отпускались, но ночью возвращались к некоему Лимону, *«а оттуда на корабле он (супруг Гикийи – М.Т.) доставлял их в Сосы (т.е. портовый район города – М.Т.) и... вводил в свой дом так, что никто не знал об этом, кроме трех его рабов – боспорян...»* (Const. Porph. De adm. Imp., LIII, 305). В результате, через два года в кладовых дома Гикийи, при ее полном неведении собрались 200 боспорян, готовых захватить Херсонес в ночь после очередного дня памяти Ламаха. Далее в трактате идет речь об открытии заговора рабыней Гикийи и дальнейшем сожжении дома Ламаха вместе с находящимися там боспорскими воинами и мужем героини. Завершается повествование о Гикийи описанием предоставленных ей почестей и обещанием горожан похоронить свою героиню в пределах городских стен, для чего, однако, дочери Ламаха потребовалось разыграть херсонеситов, притворившись мертвой.

Проблема достоверности изложенного в трактате повествования стоит особенно остро для понимания ситуации, сложившейся в Северном Причерноморье во времена правления Асандра. Следует отметить, что вся 53-я глава, по-видимому, не принадлежит руке самого императора, а является некой подборкой выписок из херсонесских хроник [4, с. 450]. При чтении истории о Гикийи в глаза бросается целый ряд присутствующих в тексте анахронизмов. Из трактата Багрянородного вытекает, что правление Асандра якобы приходится на время после готских войн III в. н.э. и даже после подавления мятежа в Подунавье в царствование Константина Великого. Получается, что автор относит события легенды ко второй половине IV в. [4, с. 454, прим. 29]. Здесь отчетливо видна отрывочность материала, которым располагал составитель 53-ей главы. Создается также недвусмысленное впечатление о христианском вероисповедании героини (как впрочем, и окружающих ее горожан): обнаружение неприятеля происходит «по воле божьей», «бог... открыл» Гикийи заговор, она *«спасла с помощью бога свое отечество»* и т.д. Это, с другой стороны, дает богатую пищу для размышлений по поводу восприятия этих событий в средние века. Историческая память херсонеситов сберегла полулегендарный эпизод из истории города I в.

до н.э., имеющий явно выраженный оттенок почитания Партенос [30, с. 51], и отчасти наполнила ее новым содержанием. Отсюда видно, что слепо доверять информации, подающейся в трактате «Об управлении империей», нельзя. В то же время, автор хроники, послужившей источником для создания поучения, демонстрирует прекрасную осведомленность о географическом положении города, его округе и т.д. В целом, изложенный в труде Порфириогенета материал представляет собой нечто большее, чем «херсонесские сказки», как заклеил этот источник Т. Моммзен [41, s. 287]. До конца степень правдивости описания изложенных в трактате событий определить на настоящий момент невозможно из-за отсутствия четко датированных свидетельств, в том числе эпиграфических, с которыми можно было бы сравнить текст 53-й главы «Об управлении империей». Если признать, что рассматриваемый источник хотя бы частично отражает события второй половины I в. до н.э., то можно сделать ряд достаточно важных выводов.

Показателен сам по себе отмеченный выше факт обмена посольством между Херсонесом и Боспором, создающий ощущение практически полной политической независимости государств друг от друга. Данное свидетельство может быть сопоставлено с фрагментарно сохранившейся надписью (IOSPE I² №354), упоминающей посла царицы Динамии, которая также говорит о дипломатических отношениях между государствами. Надпись была условно отнесена В.В. Латышевым к 17-16 гг. до н. э. (40, с. 309), хотя то, что эпиграфист пришел к этому выводу лишь из факта упоминания в нем имени боспорской царицы, не позволяет быть в этом уверенным. Следует отметить, что даже если относиться к данным трактата скептически, вряд ли имеет смысл отрицать сам факт конфликта Боспора с Херсонесом во время правления Асандра. Не вполне правдоподобные детали, сама форма конфликта, частично являющаяся литературным заимствованием из исторических хроник других городов Причерноморья [30, с. 50, 51], не должны отвлекать исследователей от главного: во время правления Асандра имела место попытка присоединить Херсонес к Боспорскому царству.

Рассматривая эпоху второй половины I в. до н.э. в Северном Причерноморье, невозможно не упомянуть о таком важном для Херсонеса событии, как принятие новой местной эры, начало которой приходится на 24 г. до н.э. [1, с. 73, 75]. Причины, толкнувшие херсонеситов на этот поступок, не ясны. Иногда считают, что событием, спровоцировавшим ввод нового летоисчисления, было «*подтверждение Августом элевтерии Херсонесу*» [20, с. 16] после ее отмены Антонием [20, с. 15]. В.М. Зубарь полагал, что в 25-24 гг. до н.э. городу были дарованы некие права (*lex civitatis*) [18, с. 16-17; 19, с. 13], подтвердившие его автономию. И, наконец, принятие летосчисления связывается с покушением Асандра на свободу Херсонеса, описанным в труде Константина Порфириогенета [2, с. 76]. Вместе с тем, нужно подчеркнуть, что хронологически введение новой эры в Херсонесе совпадает с пиком активности Рима в Причерноморье. Восстановление целостности Римского государства в 31 г. до н.э. развязало руки Августу для активной военной деятельности на востоке, результатом чего стал поход Марка Красса на бессов, медов и гетов в 29-27 гг. до н.э. [16, с. 25-29]. Итогом экспедиции стало не только покорение нижнедунайских варваров, но и окончательное присоединение к Римской державе западнопонтийских городов, вошедших в состав провинции Македония [32, с. 51]. Распространенной практикой, направленной на ослабление усиливавшихся вассальных царств в правление Августа стало дарование автономии и других привилегий городам. Сразу же после победы над Антонием независимость от Понтийского царства была дарована Амису, что также сопровождалось введением новой эры [31, с. 310]. Впоследствии элевтерия была дарована Хиосу (26 г. до н.э.), а в 25 г. до н.э. – Митилене [20, с. 16]. Данные факты говорят в пользу того, что именно в этом русле нужно искать ответ на вопрос о причинах введения эры в Херсонесе.

Остановимся на хронологии правления Асандра, что поможет разобраться в событиях, имевших место в те годы в Херсонесе. Около 50-49 гг. до н.э., к началу похода Фарнака II в Малую Азию, он был поставлен наместником – этнархом [33, с. 60]. В конце 48-47 гг. до н.э. он отложился от своего царя, но сам царский титул не принимает, а становится архонтом [33 с. 60], что нашло красочное отражение в боспорской нумизматике [3, №№ 221-225]. И только в 42 г. до н.э., уже после смерти Цезаря, Асандр стал царем [33, с. 72].

Прощаиваясь единолично до 20 г. до н.э. [33, с. 94], он был сменен на троне Динамией, «...которой было передано мужем управление государством» (Dio. Cass. LIV, 24, (4)) и неудачно воевал с неким Скрибонием, заморив в конечном итоге себя голодом (Ps.-Luc. Macr. 17).

Опираясь на эти факты, исследователи предлагают два наиболее вероятных с их точки зрения момента, когда Асандр мог попытаться захватить город, а именно 45-40 гг. до н.э. [30, с. 56], что отчасти подтверждается эпиграфически (IOSPE I², 347, 691), и 29-25 гг. до н.э. [19, с. 13]. Последняя датировка базируется на том, что неизвестный по имени царский сын был непременно и сыном царицы Динами, то есть родился не ранее 45-44 гг. до н.э. и достиг совершеннолетия к указанному времени. С этим, однако, можно поспорить. Брак между Гикией и сыном Асандра, насколько видится из рассказа Константина VII, не является междинастическим. Он играл роль союза между боспорским царским родом и одним из наиболее состоятельных херсонесских аристократических родов. Этот брак лишь отдаленно напоминает браки, заключавшиеся Спартокидами (Виноградов) и Митридатами (App. Mithr., 108) с представителями верхушек варварских племен Причерноморья, традиция заключения которых, надо полагать, на Боспоре продолжала жить. Рассматриваемое событие имеет явный оттенок попытки сговора царя с правящей элитой полиса, целью которого было сближение Херсонеса и Боспорского царства. Для этих целей вовсе не требовался непосредственный наследник, тем более что царевич, по договору с херсонеситами, не мог уезжать на родину, теряя шансы на власть в будущем и превращаясь в заложника. Поэтому неизвестный по имени царевич вполне мог быть сыном первой жены Асандра, Гликарии, или иной женщины. Из этого вытекает, что события, нашедшие отражение в труде византийского императора, могли иметь место и до 28-25 гг. до н.э.

Не следует забывать, что ход дел на северном берегу Черного моря зависел не только от политики здешних государств и племенных образований, но и от ситуации в Республике. В условиях борьбы за власть в Риме этот факт приобретает особое значение. Попытка покорения Херсонеса могла произойти только после смерти Цезаря в 44 г. до н.э. Скорее всего, это произошло во времена правления Марка Антония на востоке и не без ведома последнего, когда Асандр укрепился на Боспоре. Получив царскую власть, он стал восстанавливать царство Фарнака II, подобно тому, как последний вернул себе Фанагорию, воспользовавшись нестабильностью в Республике. То есть, действие легенды до уничтожения боспорян включительно, следует отнести к промежутку между 46 (начало единоличного правления Асандра), а, вероятнее, 42 (принятие царского титула) и 31 гг. до н.э. (конец правления Антония). Учитывая, что развитие сюжета до его кульминации-сжигания дома Гикии - происходит в течение пяти-шести лет [30, с. 300], делаем вывод, что попытка захвата Херсонеса сыном царя произошла приблизительно в 41-31 гг. до н.э. или, скорее, в 37-31 гг. до н.э.

Рассматривая причины, побудившие Антония легализовать оккупацию города, сталкиваемся не только с острой потребностью триумвира в деньгах и его готовностью «продать» город царю [48, с. 19], но и с проявлением характерной для него политики *Clementia Caesaris* по «прощению» врагов Цезаря [34, с. 60], коим, бесспорно, являлся Асандр. Антоний, несомненно, стремился заручиться поддержкой боспорского царя, а тому, соответственно, нужна была поддержка Антония. В этой связи и следует рассматривать его предполагаемое согласие на захват Херсонеса Асандром. Таким образом, мы видим яркий пример свойственного триумвиру покровительства восточным монархиям (ср. Plut. Ant., 24). Попутно заметим, что частью того же направления политики Антония было восстановление в 39 г. до н.э. [31, с. 300] Понтийского царства.

В тесной связи с рассказом Константина Багрянородного В.М. Зубарь [17, с. 122-123; 19, с. 12-13] предлагал рассматривать плохо сохранившийся декрет (IOSPE I² №355), найденный летом 1890 г. Д.В. Айналовым. На это исследователя подталкивает ряд сюжетных сходств между легендой о Гикии и фрагментарными сведениями, почерпнутыми из надписи. Хотя содержание декрета неоднократно излагалось [21, с. 16, 17; 15, с. 90, 91; 14, с. 230; 10, 95; 35, с. 9; 26, с. 100], напомним основные моменты, известные из надписи. В документе сообщается о пребывании чествуемого за пределами города, а затем о каком-то

тиране, захватившем там власть. Возглавив горожан, неизвестный гражданин "без крови сделал город счастливым" [21, с. 16]. Следует также отметить факт упоминания в тексте декрета ремонта городских оборонительных стен, а так же ревизии продовольствия и доставки хлеба в рамках приготовления к войне (по-видимому, за счет того самого херсонесита, удостоившегося почетного декрета, который совершил все выше перечисленное "не щадя ни средств, ни тела, ни души") [21, с. 16]. Кроме того, в тексте упомянуты римский император, сенат, римский народ и, что особо интересно, "исконная свобода Херсонеса" (πάτριος Χ[ε]ρσοναίταις ἐλευθερία), из-за чего В.В. Латышев довольно пространно датировал декрет временами первых римских императоров [21, с. 18]. Возвращаясь к содержанию надписи, нужно указать на упоминание "довольно многочисленного избранного войска" противника, которое гражданин заставил удалиться.

Принадлежность документа к исследуемой эпохе вызывает споры. К приведенной В.М. Зубарем обширной библиографии [17, с. 122, прим. 41, 42] можно лишь добавить, что Б.Н. Граков и Ю.Г. Виноградов [14, 129] предлагали датировать декрет временем «второй оккупации Херсонеса» весьма условно и не настаивали на этом мнении, подчеркивая необходимость проведения палеографического анализа. Таковой позволил отнести надпись к рубежу нашей эры [35, с. 9], а В.И. Кадеев, учитывая хронологию правления Августа, попытался уточнить датировку документа до 29-23 гг. до н.э. [20, с. 15]. Если эти соображения верны, то время принятия новой эры может совпадать с созданием декрета.

Тем не менее, вряд ли можно утверждать [ср. 17, с. 123], что события, о которых идет речь в надписи и в трактате Константина VII, представляют собой один и тот же эпизод из жизни города. Если не обращать внимания на детали, следует выделить несколько наиболее существенных различий, противоречащих идентичности событий, нашедших отражение в рассматриваемых источниках. Так, текст декрета ясно дает понять, что херсонеситы находились во власти тирана, причем, скорее всего, достаточно длительный период, в то время как Гикия Багрянородного заблаговременно ликвидировала саму опасность появления лица, которого возможно назвать тираном. Приготовления, о которых идет речь в декрете, направлены против внешнего врага, что также противоречит написанному в трактате. В конце концов, упоминание посольства (?) в Рим, т.е. кульминация череды описанных в надписи событий, в легенде о дочери Ламаха отсутствует. Это говорит о том, что события, известные благодаря данным источникам, относятся к разным этапам истории жизни города, пусть и очень близким хронологически.

Вопрос о положении Херсонеса перед попыткой царя вернуть город под свою власть остается открытым. На основании имеющихся в нашем распоряжении сведений можно предложить следующую хронологию развития херсонесско-римских и херсонесско-боспорских отношений. Данные, известные благодаря свидетельству трактата «Об управлении империей» и оживление активности государственного аппарата города, о котором говорит весьма внушительное число декретов, относящихся к началу второй половины I в. до н. э., свидетельствует в пользу высокой степени независимости города в начале правления Асандра. Об этом же свидетельствует небольшое число монет архонтского чекана, найденных на городище – всего 6 шт. (к 1964 г.) [9, с. 64, список 2]. Можно предположить, что в 47-46 гг. до н.э. Херсонес самоотделился от Боспора, воспользовавшись внутренней борьбой в государстве, авантюрой Митридата Пергамского и приходом к власти незаконного правителя, не являвшегося наследником старой династии. Скорее всего, эти действия были одобрены диктатором, во всяком случае, декрет в честь Г.Ю. Сатира является доказательством существовавших в интересующий нас период отношений между городом и Римской державой. Правовой статус полиса уверенному определению не поддается. Нельзя исключать возможность дарования Херсонесу элевтерии, еще более заманчиво предположение о заключении договора (foedus) [8, с. 20], но об этом можно лишь догадываться.

Далее, между 42 и 31 гг. до н.э. имели место некие события, легшие в основу легенды о Гикий и включавшие в себя покушение на независимость города. Сообщение Константина VII рисует нам победу херсонеситов, однако из декрета (IOSPE I² №355) становится очевидно, что к моменту возвращения чествуемого гражданина, горожане были во

власти некоего тирана (τύραννος), в котором можно видеть сына [26, с. 100], скорее какого-то иного ставленника боспорского царя или даже его самого (точнее сказать из-за плохой сохранности документа нельзя). Экономическая сторона зависимости Херсонеса подтверждается господством боспорской монеты в городе в конце 40-30-х гг. до н.э. [9, с. 67], хотя право чеканки он, вероятно, сохраняет [56]. Из вышесказанного напрашивается вывод о целом периоде в истории города, когда политическая власть в нем принадлежала Асандру, опиравшемуся на военный союз с варварскими племенами Таврики [57]. Длительность этого этапа определить сложно, но очевидно, что он начался приблизительно в 37-31 гг. до н.э. Окончание же его приходится на середину 20-х гг. I в. до н.э.

Вероятно, лишь около 24 г. до н.э. херсонеситам, как это следует из декрета (IOSPE I² №355), не без военных действий, удалось избавиться от власти тирана, что сопровождалось последующим посольством в Рим, где Август (Αὐτοκράτωρ) подтвердил самостоятельность города. Эти события позже нашли отражение во введении новой эры, начало которой и приходилось на год освобождения от боспорской зависимости. Они же привели к созданию данного декрета и, возможно, к сооружению прочих памятных знаков, в том числе скульптур Девы (?), которые у Багрянородного принимают вид статуй, изображающих Гикию [2, с. 76] (Анохин, 1977, с. 76). Независимым Херсонес продолжал оставаться и после передачи Асандром власти Динамии, о чем говорит уже упоминавшийся декрет в честь ее посла (IOSPE I² №354). О статусе Херсонеса как государственного образования ничего конкретного не известно. Был ли в отношении города принят *lex civitatis* [18, с. 16] либо он получил (опять?) элевтерию [20, с. 17], точно утверждать вряд ли возможно. Пролить свет на этот вопрос могут лишь новые эпиграфические памятники и тщательное исследование накопившегося материала.

Итак, повторное сопоставление источников дает возможность предложить новый, альтернативный взгляд на херсонесско-боспорские отношения в 40-е – 20-е гг. I в. до н.э. В начале этого периода город некоторое время был свободным, после этого, скорее всего, был вынужден подчиниться царю Асандру. И только около 24 г. до н.э. Херсонес вновь добыл себе свободу. Конечно, данная схема не претендует на абсолютную достоверность, но она, на мой взгляд, вполне удовлетворяет современному состоянию сведений, известных нам о связях города и Боспорского государства в указанное время.

Гибель Асандра и переход власти на Боспоре к Скрибонию дали Риму возможность повлиять на развитие ситуации в причерноморском регионе. Наши сведения о дальнейших событиях основаны преимущественно на данных Диона Кассия, из сообщения которого известно, что в 14 г. до н.э. власть на территории Боспорского государства была, при поддержке Агриппы, захвачена понтийским царем Полемоном I (на Боспоре правил в 14-8 гг. до н.э.). Объединение Понта с Боспором под властью преданного империи вассального царя должно было слить воедино две имеющие общее историческое прошлое области. Это, в свою очередь, укрепляло позиции Рима против Парфии и активизировавшегося в последней четверти I в. до н.э. сарматского мира (16 г. до н.э. датируется одно из первых упоминаний о боевых действиях между сарматами и римскими войсками на Дунае) [7, с. 151]. Объединение государств должно было искоренить остатки политики «митридатизма», сохранявшейся на Боспоре.

Однако какую роль играл Херсонес Таврический в установлении на Боспоре власти римского ставленника? Принято полагать, что город, справедливо считающийся главным проводником политики империи в Таврике в последующие периоды, уже на ранних этапах не просто выступал на стороне Полемона и покровительствовал ему Агриппы, но и предоставлял понтийскому царю военную помощь в виде вспомогательного отряда. Данный тезис выглядит весьма правдоподобно и согласуется с общеисторическим контекстом. Однако базируется он на ошибочной датировке надписи на постаменте статуи неизвестного херсонесита, командовавшего отрядом, посланным царю Полемону (IOSPE I² №419). По убедительной интерпретации Ю.Г. Виноградова надпись относится ко времени Полемона II, внука Полемона I и, соответственно, не имеет отношения к рассматриваемым здесь вопросам [2, с. 137].

Роль Херсонеса, как морской базы, используемой армией Полемона I, также необходимо подвергнуть сомнению. Нельзя признать состоятельной версию В.А. Горончаровского, который полагает, что войско царя двигалось из Синопы кратким путем на Херсонес, получив там пополнение, а потом на территорию Боспора [11, с. 230; 12, с. 155]. Путь достаточно большого военного флота через Черное море без остановок в портах кажется маловероятным. Во-вторых, учитывая, что Полемон владел Колхидой [подробнее см. 31, с. 313], можно предположить, что он мог использовать ее как плацдарм для похода. Исходя из этих соображений, царь, скорее всего, выбрал бы путь вдоль восточного побережья Черного моря, тем более, что здесь быстрому ходу кораблей способствовали не только порты, но и попутное течение. Более того, в важнейшем источнике по античной географии Черного моря, Перипле Арриана, написанном ок. 134 г. н.э., указывается именно этот путь на Боспор, причем для использования его в случае возможных военных действий Рима [Arr, 26-30]. Этот маршрут упоминается в перипле в связи с очередным династическим кризисом на Боспоре в 30-х гг. II в. н.э. [19, с. 85], в близкой по сути к затронутой здесь ситуации, когда был возможен силовой вариант действий, легат Каппадокии через полтора столетия указывает императору единственный приемлемый для его времени "военный" путь на Боспор. Из всего вышесказанного можно сделать вывод, что Херсонес Таврический едва ли мог быть использован флотом царя для переброски войск на территорию Боспорского царства, а участие города в событиях, изложенных Дионом Кассием, на настоящий момент следует признать минимальным.

Характер херсонесско-боспорских отношений в рассматриваемое время, как и правовая база, на основе которой они развивались, до конца не ясен. Обычно считают, что они регулировались в рамках равноправного военного союза, симмахии [17, с. 127]. В свое время В.В. Латышев выдвинул тезис о заключении союза (συμμαχία) между Херсонесом и Боспорским царством во время правления одного из двух царей, носивших имя Полемона. Сделано это было на основании первоначального чтения *все той же* надписи № 419 на постаменте статуи неизвестного гражданина, который, как сначала предполагал эпиграфист, стоял во главе посольства к Полемону с целью заключения союза [39, №91]. Позднее данная точка зрения была исследователем пересмотрена и он, отказавшись от предыдущего прочтения, уже считал упомянутое в надписи лицо начальником вспомогательного отряда (симмахии), посланной на Боспор. Памятник, как уже упоминалось, был верно датирован I в. н.э. лишь относительно недавно [2, с. 137].

Несмотря на это, тезис о заключении симмахии в эпоху Полемона I, по-прежнему актуален, хотя прямых письменных указаний на статус Херсонеса как союзного города (συμμαχισ πόλις) нет. Вместе с тем, отношения, сложившиеся между двумя государствами в указанный период, вряд ли соответствовали равноправному союзу двух держав. Одним из доказательств этого может служить форма обращения со стороны Полемона во фрагментарной надписи IOSPE I² №704, являвшейся рескриптом царя Совету и Народу херсонесцев. Необходимо подчеркнуть значение этого, пусть и плохо сохранившегося эпиграфического источника, как единственную надпись херсонесского лапидарного архива, которую можно уверенно связать с Полемоном I. Сделать это можно, в частности, на основании того, что в титулатуре царя присутствует эпитет "Евсевий" (Εὐσεβής) - "Благочестивый", "Праведный". Данный титул был принят Полемоном в 36 г. до н.э., сразу же после воцарения в Понте. Уцелевшее начало надписи, читающееся как "Царь Полемон Евсевий, спаситель, приветствует Совет и Народ херсонесцев..." говорит о доминирующем положении Боспора в сложившихся отношениях [см. 33, с. 126, 127.] Справедливости ради отмечу, что существует и другое, на мой взгляд, менее убедительное мнение по этому поводу [17, с. 127].

Наиболее справедливой и отвечающей действительности следует признать точку зрения Ю.Г. Виноградова, считавшего, что в рассматриваемое время город находился «под опекой» Боспора [6, с. 131]. Оно следует из прямых сведений Страбона. Среди трех указаний Страбона на зависимость города от соседнего Боспора в постмитридатовский период, следует выделить последнее. В нем Географ, после описания округа Херсонеса и осады Ктенунта скифами, сообщает: *"А теперь вся эта страна находится под властью*

боспорских царей, которых назначают римляне" [7, VII.4.3]. Полемон как никто другой подходит на роль такого царя. Подтверждением правоты этого является тот факт, что смерть царя в плену у аспургиан – наиболее хронологически позднее свидетельство в тексте "Географии", относящееся к Боспору. Все это дает нам право предположить, что около 14 г. до н.э. между Херсонесом и Полемоном, по-видимому, при посредничестве римского командования и по его же распоряжению, было заключено некое соглашение, имевшее вид союза-симмахии, но на деле закрепившее протекторат Боспора над городом.

В такой ситуации отношения Херсонеса как полиса и Понта Полемона I, как типичного буферного царства на границе империи, вряд ли представляли из себя нечто экстраординарное и должны иметь хотя бы примерные аналогии в истории политической жизни причерноморского региона рубежа нашей эры. В качестве примера можно привести античные города Западного Причерноморья, в частности Томи, Истрию, Одесс, Дионисиополь, Каллатис, Месембрию, и, по-видимому, Тиру, которые на рубеже нашей эры контролировались фракийскими царями, сохраняя некое самоуправление. Регулировались же отношения между городами и Фракией на основе симмахии (32, с. 52), т. е. военного союза. Аналогично и для Херсонеса и царства Полемона, думается, имела место прикрытая союзом-симмахией зависимость.

Однако следует помнить, что западнопонтийские центры были сами заинтересованы в союзе с Фракией ввиду постоянной угрозы со стороны гетов, бастарнов и появившихся в этом районе сарматов. Вопрос о наличии подобной угрозы для Херсонеса данного периода является немалой научной проблемой.

Еще К. Э. Гриневич [14, с. 229] предполагал, что Херсонес первоначально сам нуждался в союзе с понтийским царем в связи угрозой варварского вторжения. Однако и годы спустя этническая ситуация, сложившаяся в Юго-Западной Таврике в последней четверти I в. до н.э. до конца не ясна и еще ждет детального изучения. Впрочем, на основании материалов археологических исследований, можно уверенно говорить о том, что именно в это время начинается проникновение в Крым представителей сарматских племен, причем сарматские памятники фиксируются в непосредственной близости от Херсонеса (в частности, курган у Братского кладбища на Северной стороне г. Севастополя, датирующийся концом I в. до н. э. - рубежом н.э.) [27, с. 39, 98]. Но при отсутствии эпиграфического материала и данных древних авторов, нет достаточных оснований заявлять о какой-либо направленной против Херсонеса военной активности варварского населения Таврики. В любом случае, нужно учитывать развязанную Полемоном крупномасштабную кампанию по борьбе с местным боспорским антиримски настроенным населением. Последняя сопровождалась разрушением целого ряда поселений и городищ на территории как Европейского, так и Азиатского Боспора [23; 33 с. 128]. В этой обстановке защита Херсонеса, располагавшегося на довольно большом расстоянии от основных владений Полемона, представляется весьма затруднительной. С другой стороны, археологические данные говорят о масштабных военных действиях, которые имели место на рубеже эр в Таврике вне границ Боспора.

Причем, на настоящий момент есть основания предполагать, что в событиях, связанных с установлением власти царя на северном берегу Понта, принимали участие римские войска. Во всяком случае, о военной активности римлян в регионе говорят находки фрагментов вооружения. В нашем распоряжении имеется, в частности, комплекс из святилища у перевала Гурзуфское Седло, который несет в себе большое количество римской амуниции конца I в. до н.э. В ходе раскопок здесь были обнаружены фибулы ранних вариантов типа Авцисса, Алезия, умбоны skutumov, шпоры, фрагменты шлемов типа «Монтефортинно» (?) и нащечники имперско-галльских шлемов варианта А [24, с. 83], кольчуг и, что особенно важно, бронзовая деталь воинского штандарта [25, с. 60, 61, 54, 57, 56, 59]. Все перечисленные предметы римского военного снаряжения с различной степенью уверенности датируются последними десятилетиями рассматриваемого столетия [то же]. Интерпретация их вызывает затруднение. Возникает желание связать данные находки со смутой второго десятилетия I в. до н.э. на Боспоре. Логично допустить, что действия отрядов Полемона I охватывали далеко не только территорию самого Боспора, где следы его военной

деятельности зафиксированы археологически [23, с. 158-161]. Это, а также приблизительное равенство расстояний от границ Боспора до святилища и от последнего до Херсонеса, заставляет задуматься над тем, не мог ли какой-нибудь эпизод римского присутствия конца I в. до н.э. быть тесно связан с Херсонесом и борьбой с варварским населением Крыма. Ответ на этот вопрос, однако, не ясен. Во всяком случае, многочисленный археологический материал позволяет говорить о том, что именно последние десятилетия I в. до н.э. открывают новую страницу отношений империи и государств Северного Причерноморья, которая ознаменовалась первым, хотя и кратковременным военным вмешательством римлян в политическую жизнь Таврики.

Отношения Херсонеса и Полемона I могли строиться на основе договора о симмахии, но на деле город подчинялся царю. Зависимость города от государства Полемона I выражалась, по-видимому, в выплате определенных налогов в казну понтийского царя. Херсонес, как и его соседи на западном побережье Черного моря [32, с. 52], сохранял автономию во внутренних делах. Средства эти, прежде всего, должны были идти на покрытие расходов в связи с военными действиями, ведущимися базилевсом на Боспоре и, возможно, в других регионах Крыма. Более конкретный анализ связей между городом, Боспором и Понтом станет возможным только с введением в научный оборот новых источников, в первую очередь, эпитафических памятников.

Таким образом, на протяжении 63-8 гг. до н. э. политическое положение Херсонеса Таврического неоднократно менялось. Однако как в начале, так и в конце этого хронологического отрезка, город был в той или иной степени интегрирован в состав Понтийского царства. В первом случае он напрямую входил в его состав, во втором, по-видимому, был подконтрольным, хотя и формально независимым от понтийского царя городом. Особого внимания заслуживает вопрос о политике боспорского царя Асандра в отношении Херсонеса. Как было показано выше, возможности источников по этой теме еще не исчерпаны, и дают возможность делать новые, отличные от традиционных, реконструкции политической жизни города. Для уточнения общей хронологии событий истории Херсонеса и его правового статуса во второй половине I в. до н.э. следует решить ряд проблем. Главными из них видятся следующие:

1. Уточнение хронологии деятельности херсонесского монетного двора, в особенности датировки т.н. «оболов первой элевтерии».
2. Датировка и интерпретация надписей IOSPE I² №№ 355, 691.
3. Интерпретация группы материалов, имеющих отношение к римской армии и к римскому военному присутствию в Крыму на исходе I в. до н.э.

Источники и литература

1. Анохин В.А. О начале эры Херсонеса Таврического //НС. 1963. №1.
2. Анохин В. А. Монетное дело Херсонеса (IV в. до н.э. XII в. н.э.). К., 1977.
3. Анохин В.А. Монетное дело Боспора. М., 1986.
4. Бибииков М.В. Грацианская Л.И. К главе 53 // Константин Багрянородный. Об управлении империей. М., 1991.
5. Виноградов Ю. Г. Вотивная надпись дочери царя Скилура из Пантикапея и проблемы истории Скифии и Боспора во II в. до н.э.//ВДИ. 1987. №1.
6. Виноградов Ю. Г. Полемон, Херсонес и Рим //ВДИ. 1992. №3.
7. Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н.э. // ВДИ. 1994. №2.
8. Виноградов Ю. Г. Цезарь, Херсонес и Боспор // Херсонес в античном мире. Севастополь, 1997.
9. Голенко К.В. Состав денежного обращения в Херсонесе в I в. до н. э.//ВДИ. 1964. №1.
10. Голубцова Е.С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М. 1951.
11. Горончаровский В. А. Между Империей и варварами: военно политическая история Боспора на рубеже нашей эры// STRATUM plus (СПб.; Кишинев; Одесса). 2000. № 3.
12. Горончаровский В.А. Между империей и варварами. Военное дело Боспора римского времени. СПб.-М., 2003.
13. Граков Б.Н., Виноградов Ю.Г., Новые надписи из Херсонеса Таврического // ВДИ. 1970. №3.
14. Гриневич, Херсонес и Рим// ВДИ. 1947. №2.
15. Дьяков, Оккупация Таврики Римом в I в. н.э. // ВДИ. 1941. №1.
16. Златковская Т. Д. Мёзия в I II веках нашей эры . М., 1951.
17. Зубарь В.М. Из истории Херсонеса Таврического на рубеже н. э.// ВДИ. 1987. №2.

18. Зубарь В.М. Херсонес Таврический и Римская империя. Очерки военно политической истории. К., 1994.
19. Зубарь В.М. Северный Понт и Римская империя. К., 1998.
20. Кадеев В.И. Херсонес Таврический в первые века н.э. Харьков, 1981.
21. Латышев В.В., Греческие и латинские надписи, найденные в Южной России в 1888-1991 гг. // Материалы по археологии России. № 9. СПб., 1892.
22. Макаров И. А. «Первая элевтерия» Херсонеса Таврического в эпиграфических источниках // ВДИ. 2005. №2..
23. Масленников А.А. Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. 1995. Вып. VI
24. Масакин В.В. Римские шлемы императорского времени в Северном Причерноморье// Научной конференции «Ломоносовские чтения» 2009 года и Международной научной конференции студентов, аспирантов и молодых ученых «Ломоносов-2009» — Севастополь: Филиал МГУ в г. Севастополе, 2009.
25. Новиченкова Н. Г. Римское военное снаряжение из святилища у перевала Гурзуфское Седло// ВДИ. 1998. №2.
26. Пуздровский А. Е., Политическая история Крымской Скифии во II в. до н.э. - III в.н. э.// ВДИ. 2001. №3.
27. Пуздровский А. Е. Крымская Скифия II в. до н.э.- III в. н.э. Погребальные памятники. Симферополь, 2007.
28. Ростовцев М. И. Цезарь и Херсонес // ИАК. 1917. №63.
29. Русаева А.С. Свидетельство Страбона о мысе Партеций, храме и ксоаноне херсонесской богини Партенос // Древности Северного Причерноморья в античное время.//МАИЭТ. Supplementum. Вып. 4. Симферополь, 2007.
30. Сапрыкин С.Ю. Асандр и Херсонес (к достоверности легенды о Гикий) // ВДИ. 1987. №1.
31. Сапрыкин С. Ю. Понтийское царство. М., 1996.
32. Сапрыкин С.Ю. Тира и фракийские цари// Археология. 1997. №4.
33. Сапрыкин С. Ю. Боспорское царство на рубеже двух эпох. М., 2002.
34. Смыков Е.В. Марк Антоний и политика clementia Caesaris //АМА. 1990. Вып. 7.
35. Соломоник Э.И. Граффити с хоры Херсонеса. К.,1984, с. 9;
36. Стржелецкий С.Ф. Основные этапы экономического развития и периодизация истории Херсонеса Таврического в античную эпоху// Проблемы истории Северного Причерноморья в античную эпоху. М., Изд-во АН СССР. 1959.
37. Херсонес Таврический в середине I в. до н.э.- VI в. н.э. Очерки истории и культуры. Харьков, 2004.
38. Шелов-Коведяев Ф.В. Новый декрет из Херсонеса// ВДИ. 1982. №2.
39. Inscriptiones antiquae orae septentrionalis Ponti Euxini Graecae et Latinae. Volumen quartum, supplementa continens per annos 1885—1900 collecta. Petropoli. 1901.
40. Latyshev V.V. Inscriptiones Tyrae, Olbiae, Chersonesi Tauricae aliorum locorum a Danubio usque ad regnum Bosporanum. Petropoli. 1916
41. Mommsen Th., Römische Geschichte. Buch VIII. 1976.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

†ЗОЛОТАРЁВ

Мирон Ильич (1945-2004)

Кандидат исторических наук, в 2000-2004 гг. зам. заведующего кафедрой истории Черноморского филиала МГУ, зав. отделом античной археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический»

* * *

БОЙЦОВА

Елена Евгеньевна

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, проректор по научной работе Севастопольского городского гуманитарного университета

БОЛГОВ

Николай Николаевич

Доктор исторических наук, профессор, заведующий кафедрой всеобщей истории Белгородского государственного университета

ВИКТОРОВ

Юрий Геннадьевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе

ГАВРИЛОВ

Александр Викторович

Старший научный сотрудник отдела античной археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины (г. Симферополь)

ГАЙДУКОВ

Никита Евгеньевич

Преподаватель Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва)

ДОБРЕЦОВ

Михаил Михайлович

Исследователь

ДОРОШКО

Валентин Валерьевич

Аспирант кафедры истории древнего мира исторического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова (г. Москва)

КОЗЛОВ

Михаил Николаевич

Кандидат исторических наук, доцент, декан Финансово-экономического факультета Севастопольского института экономики и права Международной академии труда и социальных отношений

ПРОКОПЕНКО

Сергей Николаевич

Кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры всеобщей истории Белгородского государственного университета

СТРУКОВА

Екатерина Валерьевна

Научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический»

УШАКОВ

Сергей Владимирович

Кандидат исторических наук, доцент кафедры истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе, старший научный сотрудник отдела античной археологии Крымского филиала Института археологии НАН Украины, ведущий научный сотрудник Национального заповедника «Херсонес Таврический»

ХАПАЕВ

Вадим Вадимович

Старший преподаватель, заместитель заведующего кафедрой истории и международных отношений Филиала МГУ в г. Севастополе

ЧОРЕФ

Михаил Михайлович

Преподаватель Тюменского государственного университета

* * *

КАРНАУШЕНКО

Александр Дмитриевич

Студент Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва)

КАРНАУШЕНКО

Элла Николаевна

Студентка Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета (г. Москва)

КУЗНЕЦОВ

Владимир Николаевич

Студент III курса исторического факультета Белгородского государственного университета

КУЧЕРЕНКО

Марина Игоревна

Студентка III курса исторического факультета Белгородского государственного университета

ЛЯХОВСКАЯ

Олеся Витальевна

Студентка III курса исторического факультета Белгородского государственного университета

РЕПИНА

Екатерина Васильевна

Студентка III курса исторического факультета Белгородского государственного университета

ТЮРИН

Максим Игоревич

Студент II курса отделения «История» Филиала МГУ в г. Севастополе

Научное интернет-издание

Избранные статьи по материалам докладов, прочитанных в секции «Древняя и средневековая история Причерноморья» на Международных научных конференциях «Лазаревские чтения» в 2007-2009 годах / под общей редакцией В.И. Кузищина.

ОТВЕТСТВЕННЫЕ РЕДАКТОРЫ ВЫПУСКА:

С.В. УШАКОВ, В.В. ХАПАЕВ

НА РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Дизайн, макет и верстка выполнены
в историко-археологической лаборатории
кафедры истории и международных отношений
Филиала МГУ в г. Севастополе

Подписано к публикации 20.01.10 г.
Формат 70 x 108 1/16
Объем 10, 25 п.л., уч. изд. л. 6,85.
Распространяется через сеть Интернет

